

МАКСИМ АВЕРИН:

*«Артист — тема
добра, любви
и вечных ценностей»*

О творчестве певицы Натальи Павловой читайте на стр. 86

О творчестве певицы Натальи Павловой читайте на стр. 86

Неизвестное об известном

- Светлана Марлинская «Для чего пережила тебя любовь моя?»
или Герой не своего времени 4

Это интересно

- Александр Попов Три даты «Чудного мгновенья» 19
Светлана Леонтьева Изобретатели бессмертия 54
Ирина Опимах Микеланджело — мастер фейков,
или История одной подделки 65

Из российской истории

- Александр Ралот «Признать виновным в инциденте!» 27

Донбасские истории

- Олег Визер Жестокость 36

Замечательные современники

- Дарья Парчинская Максим Аверин: «Театр прекрасен,
потому что неповторим» 73
Дмитрий Соколов Наталья Павлова: «Для меня огромная честь
быть частью летописи Мариинского театра» 86

Фантастика

- Ирина Чупина Счастливая семья 83

Звезды не гаснут

- Евгения Гордиенко Любовь Соколова. Всенародная мама 90
Юрий Осипов Паоло Соррентино. Пленный красотой 120

Рассказ

- Александр Марков Пицца богов 96

Задумаемся?..

- Ольга Александрова 451 градус нежности 113

Мистический детектив

- Варвара Клюева Три жизни на двоих 136

Кроссворд. Эрудит

- 188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актер театра и кино Максим Аверин.
Фото Ольги Пономаревой

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью**
**«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

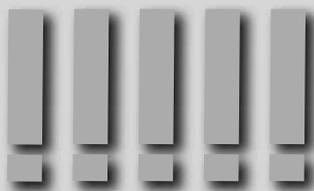
Зак. №

Цена свободная

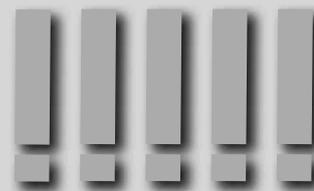
Номер подписан в печать: 21.10.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС

Дорогие читатели!

Ильф и Петров, Аркадий Аверченко, Михаил Зощенко, Джером-Джером, Михаил Жванецкий, Аркадий Арканов, Михаил Задорнов...

Список юмористов можно продолжать до бесконечности...

А вы умеете видеть смешное в любой ситуации, посмеяться над окружающим миром и над собой? Если да, этот конкурс именно для вас!

Мы живем в очень непростые времена, и чувство юмора помогает нам относиться ко многому добродушно-насмешливо и держаться, как говорится, «на плаву». К тому же, оно многое говорит о человеке.

Вот мы и решили на этот раз объявить для читателей новый конкурс:

«СМЕХ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ, ИЛИ ПОСМЕЕМСЯ ВМЕСТЕ»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2026 года.

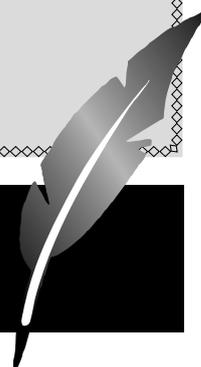
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы
в первом номере 2027 года, а победители получают премии
в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

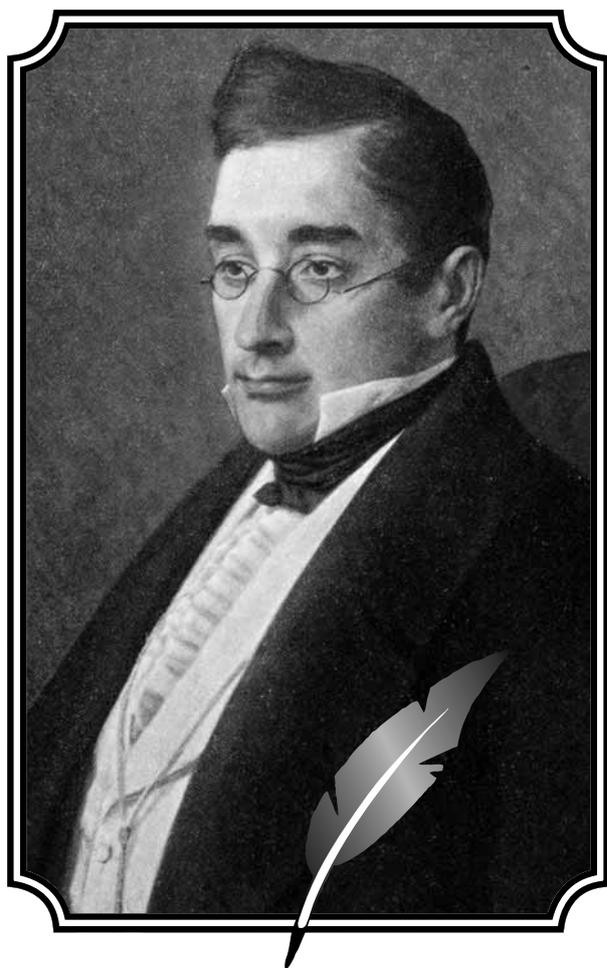
*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

«ДЛЯ ЧЕГО ПЕРЕЖИЛА ТЕБЯ ЛЮБОВЬ МОЯ?»

или

Герой не своего времени

Бывают люди, настолько опередившие свое время, что только спустя десятилетия (если не столетия) потомки начинают понимать, какая звезда мелькнула на небосклоне прошлых лет. Так произошло с Александром Сергеевичем Грибоедовым, одним из образованнейших людей своего века, только волею случая не избравшего военную стезю и только случайно же ставший дипломатом, что привело его к трагической гибели.

*Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.*

Эти стихи Баратынского традиционно называются «Надпись к портрету Грибоедова». Так это или нет — судить трудно, но эти строки очень точно передают образ, загадочный для его современников и, по существу, оставшийся неразгаданным до конца и по сей день.

Три факта составили славу этого необыкновенного человека. Комедия «Горе от ума», давным-давно разошедшаяся на афоризмы и не

уступающая по уровню талантливости ни одному из современных Грибоедову драматургов. Женитьба на юной и прекрасной грузинской княжне Нине Чавчавадзе, чья любовь вошла в легенды. И трагическая гибель в Персии, где Александр Сергеевич выполнял дипломатическую миссию.

Оказывается, этого вполне достаточно для того, чтобы обрести бессмертие. И все-таки потомки не совсем благодарны: на один уровень с Пушкиным и Лермонтовым Грибоедова никто никогда не ставил. Потому что не был «гоним» властями? Был, и, кстати, суровее вышеназванных поэтов: при жизни автора «Горе от ума» не было поставлено ни в одном из театров.

Или потому, что его любовь не давала повода для сплетен и пикантных слухов? Ведь женщина, тридцать лет хранящая верность умершему мужу, не позволяет писать многотомные труды о ее «моральном облике». Это — неинтересно.

Или потому, что гибель на чужбине от рук обезумевшей толпы фанатиков не столь «романтична», как смерть на дуэли? Тогда это несправедливо. Грибоедов погиб, защищая интересы России, для которой, кстати, сделал много больше всех российских поэтов, вместе взятых.

Так почему же почти забыт? Кто знает... История — дама капризная и неблагодарная, а людская память вообще не подчиняется никаким законам логики.

Александр Сергеевич Грибоедов родился в Москве 15 января 1795 года в семье, не блиставшей ни родовитостью, ни богатством (как, кстати, и Пушкин). Но в отличие от «солнца русской поэзии» получил прекрасное образование: сначала домашнее, на которое родители не жалели средств и приглашали в гувернеры образованных иностранцев, а в учителя — университетских профессоров. Новое александровское время требовало и новых людей, прежде всего, людей высокообразованных. Так что следующим шагом был Университетский Благо-

родный пансион, а затем и университет.

Студентом Грибоедов стал в одиннадцатилетнем возрасте, что и тогда было редчайшим исключением. Объяснить это можно только блестящими дарованиями и прекрасной предварительной подготовкой. В Грибоедове рано сказались склонность к литературе, и при поступлении в университет он выбрал словесное отделение тогдашнего философского факультета. Через два с половиной года он уже был произведен в «кандидаты словесных наук» и получил соответ-

ствующий аттестат. Этого было достаточно, чтобы начать государственную службу, но четырнадцатилетний кандидат наук продолжил образование на юридическом факультете, став через два года обладателем соответствующего аттестата по юриспруденции.

Дважды кандидат наук в шестнадцать лет! Это казалось невероятным, но... Грибоедов не собирался останавливаться на достигнутом и вознамерился заняться математикой и естественными науками. Реализации этих планов помешала война 1812 года и закрытие в связи с этим университета.

Без преувеличения можно сказать, что Александр Грибоедов был одним из образованнейших людей своего времени. К тому же он очень рано попробовал себя в литературе, но был, по-видимому, чрезмерно строг к своим произведениям: не дошедшая до нас пародия на трагедию В.А.Озерова «Дмитрий Донской» вызвала самые восторженные отклики его товарищей и профессоров. Но «книжным червем» Грибоедов отнюдь не был, хотя по образованности превосходил всех своих сверстников и в литературе, и в обществе.

Началась война с Наполеоном, и Александр, к неопишуемому ужасу и недовольству своей родни, записался волонтером в полк графа Салтыкова. Без лишнего пафоса он принял участие в национальной оборо-

не и только стечение обстоятельств (пока формировался полк, Наполеон покинул Москву, а затем и Россию) помешало ему достойно проявить себя на поле битвы.

Но Грибоедов не вернулся в светскую жизнь Москвы: он предпочел чиновничьей карьере малопривлекательную кавалерийскую службу в гусарском полку, в глухих закоулках Белоруссии и Литвы, где провел три с лишним года, постепенно осознавая, что эта среда — не его, и что нужно возвращаться в более высокие и культурные слои общества. Но военная служба навсегда оставила свой отпечаток на характере Грибоедова, да и герои многих его произведений имели своими прототипами бывших армейских товарищей. Я не оговорила: именно многих произведений: он писал стихи, сочинял и переводил пьесы, опубликовал в «Вестнике Европы» несколько публицистических статей.

В 1816 году Александр Сергеевич вышел в отставку, переехал в Петербург и поступил в коллегия иностранных дел, благо, ко всему прочему, он блестяще владел несколькими языками — французским, немецким, английским и итальянским.

Этот переезд в Петербург имел важное значение для Грибоедова: после начинавшегося уже, по его словам, одичания в глуши Белоруссии и Литвы он не только возвратился в культурную жизнь, но вошел в такой круг развитых, благородно

мыслящих и любящих родину людей, которого до той поры и не ведал. Прогрессивные умы стремились, во что бы то ни стало, порвать с рутинной и застоем и грезил о светлом будущем. К ним примкнул и Грибоедов, только что вступивший и в чиновничий мир, и в петербургский большой свет, и в закулисные уголки театра (куда манили его и сердечные увлечения, и любовь к сцене), и в круг литераторов. Но и здесь проявлялась та независи-

тесно в то время он сблизился с декабристами — Одоевским, Чаадаевым и Рылеевым. Никто и никогда не узнал имя той женщины, которая вызвала первую страстную любовь Грибоедова, и с которой его безжалостно разлучили из-за досадного недоразумения: Александр был секундантом на одной из великосветских дуэлей. В поединке из-за женщины — знаменитой балерины Истоминой — участвовали Шереметьев и граф Завадовский. Вторым

В 1816 году Грибоедов вышел в отставку и переехал в Петербург, где поступил в коллегию иностранных дел — он блестяще владел французским, немецким, английским и итальянским языками. Оказавшись в Петербурге, он не только возвратился в культурную жизнь, но и вошел в круг благородно мыслящих и любящих родину людей, которые стремились порвать с рутинной и грезил о светлом будущем

мость, с которой Грибоедов впоследствии занял место среди главных направлений литературы, заявляя, что «как живет, так и пишет свободно». Он появлялся и в свете, где его меткое, но холодное и строгое остроумие удивляло и смущало, внушая собеседникам ложное представление об озлобленности его ума, мешая им разгадать в нем необычайно даровитого человека.

Еще одной характерной чертой Грибоедова была скрытность — он ничего и никогда не делал напоказ и избегал скандальных ситуаций. Никто не подозревал, насколько

секундантом был Якубович. Шереметьев был смертельно ранен, а обстоятельства поединка вызвали много толков в обществе. При этом Якубович сумел повернуть дело так, что главным виновником трагедии оказался Грибоедов. Александр Бестужев-Марлинский, известный писатель-декабрист, впоследствии близкий приятель Грибоедова, долго намеренно избегал личного знакомства с ним: «Я был предубежден против Александра Сергеевича, — писал он в своих воспоминаниях. — Рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне пе-

реданы были его противниками в черном виде».

Вместо ссылки влиятельная родня Грибоедова добилась его «почетного» назначения на дипломатическую должность секретаря посольства... в Персии — словно судьба устроила генеральную репетицию последующих трагических событий.

Впрочем, о своих переговорах по поводу назначения в Персию Грибоедов не без юмора писал своему другу Бегичеву:

«Представь себе, что меня непременно хотят послать — куда бы ты думал? — в Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает; однако я третьего дня по

приглашению нашего Министра был у него и объявил, что не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина тотчас при назначении меня в Тегеран. Он поморщился, а я представлял ему с всевозможным французским красноречием, что жестоко было бы мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиатцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказать от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен (не смейся: я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно?), словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя бы несколько соразмерного возмездия...»

Грибоедов приехал в Тегеран в марте 1819 года и почти сразу же вынужден был отправиться в длительные инспекционные поездки по стране. Окончательно он обосновался в Тевризе, где в полном затишье «дипломатического монастыря» провел значительную часть своей первой службы на Востоке. Обязанности были несложные, но окружение — достаточно убогим: ни русские сослуживцы, ни иностранные дипломаты не могли понять его запросов и разнообразных интересов. Он ушел в себя: то усиленно занимался восточными языками (пер-

сидским и арабским), то читал, или же работал над давно задуманной комедией, удивляясь, что там, где у него нет никаких слушателей, стихи так и льются. В Тевризе были вчерне окончены первые два акта комедии, в ее третьей и последней редакции.

Время от времени он совершал деловые поездки в Тифлис; однажды вывез из Персии и возвратил на родину целую толпу несчастных, едва прикрытых лохмотьями русских пленных, несправедливо задержанных персидскими властями.

Это неустрашимо выполненное предприятие обратило на Грибоедова особенное внимание генерала Ермолова, едва ли не единственного человека, сразу разгадавшего в нем редкие дарования и оригинальный ум. Генерал добился, наконец, назначения Грибоедова секретарем по иностранной части при главнокомандующем на Кавказе.

Первая «персидская ссылка» закончилась, но Грибоедова ожидало в Тифлисе новое испытание. Сосланный за участие в роковой петербургской дуэли на Кавказ, Якубович, затаивший обиду, стал немедленно хлопотать об устройстве новой дуэли — на сей раз с самим Грибоедовым. Для этого он заручился поддержкой будущего заместителя России на Кавказе Н.Н. Муравьева, который взялся устроить дело так, чтобы о нем не проведало начальство.

Через три дня после приезда Грибоедова в Тифлис в уединенном

месте дуэлянты встретились. Условия поединка были очень тяжелыми: шесть шагов между барьерами. Сохранился каким-то чудом подробный рассказ об этом поединке в дневнике Муравьева:

«Мы назначили барьеры, зарядили пистолеты и, поставив ратоборцев, удалились на несколько шагов. Они были без сюртуков. Якубович тотчас подвинулся к своему барьеру смелым шагом и дожидался выстрела Грибоедова. Грибоедов подвинулся на два шага; они простояли одну минуту в сем положении. Наконец, Якубович, вышедши из терпения, выстрелил. Он метил в ногу, потому что не хотел убить Грибоедова; но пуля попала ему в левую кисть руки. Грибоедов приподнял окровавленную руку свою, показал ее нам и навел пистолет на Якубовича. Приметя, что тот метил ему в ногу, он не захотел воспользоваться предстоящим ему преимуществом: он не подвинулся и выстрелил. Пуля пролетела у Якубовича под самым затылком и ударила в землю; она так близко пролетела, что Якубович полагал себя раненым: он схватился за затылок, посмотрел свою руку, однако крови не было. Грибоедов после сказал нам, что он целился сопернику в голову и хотел убить его. Раненого положили в бричку, и все отправились ко мне... Тот день Грибоедов провел у меня; рана его не опасна была. Дабы скрыть поединок, мы условились сказать, что мы были на охоте, что Грибоедов

с лошади свалился и что лошадь наступила ему ногой на руку...»

Для Грибоедова дуэль имела только одно, но крайне неприятное последствие: замечательный музыкант, он уже никогда больше не сажился за рояль. Ходили слухи, что Якубович искалечил ему руку умышленно, но это маловероятно, учитывая несовершенство конструкции пистолетов того времени. Само попадание в противника уже можно было считать удачей, так что красивые легенды о «сознательном убийстве» на дуэлях Пушкина и Лермонтова — не более чем позднейшая выдумка.

Оказавшись в Тифлисе и быстро оправившись от ранения, Грибоедов вдруг осознал, что для успешного завершения комедии, которая уже получила название «Горе от ума», ему необходимо взглянуть на изменившееся за пять лет столичное общество. Он испросил отпуск и неожиданно легко получил его почти на два года.

Летом 1824 года после бурного и блестящего зимнего сезона в Москве Грибоедов закончил «Горе от ума», но об этом знала только его сестра. Увы, роковая случайность сделала тайное явным, и люди, узнавшие себя в безжалостной сатире, сделали все возможное, чтобы пьеса не увидела свет.

По словам самого Грибоедова, с той минуты, как приобрело такую гласность его заветное произведе-

ние, он поддался соблазну слышать свои стихи на сцене, перед той толпой, образумить которую они должны были. Он решил ехать в Петербург хлопотать о ее постановке. Но высокопоставленные недоброжелатели успели настолько повредить ему в правящих сферах, что все, чего он смог добиться, это разрешения напечатать несколько отрывков из пьесы в альманахе «Русская Талия» за 1825 г., а сценическое исполнение было запрещено.

Естественно, как это часто водится на Руси, комедия получила распространенность в десятках тысяч списков. Это была слава, но совсем не такая, какой желал автор: злобная критика, обрушивавшаяся и на комедию, и на него лично, и на все, что ему было дорого, сильно подействовала на Грибоедова.

Веселость была утрачена навсегда; периоды мрачной хандры все чаще посещали его; он поторопился вернуться на Кавказ и тем самым остался в стороне от событий на Сенатской площади. Правда, пришлось давать показания следственной комиссии, но фактически дело декабристов никак не отразилось ни на жизни, ни на судьбе Грибоедова, хотя в корне изменило его характер — литературная деятельность, по-видимому, прекратилась навсегда. Творчество могло бы осветить его унылое настроение; он искал новых вдохновений, но с отчаянием убеждался, что эти ожидания тщетны. «Не знаю, не слишком ли я от себя требую, —

писал он из Симферополя, — умею ли писать? Право, для меня все еще загадка, что у меня с избытком найдется что сказать, за что я ручаюсь; отчего же я нем?»

На сей раз служба на Кавказе не ограничивалась канцелярскими обязанностями: то и дело вспыхивали вооруженные конфликты между персами и русскими. Необходимо было принимать участие в военных начинаниях, сопровождать войска во время экспедиций в горы, или же, когда началась русско-персидская война 1827–28 гг., присутствовать при всех схватках и сражениях. Мало кому известно, что на войне Грибоедов показал себя абсолютно бесстрашным человеком, не уклонявшимся от самых опасных поручений. Впрочем, возможно, это прошло мимо внимания историков еще

и потому, что сам он чрезвычайно редко и скупно писал о своей военной жизни.

Дипломатический опыт Грибоедова оказался неоценимым во время переговоров с побежденными персами и заключении выгоднейшего для России Туркманчайского договора, принесшего ей и значительную территорию, и большую контрибуцию. Но именно это стало той первой искрой, из которой разгорелось жгучее пламя ненависти персов к русскому дипломату: сквозь витиеватые любезности в восточном вкусе слишком ясно проглядывали ненависть и нетерпеливое желание отомстить...

В феврале 1828 года Грибоедов снова отправился в Петербург с донесениями и текстом трактата. Он был принят во дворце, где получил

чин статского советника, орден святой Анны с алмазами, медаль за персидскую войну и четыре тысячи червонцев. (Странно, что так мало и скупно пишут историки о дипломатических успехах Грибоедова и о стремительном взлете его карьеры, а ведь он отстаивал интересы России — не свои личные...) Парадоксально и то, что только дипломатическая служба давала ему средства к жизни. У него не было времени на сочинения, а «Горе от ума», которое могло бы обеспечить ему безбедную жизнь, по-прежнему находилось под жестким запретом цензуры.

Окончание войны, поездка в Петербург и новая деятельность, открывшаяся вслед за тем перед Александром Сергеевичем, пресекли последние его порывы к творчеству. Пришлось поставить на «сцене жизни» небывалую трагикомедию с кровавой развязкой. Никого не нашлось из числа дипломатов, кто сумел бы, явившись в побежденную Персию тотчас после ее поражения, установить с тактом, знанием людей и условий жизни правильные отношения обеих стран кроме Грибоедова, пользовавшегося репутацией специалиста по персидским делам и творца только что заключенного договора. Несмотря на заявленное им решительнее прежнего нежелание ехать в Персию, где, как он вправе был ожидать, его всего более ненавидели как главного виновника унижения национальной чести, отка-

заться было невозможно ввиду желания императора.

Грустно прощался Грибоедов со всеми знавшими его, предчувствуя вечную разлуку. Упрочение русского влияния в Персии, предстоявшее теперь как главная задача его деятельности, уже не занимало его вовсе; он слишком пригляделся к восточному быту и складу мысли, чтобы находить живой интерес в открывшейся перед ним возможности долгого житья в одном из центров застоя, самоуправства и фанатизма. Но долг обязывал стойко осуществлять принятое на себя трудное дело, и новый полномочный министр не раз взвесил и обдумал во время пути из Петербурга политику, которой он должен следовать.

Луч счастья осветил внезапно уставшего душой Грибоедова в ту пору жизни, когда, казалось, все радости его давно покинули. У него было множество сердечных увлечений и романов, но никогда, однако, он не переживал глубокого и сильного чувства и даже выработал себе несколько пренебрежительный взгляд на женщин. Но все эти теории рухнули в тот момент, когда в Тифлисе он встретил пятнадцатилетнюю княжну Нину Александровну Чавчавадзе, считавшуюся признанной красавицей и имевшую тьму поклонников, наперобой перевозносивших не только ее красоту, но и ум. Она была моложе Грибоедова на семнадцать

лет и знала его как друга дома. Вероятно, любовь Грибоедова к Нине незаметно выросла вместе с ней самой.

Что случилось, какая молния поразила Александра Сергеевича и юную княжну — неизвестно. Но после одного из семейных обедов в доме родителей Нины Грибоедов отвел ее в сторону и буквально выпалил предложение руки и сердца, которое сразу же было принято. Он был безмерно счастлив, несмотря на то, что здоровье его резко ухудшилось, он страдал от приступов лихорадки и даже потерял сознание в церкви во время венчания, уронив при этом обручальное кольцо. Многие сочли это зловещим предзнаменованием. Новобрачный же говорил лишь о том, что переживает такой роман, который оставляет далеко за собой самые причудливые повести славящихся своей фантазией беллетристов.

Когда он поправился настолько, что мог пуститься в путь, они отправились в Тевриз через Эривань. Всюду молодую чету принимали с истинно грузинским гостеприимством, старались подольше задержать дорогих гостей под любыми предлогами, и эти восточные любезности стали мешать Грибоедову в исполнении его служебных обязанностей.

В Тевризе обнаружилось, что Нина беременна и везти ее с собой в Персию — невозможно из-за всевозможных осложнений со здоро-

вьем. Договорились, что она проведет некоторое время в Тевризе, окрепнет и приедет к супругу в Тегеран, где он к тому времени приготовит все необходимое.

О нежности, которой он окружал свою маленькую «мурильевскую пастушку» (как он называл Нину; ей только что пошел шестнадцатый год), говорит письмо его к ней, одно из последних (из Казбина, 24 декабря 1828 г.), полное ласки, любви и мольбы к Богу, чтобы никогда им больше не разлучаться:

«Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя, и тоска исчезала, теперь же чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще немного, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться...

Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобой сошлись, и на веки...

Когда я к тебе ворочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно, все мне кажется, что опять с тобой то же случится, как за две недели перед моим отъездом. Только и надежды, что на Дереджану, она чутко спит по ночам, и от тебя не будет отходить. Поцелуй ее, душка, и Филиппу и За-

*Княжна
Нина
Чавчавадзе*

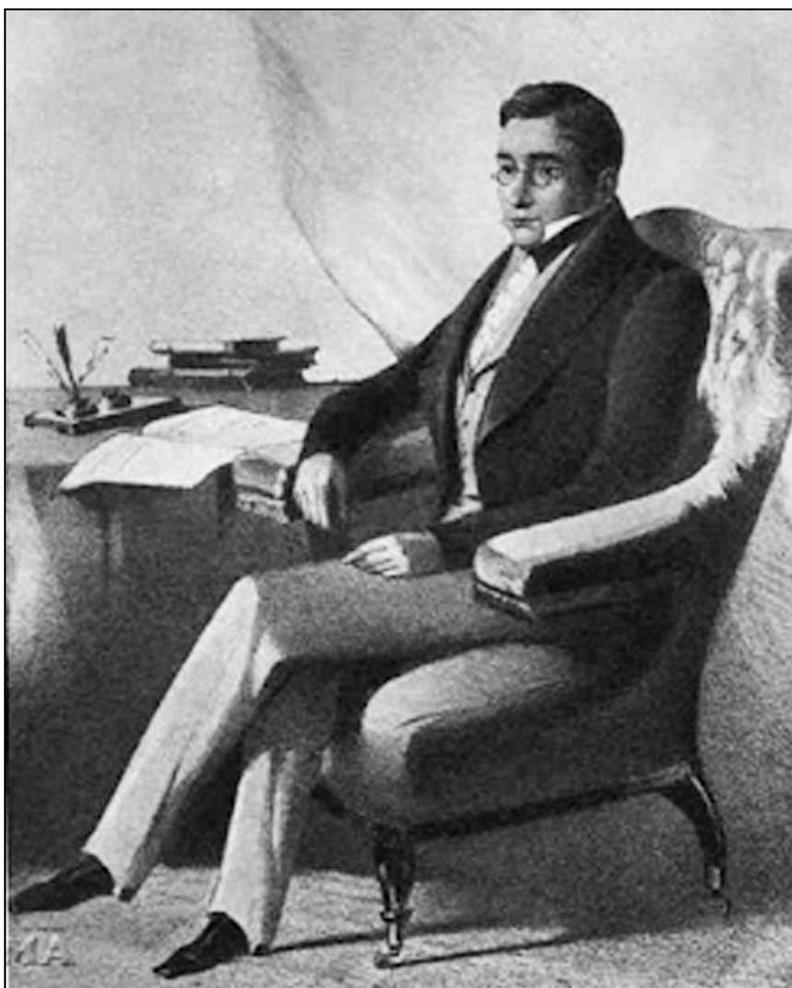
харию скажи, что я их по твоему письму благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду уметь и их сделать довольными».

Прибыв в Тегеран, Грибоедов с какой-то отчаянной решимостью начал выполнять ту программу действий, которую сам себе составил: ни в чем не уступать персам, получить для России как можно больше выгод. Естественно, друзей среди персов это ему не прибавило, зато дало возможность англичанам, по-

стоянно интриговавшим при персидском дворе против России, настроить шаха против строптивого русского дипломата. Ситуация становилась все острее еще и потому, что патриотизм был постоянной, яркой и устойчивой чертой характера Грибоедова. Не показной, а истинный патриотизм: с первых шагов своей дипломатической деятельности он готов был жизнь положить за несчастных соотечественников. Один из его современников вспоминал:

«Мне не случилось в жизни ни в одном народе видеть человека, который бы так пламенно, так страстно любил свое отечество, как Грибоедов любил Россию. Он в полном значении обожал ее. Каждый благородный подвиг, каждое высокое чувство, каждая мысль в русском приводили его в восторг».

Но в данной ситуации Грибоедов слишком далеко зашел. Стремясь как можно быстрее урегулировать все спорные вопросы, добиться в стране мира и покоя и заняться, наконец, прочным устройством личной жизни, он невольно возбуждал ненависть персов, поддерживаемую и разжигаемую властями и особенно духовными лицами. При огромных скоплениях народа они фанатически проповедовали месть и истребление русских как «врагов Аллаха». Светские персидские сановники хотели лишь заставить русских пойти на некоторые уступки в договорах, народный мятеж и, тем более, резня совершенно не входили в их планы,

но в роковой день возле русского посольства собралась почти сотысячная неуправляемая толпа фанатиков. Посольство было вырезано полностью, чудом спасся лишь один человек — советник Мальцов. Это случилось 30 января 1829 года.

Катастрофу предвидели все — и персы, и русские, и все же она произошла. Грибоедова сумели опознать в гряде тел только по руке, изуродованной во время дуэли с Якубовичем. Потребовались долгие дипломатические усилия персидского правительства, чтобы снова наладить отношения с Россией: ему это удалось, в основном, потому, что шла очередная российско-турецкая война, и император Николай не желал приобретать второго противника на театре военных действий.

Конфликт окончательно разрешился лишь весной, когда из Тегерана в Петербург выехало высокое посольство во главе с царевичем Хозрев-Мирзой, который вез «цену крови погибших русских» — знаменитый алмаз «Шах», которым и поныне можно любоваться в Оружейной палате Кремля.

Николай I принял посольство со всей возможной пышностью и в ответ на витиеватую персидскую речь сказал всего семь слов:

— Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие!

Но тело одной из жертв «злополучного происшествия» везли в Россию куда медленнее и без особых почестей. Только 2 мая гроб прибыл в Нахичевань и был встречен русскими властями. 11 июня, неподалеку от крепости Гергеры, произошла знаменательная встреча с Пушкиным, описанная им самим в «Путешествии в Эрзерум»:

«Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге, несколько грузин сопровождали арбу.

— Откуда вы? спросил я.

— Из Тегерана.

— Что вы везете?

— Грибоеда.

Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году,

в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить, он мне сказал:

— Вы не имеете представления об этих людях, вот увидите, в ход пойдут кинжалы»

Нина Грибоедова долгое время не знала о произошедшей трагедии. Она по-прежнему жила в Тевризе, где ее оставил муж, и единственным ее утешением и развлечением были письма от него. Но после 30 января воцарилось молчание, понять причин которого юная женщина не могла. Сначала она пыталась успокоить себя рассуждениями о трудностях дороги из Персии в Россию, о возможной пропаже писем, и ее друзья всячески поддерживали в ней это настроение. Но, наконец, русский консул в Тевризе получил официальное сообщение о катастрофе.

Нине Александровне не решились рассказать страшную правду. Приехавший из Тегерана Мальцев, проявив чудеса выдержки, рассказал Грибоедовой, что ее супруг здоров, но слишком занят, поэтому не мог написать, а просил на словах передать его просьбу вернуться в Тифлис к родителям и там дожидаться возвращения мужа. Затем пришло письмо от князя Чавчавадзе, сообщившего дочери ту же версию. Терзаемая страшными подозрениями, шестнадцатилетняя беременная

женщина подчинилась воле мужа и отца. В родительском доме она была окружена любовью и заботой, но случай — болтливость заехавшей в гости родственницы — открыл страшную правду. В ту же ночь Нина Александровна до срока разрешилась от бремени ребенком, прожившим лишь несколько часов. Какое-то время врачи опасались за жизнь самой матери, но молодость и здоровье не дали ей воссоединиться с мужем.

Она встречала процессию с останками Грибоедова, прибывшую

толпы народа, воспоминание об ужасной кончине Грибоедова раздирали сердца знавших и любивших его! Вдова, осужденная в блестящей юности своей испытать ужасное несчастье, в горестном ожидании стояла с семейством своим у городской заставы; свет первого факела возвестил ей о близости драгоценного праха: она упала в обморок, и долго не могли привести ее в чувство».

На другой день состоялось отпевание в том же Сионском соборе, где совсем недавно проходило вен-

---

Когда после трагедии, произошедшей в Тегеране, тело Грибоедова привезли в Тифлис и похоронили у монастыря святого Давида, его юная вдова воздвигла на его могиле скульптурный памятник со словами: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русских, но для чего пережила тебя любовь моя?»

в Тифлис вечером 17 июля (почти через полгода после трагедии!). Сохранились свидетельства очевидца об этой сцене:

«Дорога к городской заставе идет по правому берегу Куры; по обеим сторонам тянутся виноградные сады, огороженные высокими каменными стенами. В печальном шествии было нечто величественное и неизъяснимым образом трогало душу: сумрак вечера, озаренный факелами, стены, сплошь униженные плачущими грузинками, окутанными в белые чадры, протяжное пение духовенства, за колесницую

чание Грибоедова и княжны Чавчавадзе. Даже митрополит, произносивший надгробное слово, не мог удержаться от слез, собравшиеся же в храме рыдали. Похоронили Грибоедова у монастыря святого Давида, прекрасным местоположением которого он всегда любовался, выражая желание найти себе здесь могилу. В последний путь Александра Сергеевича провожал чуть ли не весь город...

Позже вдова воздвигла на могиле Грибоедова скульптурный памятник со словами, подсказать которые

могло только бесконечно любящее сердце:

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русских, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Ее любовь пережила Грибоедова почти на тридцать лет. Нина Александровна осталась верна памяти покойного мужа и отклоняла самые лестные брачные предложения. В 1857 году она была похоронена рядом с ним.

Увы, пожалуй, она одна по достоинству оценила ту утрату, которую понесла Россия. Ужаснувшись страшной смерти великого человека, общество почти мгновенно забыло о нем. Не было ни стихов, прославлявших безвременно ушедшего талантливого писателя и дипломата, ни возмущения такой нелепой кончиной. Да и о вдове Грибоедова мало кто вспоминал: она же всего-навсего сохраняла ему верность и не совершала поступков, ускоривших его кончину. Она просто любила... а это скучно и неромантично. То ли дело Натали Гончарова!

И литературное наследие Грибоедова осталось практически неизвестным и невостребованным. Хотя он был талантливым поэтом, судя по немногим сохранившимся стихам, как, например, вот это:

*«Я дружбу пел... Когда я струн
касался,
Твой гений над главой моей
парил,
В стихах моих, в душе тебя любил*

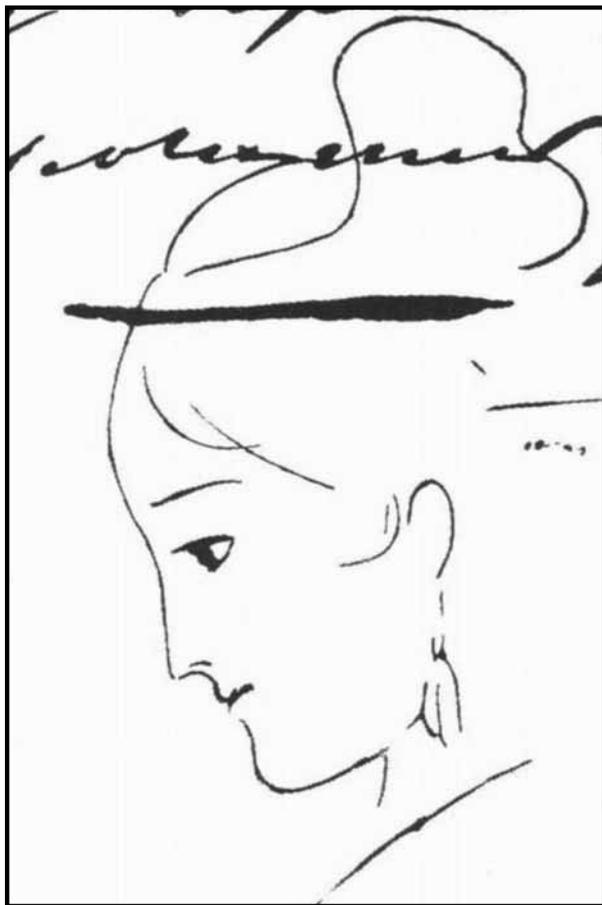
*И призывал, и о тебе терзался!...
О, мой Творец!.. Едва расцветший
век*

*Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?»*

Стихотворение посвящено Одоевскому, близкому другу Грибоедова, сосланному в Сибирь за участие в декабристском мятеже, и ни в чем не уступает аналогичным произведениям прославленных поэтов.

Справедливости ради следует все же сказать, что Грибоедов был не столько поэтом, сколько драматургом, причем его имя навеки связано лишь с одним единственным произведением. История мировой литературы знает немало таких примеров: Данте с его «Божественной комедией», «Дон-Кихота» Сервантеса, «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Эти авторы писали и другие произведения, но память потомков сохранила только лучшее. Также произошло и с Грибоедовым. Явно опередивший свое время, неспособный в силу своего характера сделать блестящую придворную и дипломатическую карьеру, что так блистательно удалось вскоре Горчакову, тезка Пушкина навеки остался в тени памяти потомков. Хотя, повторюсь, сделал для блага России много больше всех литераторов своего века, вместе взятых.

Безусловно, герой. Но, увы, не своего времени... □

Графический профиль Анны Петровны Керн, исполненный Александром Пушкиным (1829)

Три даты «ЧУДНОГО МГНОВЕНЬЯ»

В нынешнем году чудесным образом сошлись три юбилейные даты, связанные с поэтическим шедевром Александра Сергеевича Пушкина под зашифрованным посвящением «К ***», известном также как «Я помню чудное мгновенье». Если верить преданию, на создание дивных строк поэта вдохновила Анна Петровна Керн. А 185 лет тому назад Михаил Иванович Глинка возложил на эти строки венец музыкального вдохновения, сочинив романс, который до сих пор волнует людские сердца. В отношении посвящения есть, однако, сомнения, а с романсом связана любопытная история протяженностью около 15 лет.

ЗАГАДКА «К ***»

Анна Петровна Керн (в девичестве Полторацкая) родилась 22 февраля 1800 года. В 17 лет она была выдана замуж за «нелюбимого», героя войны 1812 года генерала Ермолая Керна, 52 лет, человека сурового и от лирических сантиментов далекого. «Я почти ненавижу его, — писала Анна. Из троих детей выжила одна — Екатерина, родившаяся в 1818 году, спустя год после свадьбы.

История Анны Петровны наполнена страстями, скандалами и ми-

молетными вспышками взаимности. За спиной нелюбимого мужа молодая жена сочла возможным вести фривольную жизнь. Вскоре после свадьбы завела любовника, о чем узнали в свете, и слухи дошли до супруга. Любовные истории сопровождали Анну Петровну всю семейную жизнь с генералом, вплоть до разрыва с ним в начале 1826 года. Официального развода не было, и это сильно повредило ее репутации в свете. Но она жила смело, ярко, своенравно, ее тянуло в круг поэтов, офицеров, светских денди. И од-

нажды в этом многообразии персонажей появился и Александр Сергеевич Пушкин.

В источниках написано, что в круг мужчин, близких Анне Керн, сначала входили приятели Пушкина: Аркадий Родзянко, Антон Дельвиг, Сергей Соболевский, цензор Пушкина Александр Никитенко, Левушка — брат Александра Сергеевича и, наконец, сам Пушкин.

Их роман длился девять лет, если считать от первой встречи зимой 1819 года в Петербурге на балу Елизаветы Олениной, тетушки Анны. Милая молодая дама очень впечатлила юношу. Будущее «солнце русской поэзии» рискнуло блеснуть перед ней комплиментом — Керн отреагировала сухо, но запомнила юношу. Шесть

лет после этого они не виделись, однако Керн внимательно следила за набирающим поэтический вес Пушкиным. В первой половине лета 1825 года, во время ссылки поэта в Михайловское, она специально приехала в расположенное неподалеку имение Тригорское, «желая знакомства с первым русским поэтом». Пушкин тогда уже был автором «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», многих стихотворений.

С середины июня до середины июля поэт почти ежедневно бывал в Тригорском. Они много гуляли, беседовали, Пушкин читал ей стихи, здесь впервые прозвучали «Цыгане». У Анны оказался чудесный голос. «Недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет, — писал Пушкин.

«В глуши, во мраке заточенья» поэт нашел свою музу, источник вдохновенья. Но была ли это любовь, истинное вдохновение, достойное возвышенной поэзии? Или всего лишь

игра, забава в духе пушкинских эпиграмм?..

В Тригорском испытанное при первой недолгой встрече чувство пробудилось с новой силой, обретая теперь огонь любовной энергии и честолюбивого мужского желания. Потому, как часто пишут, он и создал свое бесценное творение в начале лета 1825 года, когда Анна почти месяц была рядом. Но... долгожданной близости так и не произошло. А в день отъезда Керн — 19 июля — поэт подарил ей вторую

Как же выглядела та, что обрела бессмертие в поэтическом шедевре? Сохранилось не более десятка портретов Анны Керн, но все равно все ее портреты называют предполагаемыми. Но не вызывает сомнений ее графический профиль, который Александр Сергеевич оставил на черновике одной из своих статей в 1829 году. Одно можно сказать: Пушкин соткал в своих строках загадку, которая и сегодня будоражит умы и сердца людей.

главу «Евгения Онегина» в неразрезанных листах, между которыми лежал листок бумаги со строками «Чудного мгновенья» и с посвящением «К ***». Увидев листок в руках Анны, поэт вдруг взволновался и попытался забрать его. «Когда я собиралась спрятать в шкапулку поэтический подарок, — писала потом Керн, — он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил его и не хотел возвращать; насилу выпросила я опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю».

Уже не установить, вложил ли он листок специально для Керн, либо просто забыл там? И было ли оно посвящено его тригорской музе? А может, стихотворение посвящено не Анне Керн. Возможно, она была для него не более чем милой симпатичной девушкой?..

Пушкиновед Кира Викторова в своей книге «Пушкин и императрица. Тайная любовь» пишет: «Напрашивается вопрос: что же, Пушкин будет называть божеством женщину, о которой он такого мнения? А, знаете, она очень злая, эта «дама Керн»,

злопамятная. Когда собирали деньги на памятник Пушкину, ни рубля не дала, объяснив, что «он такой охальник». Она, полагает Викторова, прекрасно знала, что не о ней написано стихотворение «Я помню чудное мгновенье», и утверждает, что поэт посвятил свое лучшее стихотворение о любви самой императрице-красавице Елизавете Алексеевне, он был влюблен в нее с лицейских времен. Встреча с ней, даже случайная, могла оставить воспоминание столь незабвенное, что оно нашло свое отражение в бессмертных строках «Мгновенья».

Викторова также объясняет дату написания стихотворения. «Именно императрице, — пишет она, — поэт собирался вручить автограф, нагнав поезд царицы, следующей в Таганрог в начале сентября 1825 года через Псковскую губернию, где находилось Михайловское». Есть и другие версии. Но в этой главное — привязка по времени. В любом случае, не доказано, что «Чудное мгновенье» посвящено именно Анне Керн...

ОБРАЗ НЕЖНЫЙ, ЧТО ВДОХНОВИЛ ПОЭТА

Как же выглядела та, что обрела бессмертие в этом поэтическом шедевре? Непростой вопрос. В источниках есть очень выразительные фразы об ее ослепительной красоте, но звучит и обратное. Сохранилось не более десятка портретов

Анны Керн. Они мало похожи друг на друга и сказать, что на них изображена красавица, трудно. Некоторые исследователи сомневаются, что это Анна Петровна. Пожалуй, самым красивым можно назвать портрет, что хранится в Российском национальном музее музыки. Мы видим прекрасную даму в голубом платье с глубоким декольте, обрамленным узкой кружевной полосой. В прическу вплетены голубые цветы с листьями, что делает красавицу похожей на гордую римлянку. Но это предполагаемый портрет. Даже самое известное изображение Анны Керн, где мы видим грустную женщину лет сорока в капоре с черными траурными ленточками, тоже часто называют предполагаемым.

Но не вызывает сомнений ее графический профиль, который оставил Александр Сергеевич на черновике одной из своих статей в 1829 году. Прелестная склоненная головка, милые изящные черты. Поэтический рисунок. Здесь Анне Петровне 29 лет. Пушкин не забывал о своей влюбленности....

А может, поэта вдохновила не конкретная женщина, а нечто более абстрактное, эфемерный отблеск чистой красоты, поэтический идеал, образ, рожденный вдохновением от созерцания природных красот или восхищением яркой звездной ночи? Столь глубокие и тонкие строки могли быть плодом воображения, а не данью конкретной страсти. Пушкин соткал в своих строках загадку,

которая и сегодня будоражит ум и сердце...

КАК ГЛИНКА «ПОТЕРЯЛ» СТИХИ

Летом 1826 года, прогуливаясь в саду Юсуповского дворца в Петербурге вместе с Пушкиным и еще двумя барышнями, Анна Петровна была представлена Михаилу Глинке. Сделал это ее знакомый генерал Петр Петрович Базен. Они и представить не могли, сколь причудливо сплетутся потом их судьбы. Базен пригласил всю компанию к себе в гости: «Прекрасного чаю обещать не стану, ибо не знаю в нем толку, но зато обещаю чудесное общество: вы услышите Глинку, одного из первых наших пианистов».

Вечер прошел чудесно. «Мудрено описать мое удивление, — писала позже Керн в «Воспоминаниях» — когда раздались чудные звуки блистательной импровизации; я никогда ничего подобного не слыхала... такой мягкости и плавности, такой страсти в звуках... я никогда ни у кого не встречала!.. Так ласково сливаются

одни звуки с другими, так непрерывно бегут они друг за другом, что каждая, кажется, его нота влюблена в другую и стремится за нею по внушению чувства!» Трудно отыскать в воспоминаниях современников более яркие, точные, красочные слова о будущей звезде русской музыкальной культуры. Михаилу Глинке было тогда 22 года, Анне Петровне — 26. Она уже была зрелой светской дамой.

Михаил Глинка

Внимание Анны Петровны к Глинке не ограничилось поверхностным восхищением. Она видела в нем не только музыкальный талант, но и мужчину с душой, открытой чувствам редким и возвышенным. В дневниках, записках и письмах Анны Петровны в адрес Глинки высказано много возвышенного восхищения. Для нее встреча с компо-

зитором была, возможно, лишь мимолетным увлечением, но ему, двадцатидвухлетнему, она представлялась пленительной, вдохновляющей музой! А как же иначе: ведь на него обратила внимание ТАКАЯ женщина!

«Глинка бывал у меня часто, — писала Анна Керн в дневнике, — его приятный характер, в котором просвечивалась добрая, чувствительная душа нашего милого музыканта, произвел на меня такое же глубокое и приятное впечатление, как и музыкальный талант его, ко-

ним временам, она пишет: «Михаил Иванович Глинка сделал на стихи прекрасную музыку и оставил их у себя». Создается впечатление, что бессмертный романс посвящен именно ей, Анне Петровне. И так думают многие

Да, Глинка написал знаменитый романс. Но не для Анны Петровны Керн. Он узнал тогда, что она вела весьма вольный образ жизни и в тот период «крутила любовь» еще с четырьмя мужчинами, не говоря о том, что было до... Пришел в ужас и сделал вид, что стихи потерял.

Анна Петровна видела в Глинке не только музыкальный талант, но и мужчину с душой, открытой чувствам редким и возвышенным. Для нее встреча с композитором была, возможно, лишь мимолетным увлечением, но ему, двадцатидвухлетнему, она представлялась пленительной, вдохновляющей музой!

торому равного до тех пор я не встречала».

Оригинал знаменитого «Мгновенья» с посвящением «К ***», вытребованный у Пушкина, хранился тогда у Анны Петровны. Произведение Пушкина она считала своим поэтическим подарком и попросила Глинку написать музыку на стихи. В трактовке Керн это выглядит так: «Он {Глинка} взял у меня стихи Пушкина, написанные его рукою: «Я помню чудное мгновенье... », чтоб положить их на музыку, да и затерял их, бог ему прости!» В другом месте воспоминаний, отнесенном к более позд-

РОМАНС ДЛЯ ЕКАТЕРИНЫ КЕРН

Пережив неудачный роман с матерью, Михаил Иванович через тринадцать лет влюбился в ее дочь, Екатерину. Он знал ее с детских лет. Видел, когда бывал в гостях у Анны Петровны. Та позже писала в «Воспоминаниях»: «маленькая дочь моя иначе не называла его, как «Миша Глинка, которому грустно». (Это одно из немногих упоминаний о дочери в дневнике матери.)

А потом они встретились в Смольном институте, где работала

Екатерина, когда окончила его с отличием. Катенька Керн и послужила источником вдохновения для Глинки в написании знаменитого романа. «Ее ясные выразительные глаза, необычайно стройный стан, и особенного рода прелесть и достоинств, все более и более меня привлекали, — писал композитор, — вскоре чувства мои были вполне разделены милою Е. К., и встречи с ней становились все отраднее».

Ему было 35 лет, ей — 21 год. Беда в том, что Михаил Иванович тогда был... женат. Жил в неудачном браке с Марией Ивановой, женщиной, далекой от музыки, но властной и расточительной. Она была неверна мужу и чуть его не разорила. Оказавшись несчастным в семейной жизни, Глинка увлекся Катенькой. Она была искренней, утонченной девушкой, чей музыкальный вкус оказался сродни его собственному. В честь нее в 1840 году он и сочинил знаменитый романс. К тому времени Глинка был уже известным композитором, автором испытавшей огромный успех оперы «Жизнь за царя» (в советском будущем «Иван Сусанин»).

СЧАСТЬЕ НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Но с новой возлюбленной Глинка не обрел счастья. Жена долго не давала развода. Тяжба тянулась шесть лет. Екатерина забеременела и, скрывая «конфузию», уехала в Малороссию. Дитя так и не родилось

на свет... Немалую сумму на заботы дал Михаил Иванович.

Время шло, очарование любви с обеих сторон мало-помалу развеивалось. «Мои чувства не изменились, но печальный опыт и холодный ум убили надежды — вижу теперь несообразность моих намерений, мы слишком связаны обстоятельствами, — писал Глинка Катеньке на

Екатерина Керн

Украину. Они почти не встречались. Показала характер и мать Екатерины. Когда она и Михаил Иванович встретились в Петербурге — Глинка приехал туда для постановки «Руслана и Людмилы» — Анна Петровна сказала: «Не стану лгать, что вас забыли. Но если и вспоминают, то уже без нетерпения, без лихорадки и бессонницы. Жизнь берет свое». Что оставалось Михаилу Ивановичу? Характера он был скорее робко-

го. Против брака была и его мать. «Идеал мой разрушился, и теперь я благодарю провидение, что все случилось так, как случилось», — подвел итог композитор. Семейное счастье не сложилось. Тем временем, наконец-то произошел развод, но, увы, слишком поздно... Впоследствии Глинка так и не женился.

Но в память о несбывшемся счастье осталось чудесное, исключительно выразительное произведение, шедевр мировой музыкальной классики. Именно Анна Петровна сохранила это чудное произведение для мира, передав его Глинке. По мнению многих, это лучший любовный романс в русской музыкальной культуре. В нем, считают большинство критиков, уровни поэзии и музыки равноценны, создается богатое «...впечатление интонационного единства и слияния напевности звуков, слов и музыки». Романс, рожденный в любви, живет и доныне, спустя 185 лет оставаясь созвучным человеческим чувствам и мечтам.

Стихотворный оригинал произведения затерялся. Возможно, действительно, у Глинки. Судя по всему, он хранил его, как минимум, до 1840 года, когда написал романс для Екатерины, хотя опубликован он был еще в 1827 году. Вряд ли источником вдохновения могли послужить строки, напечатанные задолго до того в нотной брошюре, наряду со многими другими. Другое дело — автограф великого поэта.

А может, оригинал, каким-то образом, хранился у самой Анны Пе-

тровны до конца ее дней? На исходе жизни она оказалась в страшной нищете и продавала по пять рублей письма Пушкина. Но листок, как читаем в одном из источников, с начертанными рукой поэта строками в томике «Евгения Онегина», был неприкосновенным. Выходит, автограф не пропал?! А после смерти Анны Петровны о бесценном листке никто и не подумал. Как было на самом деле, мы никогда не узнаем. Листок пропал, изысканное произведение осталось в культурном коде России...

Спустя шесть лет после расставания с Глинкой Екатерина Керн вышла замуж за юриста Михаила Осиповича Шокальского. Родила сына. Двумя годами позже муж умер. Поднимать сына ей помогал Григорий Александрович Пушкин, сын А. С. Пушкина. Скончалась Екатерина Керн в 1904 году. Юлий Михайлович Шокальский стал известным ученым, академиком, океанографом, председателем Русского географического общества (1917 — 1931), Героем Труда в Советской России.

R.S. В бумагах крупнейшего тогда в России музыкального издательства М. И. Бернарда сохранилась расписка Глинки о получении им трехсот рублей за романсы «Я помню чудное мгновенье» и «Как сладко с тобою мне быть». В пересчете на сегодняшние цены Глинка получил за одно стихотворение примерно 150 тысяч рублей. □

«Признать ВИНОВНЫМ В ИНЦИДЕНТЕ!»

*«После его смерти
ко мне приходили разные
господа, облеченные се-
рьезными полномочиями.
Требовали выдать архив.
И даже устроили обыск.
Но ничего не нашли»*

Вдова
Сергея Юльевича Витте

ТИФЛИС. СЕРЕДИНА ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА. БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Мальчику повезло. Он родился в семье крупного чиновника, потомка переселенцев из Голландии. Матушка, урожденная Фадеева, — потомок старинного княжеского рода Долгоруких.

Детство и юность Сережа провел в доме своего дяди — генерала Ростислава Андреевича Фадеева.

Как и полагается, достигнув школьного возраста, он был зачислен в первую Тифлисскую гимназию, в которой учился из рук вон плохо. По всей видимости, был худшим учеником не только в своем классе, но и во всем этом элитном заведении. Как правило, все гимназисты жили там же, на полном пансионе, то есть находились под присмотром учителей и на-

ставников круглосуточно. Однако юный Витте, закатив скандал, от этой «услуги», отказался и числился вольноопределяющимся. То есть на занятия его привозили, а вот после их окончания ему было дозволено возвращаться домой. Сергей «возвращался» гораздо раньше, с трудом отсидев первый урок: открывал окно и удирал в дом деда. А чего штаны зазря просиживать, если после обеда эти самые учителя придут к ним домой в качестве репетиторов, и за солидное вознаграждение будут учить «уму-разуму».

Домашнее обучение на пользу не пошло. Кое-как Сергей, сдав выпускные экзамены (по всем предметам... только удовлетворительно, а по поведению — единица!), отправился поступать в недавно открывшийся Одесский (Императорский Новороссийский) универси-

Сергей Витте

тет. (Понятное дело, что с таким аттестатом, ни в столичный, ни в московский, ни в казанский университет, поступить было невозможно.) Конечно же, только на платное отделение...

ОДЕССА. МЕТАМОРФОЗЫ

Перед приемной комиссией этого учебного заведения была поставлена простая и понятная задача — набрать студентов на все факультеты! Тем не менее, изучив документы тифлисского юноши-мажора, как бы сказали сегодня, ему безапелляционно указали на дверь. Посоветовав напоследок еще раз пройти гимназический курс, после чего

вновь сдать экзамены и уже с этим новым аттестатом приходиться годика этак... Впрочем, неважно, как окончит среднюю школу с нормальными оценками — так пусты приходит.

Сергей поступил иначе — отыскал сильно пьющего, но очень способного репетитора по математике, с которым и занимался от запоя до запоя преподавателя.

«Эксперимент» с повторным обучением закончился более чем удачно! Витте успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен на самый сложный физико-математический факультет университета! Более того, за все годы учебы он считался одним из лучших студентов. Помогал сокурсникам в освоении сложных наук, репетиторствовал, зарабатывая первые свои деньги.

Защитив диссертацию и получив степень кандидата физико-математических наук, Сергей всерьез задумался о карьере ученого и преподавателя.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

На мечтах о научной карьере пришлось поставить жирный крест. И виной тому стала смерть отца. Неожиданно выяснилось, что некогда благополучная семья в долгах как в шелках. Кредиторы выставили счет на баснословную сумму — двести тысяч рублей! И это была лишь часть, которую должна была выплатить семья Витте, на самом деле, долг был значительно больше. Бра-

тья разделили этот долг по-честному. Дело в том, что несколько лет назад отец получил от тогдашнего наместника, князя Барятинского, задание построить металлургический завод. Надо полагать, что покойный верил в этот проект, потому как вкладывал туда и свои средства, и с приданого супруги, а также и серьезные заемные средства. Однако проект прибыльным не стал. Созданная государственная комиссия во всем разобралась и постановила — кредиторам все деньги вернуть!

На семейном совете решили, что самая прибыльная отрасль в нынешней России — это железные дороги, и Сергею надобно идти туда. Только так можно постепенно рассчитаться с долгами.

Пути строили частные компании. По протекции дяди — Ростислава Андреевича Фадеева (удивительнейшего человека, чуть не ставшего начальником Генерального штаба русской армии) Сергея приняли на работу в отделение Одесской железной дороги.

Тут же возникла новая проблема. Служащие железных дорог — это закрытая каста узких специалистов, и достигнуть каких-либо карьерных высот можно было лишь после того, как пройдешь курс обучения в столичном институте инженеров путей сообщения (кстати, относящемся к военному ведомству) и получишь диплом.

Витте и здесь поступил по-своему. Учиться в Санкт-Петербург он не поехал — надо было деньги зарабатывать и долги отдавать, — а устроился на низшую должность и, как говорится, прошел тернистый путь от простого билетера — кассира, кондуктора, кочегара, помощника начальника станции — до управляющего отделением дороги (и это притом, что профессионального образования он так и не получил).

В закрытом обществе с таким карьерным ростом мириться не хотели, и приказ о назначении так и не был подписан. Поэтому, фактически выполняя должностные обязанности управляющего, по документам Сергей числился всего лишь начальником службы движения.

Трибунал

В канун очередной русско-турецкой войны произошла серьезная железнодорожная авария. На тилигульской ветке поезд, везший новобранцев к зоне будущих сражений, сошел с рельсов. Около ста человек погибли или получили увечья. Причина — халатность стрелочника. Сергея, конечно, наказали, но досталось и высшим чиновникам. И все же именно Витте был признан виновным в инциденте!

Судья назначил ему «суровое» наказание — четыре месяца тюрьмы! Казалось бы, на карьере можно поставить крест. Но тут помогла начавшаяся война...

*Карикатура — Витте
в своем кабинете*

КИШИНЕВ. СТАВКА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА РОМАНОВА

— Надеюсь, вы газеты читаете и в курсе последних событий, — обратился хозяин кабинета к стоящему возле дверей Сергею Витте, — и не мне вам объяснять, сколь важно доставить людей, провиант и снаряды к зоне начавшихся боевых действий. Ступайте и делайте все возможное дабы...

— Я бы с радостью, но не могу, — не дал ему закончить фразу Витте, — просто не имею такой возможности, ибо прямо отсюда отправляюсь в тюрьму для отбытия наказания.

— Сможете обеспечить переброску — сидеть не придется! Это я вам обещаю...

Слева:

Западно-Сибирская железная дорога. Испытание первой секции моста через реку Иртыш

Витте предупредил о возможной катастрофе

И он смог. Да еще как! Новобранцы ехали на войну со всех концов огромной империи, прибывали в Одессу и здесь застревали надолго. Виной тому были паровозы, персонально закрепленные за машинами, следовательно, эксплуатировались не более двенадцати часов в сутки! Люди отдыхали, паровозы — простаивали.

Витте распорядился поставить на каждый из них по два машиниста, и простой техники сократился до двух часов в сутки.

Далее. Раненые по многу дней ожидали прибытия специальных санитарных вагонов, на которых их доставляли в госпитали, находящиеся далеко от линии фронта. А между тем, составы, подвозящие к фронту

новобранцев, назад ехали порожняком. Сергей Юльевич велел на них увозить раненых. Немедленно в газетах поднялся «вой»: Витте — изверг! Издевается над людьми! Везет их в вагонах как скот! Превысил свои полномочия! Судить негодяя! Однако при этом смертность в госпиталях сократилась в несколько раз!

Сергея Юльевича повысили в должности: назначили членом правления объединенных железных дорог и перевели в столицу. Но не амнистировали! Правда, разрешили в дневное время из тюрьмы отлучаться. Так он и жил: в светлое время суток — в своем кабинете, а на ночь возвращался в каземат, на арестантскую шконку...

1886 ГОД. КИЕВ. КАБИНЕТ УПРАВЛЯЮЩЕГО ЮГО- ЗАПАДНЫМИ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОРОГАМИ С.Ю. ВИТТЕ

— Да что вы себе позволяете?! Вы представляете последствия?! Ограничить движение литерного Царского состава! Это неслыханно! Да стоит мне доложить, и вы тут же вернетесь в ту тюрьму, в которой уже отбывали срок, или отправитесь прямоком на Соловки! Там, слава богу, никаких железных дорог нет! — потрясал кулаками и брызгал слюной от негодования адъютант императора Александра III.

— Использовать для разгона вашего литерного два мощных и тяжелых паровоза на наших путях — это преступление! И на вверенном мне участке я такого не допущу из соображений безопасности, — совершенно спокойно, не повышая голоса, парировал Витте, — можете так и доложить Его Высочеству.

(В октябре того же года под Харьковом, где не нашлось такого же принципиального начальника, царский поезд потерпел крушение. Семья самодержца чудом избежала смерти).

Ну а Витте, правда, два года спустя, назначили начальником только что созданного Департамента железнодорожных дел... при Министерстве финансов России.

Причем, этот переход на государственную службу для Сергея Юлье-

вича был крайне невыгоден в финансовом плане. Положенная ему заработная плата была во много раз меньше того гонорара, который он получал, работая на частный бизнес. (Жалование на прежнем месте работы — 40 000 рублей в год, на новой должности всего лишь — 3000!)

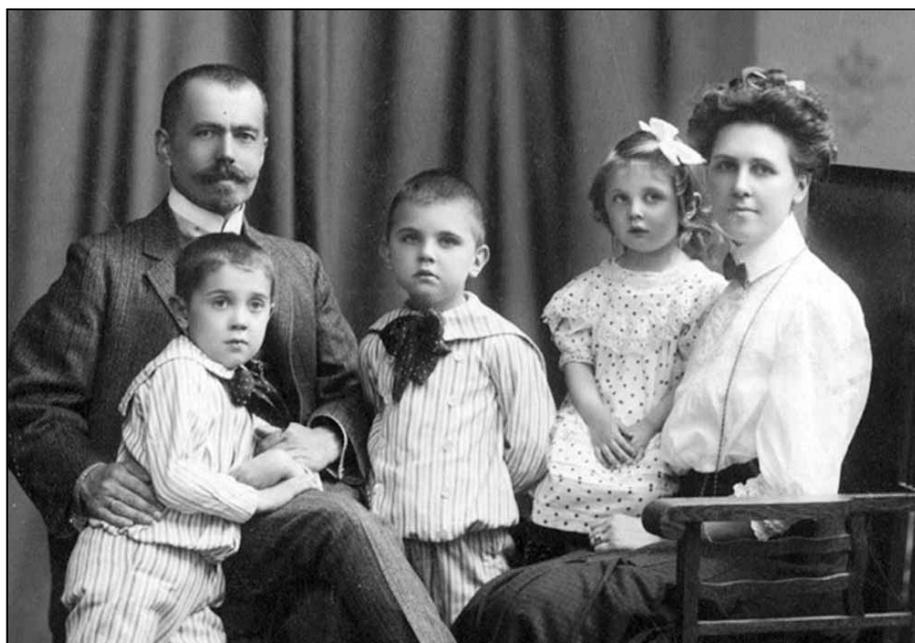
Император решил доплачивать Сергею Юльевичу из личных средств, но все равно даже это повышенное жалование было гораздо ниже того, которое было у него раньше...

В феврале 1892 года — Витте уже стал министром путей сообщения, а еще через год — министром финансов. И эту должность он занимал целых одиннадцать лет. Делал все, чтобы в России национальный бизнес и производимые им товары имели преимущество перед импортом.

— Пусть наши паровозы пока хуже шведских или немецких, со временем мы обязательно их догоним и даже опередим! — говорил он. — Давая льготы отечественным купцам и торговцам, мы вернем деньги в казну через налоги, однако обеспечим всех нуждающихся рабочими местами и, наконец, перестанем зависеть от урожая: уродилось зерно — есть в казне деньги. Нет урожая — нет денег.

В тысяча восемьсот девяносто седьмом году с его подачи Россия перешла к золотому обращению. Отныне любой человек мог, без всякой волокиты и в любом количестве, обменять бумажные ассигнации на полновесную золотую или серебря-

*Витте
с семьей*

ную монету и наоборот. Конечно, не обошлось без девальвации. Теперь один бумажный рубль стоил шестьдесят шесть золотых копеек. Крепкий русский рубль создал условия, обеспечившие солидный приток иностранных инвестиций, и они, в основном, пошли на развитие промышленности. Иностранцы прекрасно понимали, что без проблем смогут вывезти полученную в нашей стране прибыль в виде золотых монет с изображением государя Российского. Однако зачем же их вывозить? Гораздо выгоднее вновь и вновь вкладывать их в дело. Тем более что на золото нет инфляции, оно год от года только дорожает.

(Одна монета, достоинством в пять рублей — это три целых, семьдесят семь сотых грамма драгоценного металла, а десятирублевка — уже семь целых семьдесят сотых!)

Эта свободно конвертируемая валюта пережила и русско-японскую

войну, и революцию девятьсот пятого года, и была отменена лишь с началом Первой мировой!

Правда в этой реформе имелись и свои минусы: стабильная национальная валюта была невыгодна экспортерам.

(В нашем современном мире не отыскать ни одного государства, которое бы использовало золотой паритет в национальной валюте, а в Российской империи конца девятнадцатого века он был!)

ДВА РИСКОВАННЫХ БРАКА

Сергей Юльевич был дважды женат, и оба раза его бракосочетание вызывало, мягко скажем, общественное порицание: дело в том, что избранницы были дамы разведенные.

С Надеждой Спиридоновой, дочерью отставного штабс-ротмистра, Сергей познакомился, еще работая

в Одессе. И первое, что сделал ухажер после того, как их отношения стали иметь постоянный характер, начал хлопотать о разводе и, конечно же, добился своего. Однако их семейное счастье продлилось недолго, так как супруга страдала от чахотки, подолгу лечилась на курортах. Но все оказалось тщетно: в октябре 1890 года она скончалась.

ГОД СПУСТЯ

Марию Лисаневич Витте увидел в театре и сразу понял, что эта дама (урожденная Матильда Исааковна Нурок) должна всецело принадлежать ему.

Муж развода не давал. Претендент на руку и сердце грозился подключить весь доступный ему административный ресурс и добиться высылки соперника. Подобное заявление вполне могло стоить Витте карьеры, и не из-

за гонения на несговорчивого супруга, а из-за предстоящей скандальной женитьбе на разведенной женщине. В конце концов дело закончилось тем, что претендент на руку Марии банально откупился от ее мужа...

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ. КАБИНЕТ ИМПЕРАТОРА

— Я прочел ваше прошение об отставке, однако не понял сути его причины! — Александр III швырнул лист на стол и хмуро посмотрел на Сергея Юльевича, — извольте объясниться!

— Я собираюсь жениться и, дабы избежать возможных скандалов в прессе, прошу Ваше Высочество...

— О том, что вы хотите жениться, мне известно от шефа жандармов, причем, поверьте мне, во всех подробностях, — бесцеремонно оборвал его самодержец. — Вам нет никакого повода покидать занимаемый пост, ибо, если бы не женились при всех тех условиях, кои имели место, я бы перестал вас уважать. А нынче же я усугубляю (!) к вам мое доверие и уважение. Ступайте же и продолжайте нести предназначенный крест.

(Однако, несмотря на все заверения царя, его супругу так и не приняли в высшем свете и во дворец никогда не пускали).

Собственных детей у Сергея Юльевича не было, но он удочерил и воспитывал дочерей своих жен от их первых браков — Софью Спиридонову и Веру Лисаневич.

1905 ГОД

Ехать за океан и подписывать позорный мирный договор с Японией не хотел никто из приближенных императора. Отнекивались, как только могли.

Наконец, находясь под влиянием придворных «доброжелателей», Николай II отправил в Портсмут Сергея Юльевича. Полагал, что этой командировкой отыскал еще один способ ухудшить репутацию неуправляемого чиновника.

Однако Витте удалось достичь невозможного. В отличие от молчаливых японцев он с удовольствием общался с прессой, каждый раз подчеркивая, что Россия войну не проиграла и готова вести боевые действия еще не один год, поэтому ни о каких репарациях и речи быть не может.

Он неожиданно велел всей делегации разом забрать белье из прачечной, намекая, что они готовятся покинуть Соединенные Штаты и прекратить все переговоры. Газеты того времени писали, что в стране все больше и больше простых людей относятся с большой симпатией к русским.

В результате провал военной кампании нашей армии на полях сражений был компенсирован минимальными уступками.

Витте смог вполтину уменьшить размер территориальных потерь, а о какой-либо финансовой компенсации не могло быть и речи!

По итогам заключения мирного договора император все же пожаловал ему титул графа. Однако весь столичный бомонд до конца его дней за глаза именовал Витте не иначе как граф «Полу-Сахалинский».

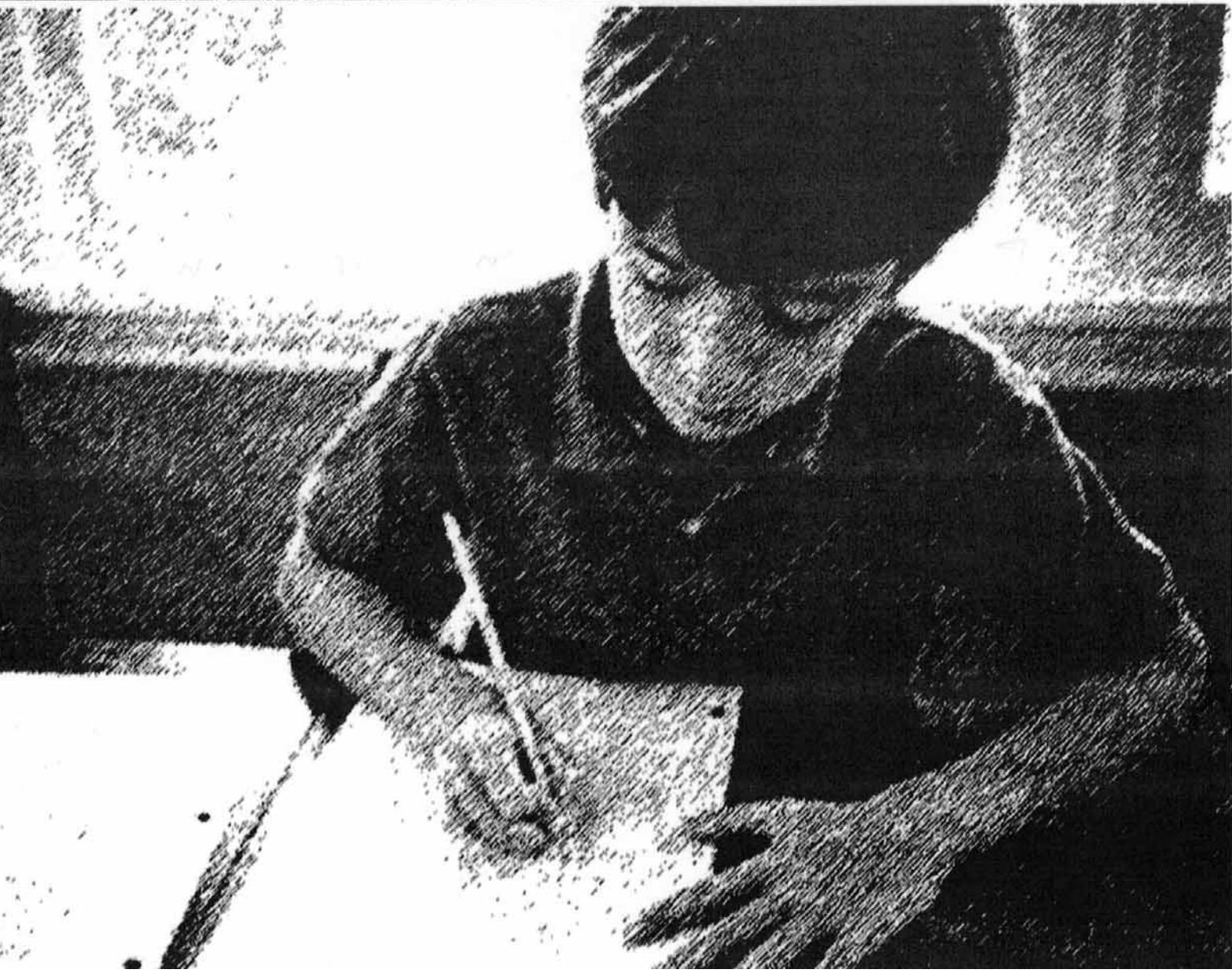
ПРОШЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ

В 1915 году Сергей Юльевич скончался от менингита. Столичная газетенка «Русское знамя» вместо полагающегося некролога напечатала одну строчку: «Одним вредным для России человеком стало меньше».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ЛАЗАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ. НАШИ ДНИ

Смотрю на его могилу. На установленном по его завещанию надгробии выбиты три даты: рождения, смерти и еще одна внизу — 17 октября 1905 года. Именно в этот день в Российской империи было введено ограниченное самодержавие.

Сергей Юльевич заранее считал это событие главным днем всей своей жизни... □

ЖЕСТОКОСТЬ

В тусклом свете восходящей луны, прячась под полуголыми кронами деревьев, продирались сквозь дебри зарослей и буреломы лесопосадки двое бойцов, одетых в военную форму разных государств. Русский солдат шел позади украинского военного, держа того под прицелом автомата, и время от времени прихрамывал. Украинец выглядел более живым, шел, постоянно прибавляя шаг, и поглядывал на небо. Когда русский отставал, он останавливался, чтобы подождать своего конвоира. Идти в наступающих сумерках было нелегко: дикая поверхность земли внутри лесополосы была неровной и сплошь усыпана поломанными ветками и поваленными молодыми деревьями; осенняя сырость расквасила почву, превратив ее в кашицу, а склизкие листья налипали на подошву вместе с грязью, вдвое утяжеляя и без того увесистую военную обувь; через валежники приходилось перелезать, потому что выходить на дорогу, чтобы обойти их, означало подвергнуть себя опасности быть замеченными дронами на открытом пространстве.

— Стой! Не спеши! — то и дело приказывал русский пленному, когда тот удалялся вперед больше допустимого.

Украинец послушно останавливался и, словно ребенок, во время прогулки далеко убегающий от сопровождающих его родителей, нетерпеливо ждал.

Русский боец с позывным «Бот» час назад взял нацика в плен. Все получилось спонтанно. Атака его штурмовой группы была сорвана вэсэушниками — пришлось отступить. Да что там отступить — драпать пришлось! Рассредоточились — вернее, разбежались кто куда. Такое бывает на войне: иногда приходится отступать. Многие ребята из отряда полегли. Кругом взрывы, стрельба, дым, пыль... «Бот» лишь помнил свист снаряда — и как

его взрывной волной отбросило в сторону. Когда он очнулся — тишина. А потом жгучая боль в бедре, будто оса, нет, рой ос! — ужалили в ногу. На штанине, чуть выше колена, виднелись пару крохотных дырочек. Позже боль немного утихла — или страх затмил ее, уж не до боли ему было: одна только мысль — куда бежать, чтобы не убили. Когда дым рассеялся, впереди, в пяти метрах от себя он увидел блиндаж, вход в который был загроможден трупами нацистов. Опасаясь, что внутри остались живые, «Бот» сделал одиночный выстрел в черный зев входа, и громко — так, чтобы тем, кто там остался, показалось, что снаружи целый взвод держит их в окружении — закричал:

— Выходим на корточках по одному, руки вверх! Или сровняем тут все с землей на фиг!

В ответ послышался грубый, хриплый, прокуренный голос:

— Ага, щас, орк поганий, так и здалися... А ось на тоби, гнидо, спробуй свинцю... — и тут же прогремел выстрел.

«Бот» отпрыгнул в сторону, и только хотел достать гранату, как прозвучал еще выстрел, и тот же, но уже стонущий от боли, голос выкрикнул: — Ах ти, паскуда, шкура москальська!..

— Не стреляй... — изнутри блиндажа донесся другой голос, тихий и умоляющий.

— Сколько вас? — Бот приготовился выдернуть чеку гранаты.

— Один... уже.

— Вылезай! Руки вперед... покажи руки!

Из темноты блиндажа появилось испуганное лицо укронациста с вытянутыми вперед руками.

— Этих, — Бот указал дулом автомата на трупы, загораживающие выход, — откинь в сторону... Да пошевеливайся!

— Щас, щас... тильки не вбивай — сдаюсь...

Испуганный вэсэушник спешно перекатил трупы сослуживцев в разные стороны, освобождая себе проход, и на карачках выполз из землянки, встал на колени, поднял вверх руки. Бот хотел, было, пристрелить нацика — в первые секунды им овладело невероятное желание уничтожить врага, не раздумывая, но... он вдруг, замешкался. В течение нескольких минут молча держал врага под прицелом, не сводя с него глаз, и подбирал слова, с помощью которых собирался выплеснуть на нациста всю свою накопившуюся за время спецоперации ненависть и осыпать проклятиями его и весь его род. Но и этого не сделал — помешали мысли: он вспомнил 2014-й, Крым и «вежливых людей». Бот решил вести себя как «вежливые люди» и подавил в себе гнев и агрессию. Негоже уподобляться нацистам. Не дождутся, не увидят они его злости. Пусть видят уверенность и силу. Пусть бесятся от нашего спокойствия и знают, что на нашей стороне правда, оттого мы и спокойны.

— А это что за гости? — Бот приблизился к мертвым вэсэушникам, одного из них ткнул ботинком в спину.

— Це поляк, — ответил нацик, брезгливо оглядываясь на мертвых товарищей, — а то — британец... Инструктори.

— Что, не помогли тебе, значит, твои ляхи? — усмехнулся Бот. — Помнишь хоть, чьи это слова?.. А-а, вы ж Гоголя не признаете? Как и Пушкина... Ух, фашисты, даже памятники снесли... Что прячешь глазенки? У-у, блин, мало вас...

— Не вбивай, братику, я ж...

— Заткнись, и шагай! Братик он...

Бот сделал шаг и присел на корточки, скорчившись от боли: в ноге резануло так, будто в нее цыганской иглой ширнули. Он потрогал рану, и под тканью брюк почувствовал влажность. Неужели осколок? Кость, вроде, цела, идти, слава богу, сможет. Наши где-то рядом — дотяну. И не с пустыми руками вернусь, а — как там раньше говорили? — «языка» приведу. Кстати...

— Кстати, кто главный? — Бот поднялся и подошел к убитым. — Командир кто, спрашиваю?

Пленный поочередно указал на три трупа.

Бот перевернул три тела на спину и ощупал их карманы. Вынул у всех документы и забрал планшет. «Может, там секретные документы», — обрадовался он.

— Погнали!

— Куды?

— На кудыкину гору... Вперед иди! И не вздумай рыпаться — пристрелю!

— Та не думаю, не думаю ничего...

Около получаса они шли по лесополосе, иногда останавливаясь, — Боту надо было сделать передышку: все большее было наступать на раненую ногу. Еще и наступающие сумерки затрудняли продвижение. Он и так слабо помнил, откуда его рота заходила в наступление, а сейчас, после легкой контузии, да еще при плохой видимости, вообще был дезориентирован: определить точно, откуда они начинали атаку, не мог: куда ни глянь — одинаковые поля и лесополосы, а за ними — никого, ни единого огонька. Бои давно прекратились, кругом тишина, и понять, насколько далеко отступили наши, не представлялось возможным. Кто его знает, может, теперь он находится на подконтрольной нацистами территории, и в любую минуту можно нарваться на врага.

Вдруг пленный остановился и застыл, прислушиваясь к звукам, посмотрел на небо.

— Что там? — Бот тоже остановился и вскинул автомат, целясь в темноту.

— Почулося, — выдохнул нацик. — Думав — дрон.

Бот совсем забыл про осторожность: дроны, и правда, могут легко их засечь, даже в темноте. Листва с деревьев почти вся осыпалась, и только на верхушках оставались редкие шапочки, а потому сверху, особенно днем, посадка просматривается хорошо. Надо быть внимательнее.

— А чего трясешься-то? Своих боишься или наших? Наши-то спасут...

— А наши, — перебил его пленный, — пристрелять... Живим ни вит-пустят.

— А, ну да, вы же нацисты — в спины стреляете.

— Та не нацик я! У мене и наколок немає, хочешь, подивися... — начал оправдываться пленный. — Я ж не сам, мене на силу тецэкашники закликали и пид конвоем на фронт видправили. Мисяць тому це было...

— Стой! — приказал Бот. — Стой, где стоишь! — и присел на ствол поваленного дерева, поглаживая ногу. — Передохнем малехо. — Темное пятно становилось все больше — рана кровоточила.

— Давай перевяжем, — предложил свою помощь вэсэушник.

— Сиди давай, не хрюкай! Без твоей помощи как-нибудь... Напомогали уже.

— У тебе рана серйозна... — пленный направился, было, к нему, но Бот вскинул автомат «на плечо» и крикнул:

— Стой, говорю, на месте!

— Та я ж помощи хочу... А то до своих не дотягнеш.

— А тебе-то что? Только счастье, если я крякну... Вернешься к своим нацикам...

— Та не нацик я, говорю ж...

— А кто ж ты, миротворец?

Бот не доверял ни единому слову нациста, хотя тот и был с виду порядочным. и даже своего застрелил... Но, кто знает, из каких побуждений это сделал.

— Зачем своего пристрелил?

— Богато гавкав, ось и пришив... Дюже смилый був пид наркотою. А мени через нього помирати не хотилося. Я думав, ти мене пристрелиш, не роздумючи... м-м, як це буде вашою мовою? — сразу.

— С чего бы? — удивился Бот и добавил: — Вот будешь много болтать — пристрелю, не волнуйся.

Пленный испуганно оглянулся на него.

— Так нам твердили, разумиеш, що ви, росияни, звіри, и стріляете без розбору — сразу, всих пидряд. И мучите як гитлеривци, и ще хлище...

— Не строй из себя жертву... Привыкли спихивать все на кого-то, а сами хуже тварей. Еще расскажи, как ты под влияние антирусской пропаганды попал.

— Я ж, зрозумий, и думати не думав, що все так обернеться, — и никто не думав, — а воно, вот як вийшло. Нас напихали всякими гадостями про вас, говорили різне — бильше поганого. Все, що пов'язано з русявою... — ой, не гнивайся на мою мову, брате, — з Росією... то, значить, погано.

— Да знаем, — раздраженно махнул рукой Бот. — Думаешь, не помню, что с вами устраивали в соцсетях лет десять назад? Что ни пост от ваших, то ушат грязи на нас. Я тогда еще не понимал, откуда у вас столько ненависти к нам. Вроде много ваших в России работали, вроде мы жили бок о бок, пили-ели продукты: вы — наши, мы — ваши, и вдруг — нате вам! Как только общение в инете, так сплошь клевета и злоба. Чего такого плохого, не понимал я, мы, русские, к примеру, лично я вот, вам сделали? Я бы жизнь прожил и знать бы о вас не знал, если бы не война. Мне абсолютно наплевать было на вашу Украину. Знал, что есть такая по соседству, ну и есть — мне от вас ничего не было нужно. Как вы там живете, с кем, о чем думаете, — меня совершенно не заботило. Ни плохого, ни хорошего — никакого отношения, понимаешь? Чего вам-то не жилось спокойно, бандеровцы?

— Та не казав я про вас поганого... У мене ридня в Російи живе. А може так: ти верно кажеш, голову нам добре прочистили, мою — точно. Кажу ж, думав, ти мене частинами почнеш розстрілювати: спершу по ногах, потім по руках... — так нас лякали.

Бот потянулся к бедру и погладил раненое место ладонью. Он уже еле сдерживал себя, чтобы не застонать от боли: рану жгло так, словно на нее углей насыпали. Но он изо всех сил старался не показать — ни эмоциями, ни голосом — свое страдание, иначе укронацист, не дай бог, почувствует смелость... и превосходство...

— Чего вылупился? Шагай, давай! — скомандовал Бот, поднялся, опираясь на оружие, и они двинулись дальше.

С каждой минутой боль в ноге усиливалась, и Бот уже не в силах был скрывать хромоту, отчего двигался все медленнее и медленнее. Постепенно им овладевала паника: что, если он не выдержит и рухнет без сил или потеряет сознание — голова не на шутку кружилась, — а этот пес, которого он сразу не пристрелил, возьмет, да и прихлопнет его с удовольствием его же оружием! При этой мысли ему стало нехорошо. «Нет, такой радости я ему не предоставлю, это точно. Надо идти, наши позиции рядом, — обнадеживал он себя.

Пройдя метров двести, они снова остановились.

— Стой! Привал! — Бот тяжело дышал и, утомленный ходьбой, уже не просто сел, а рухнул на землю мешком, вытянул раненую ногу и стал поглаживать ее.

Украинец остановился, оглянулся, и в его глазах не было ни злорадства, ни восторга — наоборот, нацик смотрел на него с неподдельным

сочувствием; в его взгляде появилось что-то человеческое, душевное... доброе, хотя он и пребывал в состоянии страха.

В том плачевном состоянии, в котором находился Бот, такое неожиданное изменение отношения плененного врага к нему, пленившему его и чуть было не лишившему жизни, могло и показаться. Разумеется, именно сейчас «Боту» необходимо было чье-то присутствие рядом и забота; ему хотелось верить в искренность и сострадание, доверять людям, принимать от них помощь, пусть даже эта помощь будет исходить от недруга. Страх потерять жизнь — да, к тому же, так не вовремя, так напрасно — затмевал разум Бота, подавляя чувство ненависти и недоверия даже к недавнему врагу.

— Чего уставился? — сквозь зубы процедил он. — И не думай мне, не сдохну, сейчас пойдем...

— Та не думаю я ничего... Сам надумуешь чорт знае що. Я ж не хочу назад... Толку ниякого — знову видправлять у окопи — тильке уже на смерт...

— Не пудри мозги, забодал уже! — Бот попытался подняться, но нога не слушалась, и он опустился обратно на землю. — Если меня своим сдашь, тебя, небось, в звании повысят, наградят, а?

Украинец с презрением посмотрел на него:

— Я не знаю, чим тобі ще довести, що я — це не вони, и не збираюся назад, поки не закинчиться война. Ти не про вси неподобства знаэш — хоч, мабуть, чув про них, — яки творяться у нас. И мене, повир, таке не дуже нравится. Ай, та що тобі казати — все одно не зрозумиэш...

— Ага, я ж орк недоразвитый, — усмехнулся Бот.

Нынешняя осень была относительно тихой и теплой. Но если час назад он чувствовал вечернюю ободряющую прохладу, то сейчас его тело обдавало жаром, а на лбу проступила испарина. Пленный заметил багрянец на лице русского и темное пятно на штанине, которое заметно увеличивалось в размерах, и не выдержал, подошел к конвою:

— Можеш пристрелити мене, але в мене бильше нема сил дивитися на це, як ти мучишся.

— Стой, говорю!.. — приказал ему Бот, но уже не так настойчиво. Пожелай вэсэушник прикончить его сейчас, он вряд ли сумел бы дать достойный отпор.

— Якщо... ну, если... не довиряеш, пристав до моей голови дуло, а я все ж таки спробую перебинтувати... якщо брикатися, як теля не будеш.

— Ты что, умеешь? — Бот подстраховался на всякий случай: приподнял автомат и приставил дуло к шее вэсэушника.

— Вчили... мучили. В институти, потим на зборах перед видправкою на фронт.

— К черту! — Бот оттолкнул нацика и попытался подняться, но не устоял и упал. — Нет, двигаем дальше. Наши где-то рядом...

— Ми так николи не дийдемо, ти ж не зможеш... — обиженный, украинец повернулся и зашагал вперед.

Бот все-таки поднялся и, с трудом ступая на раненую ногу, поспешил за нациком. Теперь их передвижение замедлилось настолько, что пленный большую часть времени стоял в ожидании, когда русский догонит его и приблизится на допустимое расстояние.

Уже полностью стемнело, и в потемках идти было невозможно: то и дело они спотыкались, цепляясь носками ботинок о корни и кочки, или натыкались на кусты и поросли. В глазах у Бота начинало рябить, веки чесались от стекающих со лба капель пота; ему становилось душно, и он расстегнул верхние пуговицы бушлата и гимнастерки — свежий прохладный воздух немного взбодрил его, но тут же, остыв, появился озноб — мокрое нижнее белье будто покрылось льдом — стало холодным. Превозмогая боль и недомогание, он старался не подавать вида, что ему нехорошо, и продолжал медленно, но идти. Но силы кончались, автомат с каждой минутой становился тяжелее, пришлось повесить его на плечо — что будет, то будет, плевать уже, успеет скинуть его, если нацик вздумает напасть.

Вскоре нога ослабела настолько, что уже не слушалась своего хозяина — пришлось сделать очередной привал.

— Да где же наши? — Бот всматривался в темные дали. — Правильно ли мы идем?

— Наче там, — указал на зарево над горизонтом пленный, — оттуда доносилась канонада.

— Там наши... или ваши, кто его знает? — устало пробормотал Бот и повалился на спину, продолжая держать пленного под прицелом.

Послышался залп «Солнцепека», и небо вдалеке озарилось.

— Наши там, — указал Бот на вспышки.

— Далеко, — с сожалением произнес украинец.

Боту становилось настолько муторно, что он начинал плохо соображать. Ему уже ничего не хотелось, кроме как остаться здесь и лежать на сырой земле. А еще ему хотелось укрыться чем-нибудь тепленьким и уснуть крепким сном... Или...

И тут с ним произошло то, чего он от себя никак не ожидал: у него вдруг внезапно поменялось отношение к окружающей действительности... Он забыл все плохое, что было до этого; у него возникла потребность в добром окружении, в понимании и внимании; ему захотелось услышать слова поддержки и получить поддержку со стороны не только близких людей — в данном месте вряд ли такое возможно, но принять помощь от любого, рядом находящегося, пусть и незнакомого человека. Он посмотрел на

пленного: — нет, это абсурд! Он же не доверит врагу свою жизнь? Чертова рана! Неужели придется довериться? И кто-то внутри него ответил: да, если понадобится, если ситуация окажется безвыходной, то — да...

Боль и паническое состояние от перспективы помереть, не добравшись до своих каких-то пару километров, подавляла в нем ненависть, ярость и страх. Теперь он доверял украинцу и, к своему изумлению, в душе прощал его и — надо же, Господи! — просил прощения для себя!

По всей вероятности, пребывая в несчастье, человек желает прощения и прощает сам; испытывая мучения, он просит пощады и милости у Бога, у друга и даже у врага. Любой немощный — тот же ребенок. Быть может, потому, что он не в силах никому причинить вред; более того, у него вообще отсутствует желание кого-то обидеть. Даже самый отъявленный негодяй и самый закоренелый преступник, самый страшный эгоист и самый убежденный мизантроп, волею судьбы оказавшийся страждущим, вновь становится безгрешным. Убить раненого, или инвалида, или прикованного к постели старика все равно, что убить младенца.

— Аптечка в рюкзаке... — Бот расстегнул подол бушлата и вынул из внутреннего кармана индивидуальную аптечку, — посмотри... жгут там, или укол какой.

Украинец подбежал к нему и выхватил из его рук аптечку. Открыл ее, достал жгут и шприц-тюбик. Первым делом, ввел обезболивающее. Затем жгутом перетянул бедро чуть выше раны. Из ножен на пояском ремне русского вынул штык-нож, вырезал квадратный участок штанины, оторвал прилипший к коже отрезок материи и наложил на рану ватно-марлевую повязку. Марля тут же окрасилась кровью. Затем он ослабил жгут. Раненый не проронил ни звука, но, претерпевая боль, кусал зубами нижнюю губу, запрокинув голову назад.

— Вот бы попить, — не попросил, а просто высказал свое пожелание Бот, понимая, что вряд ли поблизости найдется источник.

Вэсэушник поднялся, стал осматриваться в темноте, что-то искать. Но в потемках кроме полыхающего зарева от взрывов снарядов над горизонтом ничего не видать.

— Карта! — вдруг воскликнул он. — Дай планшет, .дизнаемось, де ми, може недалеко хутир якийсь, або ричка...

Бот протянул пленному трофейный планшет. Тот достал бумаги, перебрал их, нашел карту, сложенную вчетверо, но ничего разглядеть не сумел.

— Блин, ни зажигалки, ни спичек, — выругался Бот. — Не куришь?

— Курю, просто з собою немає — у блиндажи все лишилося. И фляжки з водою...

— Э-эх, и я не догадался, думал, быстро вернемся.

Украинец о чем-то думал, беспокойно оглядывался по сторонам. Бот чувствовал душевное успокоение от того, что находится не один, и теперь твердо верил, что они доберутся до своих. «Вот только попить бы», — мечтал он, облизывая сухие губы.

— День настане ще не скоро, — недовольно произнес нацик, нервно почесывая друг о друга подушечки пальцев. — Щось треба робити... — и резко вскочил на ноги. — Я швидко. Ти лежи, а я знайду воду. Может, хата здесь недалеко, чи озерце...

— Да валяй, куда хочешь, — разозлился Бот. — Считай, тебе повезло: ты свободен. Может, героем незалежной станешь, если меня к своим при-тащишь...

— Так замовкни ти зи своєю незалежною! У пекли я бачив таку... Коротше, я побиг...

Нацик ушел туда, откуда они пришли, и Бот, проклиная свою и доверчивость, и ни к месту и времени полученное ранение, начинал нервничать. «Сбежал, падла! Как я мог?.. Поверил ему, дурак, корил он себя. — Пошел к блиндажу, а оттуда — наверняка к своим».

Боец лежал и смотрел на звезды. Где-то шел бой: слышались залпы орудий и взрывы. Его знобило, и пришлось полностью поднять воротник и прикрыть им рот, чтобы дышать себе на грудь и согревать лицо. Он решил полежать немного, набраться сил и попытаться покинуть это место — нацик может вернуться не один. При мысли о плене, боец перевернул автомат дулом к себе, положил его на туловище и прислонил холодное отверстие ствола к шее; большим пальцем правой руки нащупал спусковой крючок, а левой погладил гранату в боковом кармане бушлата, и улыбнулся звездам.

Звезды... Они мирно светили точно так же, как в детстве. Но сейчас они у Бота ассоциировались с морозом, с зимой — ему было холодно, и хотелось тепла. «Сейчас бы в лето, — мечтал он. Да чтоб в такое, чтобы жаркое-прежаркое... Как на море... И спать...» Перед тем как погрузиться в сон, он подумал о солнце, и его сухие губы прошептали слово «Геленджик»...

Когда Бот открыл глаза, расположение звезд на небе не изменилось: значит, он дремал недолго. Огляделся по сторонам — нацик не вернулся. Надо срочно уходить. Не без труда, но он сумел подняться. Постоял, проверяя раненую ногу на боль, которая, видимо, под действием лекарства поутихла, и, опираясь на автомат, как на трость, двинулся вперед. Но больше пятидесяти шагов ему пройти не удалось: мешали не видимые в темноте сучья да кустарники, да и острая боль в ноге — уже не та, что была раньше, а новая, будто внутри находился гвоздь и своим острым концом при малейшем движении ноги протыкал мышцу, — не давала возможности идти дальше. Он лег на землю, обессиленный, проклиная все на свете, и тут вдруг послышался треск сучьев — кто-то шел по лесопосадке в его сторону. Кто — нацик?

Один? Или взвод? «Бот» погладил гранату, приложил дуло автомата к подбородку, прислушался.

Вскоре донесся знакомый голос: — Куды ж ти подився, чортяка! Я ж йому води, а вин тикати — ось же, бисова душа... Гей, русский, ти де? Не вже далеко так пишов? Або ховаєшся? Вода вся витикає — де ти?

При слове «вода» и уверенности, что нацик один, Бот взбодрился и поспешил ответить: — Здесь я...

— Де? — Украинец уже определил место нахождения русского и пробирался сквозь дебри на его голос. — Якого биса тебе туди занесло? Говорив же: сиди на мисци, чекай... Так ни, вин свое...

Когда нацик подошел, в свете луны Бот увидел в его руках некий предмет, похожий на... то ли на шапку, то ли на мохнатое животное, но, слава богу, не оружие.

— На ось, пий швидше, — нацик присел и поднес ему свою зимнюю шапку, наполненную водой, — пий швидко, а то багато витекло, поки тебе шукав.

Бот скинул с груди автомат, приподнялся на локоть и стал жадно пить воду, оставшуюся на дне шапки-ушанки. Вода была грязной, вонючей, отдавала землей, каким-то мазутом, но в данный момент для него она казалась ключевым источником. Допив остатки до конца, он выхватил из рук нацика шапку и, подставляя рот, выжал из нее остатки влаги.

— Пий, пий, братику, — повторял довольный украинец. — Недалеко тут калюжу в балке знайшов и сам вдоволь нахлибався. Прямо так, з калюжи, як пес. Хотив за посудой у блиндаж сходити, та не знайшов його, мало не заблукав... И ось що придумал: у шапку набрати, а щоб не так швидко випливал, знайшов вот это, — он стряхнул прилипший к ладони целлофановый пакет, — зачерпнул води, и бигом до тебе! А тебе нема... Ну, слава богу, хоч знайшовся.

Бот утолил жажду и почувствовал прилив сил. Теперь он с чувством благодарности смотрел на украинца и слушал его веселый монолог, забыв про боль и тревогу.

— Но есть, братику, и погана весть. — Лицо украинца стало серьезным. — Не хотел говорити, но... Чорт! Прощай мене, брате... Мене, здається, засикли...

— Кто? Птичка?

— Вона сама — дрон.

— Может, наши?

— Ни, цэ наши. Молюсь, що мене не побачив — я ж залиг на землю, наче мертвий. Не знаю, помитив мене, али кудись пропав... Це було ще до того, як я знайшов калюжу. Будемо вирити, що мимо пролетив.

Бота такая новость встревожила. Он стал прислушиваться и внимательно всматриваться в небо. — Снова нога заныла — так нехорошо стало от мысли, что за ними следят сверху. И снова пересохло во рту.

— Ти лежи, я знову схожу за водою. — Українець хотів було піднятися, но Бот остановил его, положив руку ему на плечо:

— Возьми, — и протянул автомат. — Если что... хоть отобьешься.

— Да що ти... тобі самому...

— Птичку, если что, подстрелишь, — улыбнулся Бот. — Давай — беги... Без воды — никуды... А потом пойдём... попробуем идти...

Вэсэушник взял автомат, подобрал целлофановый пакет, поднялся и пошел, расправляя шапку. Пройдя несколько метров, остановился, обернулся и спросил: — Хоч як звать тебе, братку?

— Игорь. А тебя?

— Павло, — донеслось из глубины лесополосы.

«Павел по-нашему», — улыбнулся Бот и стал ждать возвращения... пожалуйста, теперь уже не врага, получается, а брата.

Ждать пришлось недолго: Павло вернулся через десять минут, и на этот раз принес почти полную шапку воды. Потом перевязал рану. В блеклом свете луны рана казалась огромной и черной, а при давлении, из нее сочился гной с кровью. Игорь уже не скрывал боль — стонал и ругался.

Они решили дождаться утра, а на рассвете — пока в сумерках дроны слепые — попытаться дойти до линии фронта. Идти сейчас, в темноте, смысла не было. До рассвета оставалось полночи. Павло снял свой бушлат и накрыл им Игоря, сел рядом и молча наблюдал за небом, прислушиваясь к посторонним звукам. Игорь уснул, утомленный болью и высокой температурой.

Когда проснулся, Павло все так же сидел, поджав под себя ноги.

— У тебя есть семья? — спросил Игорь.

— Да... жинка е и синок. Батьки е, в сусидньому сели живуть. Богато у мене родичив, ого родни у меня. А ти одружений... э-э-э, як там по російськи? — жинка е? Дити?

— Сын у меня старший... второклассник. Петром назвал — в честь Петра Первого... Знаешь такого? — Павло кивнул. — А дочке — Ира зовут — три года.

— А жинка?

— И жинка есть. — Игорь перевернулся на бок, руками перекладывая непослушную раненую ногу, и выругался: — Ай, собака, чтоб тебя! — Когда боль поутихла, спросил: — А кем ты был... до войны?

— Та на заводи инженером був.

— Что за завод?

— Механичний.

— Какой?

— Механичний... Разни запчастини для сільської техніки робили... А ти ким був в мирний час?

— Сперва — по молодости еще — в школе физруком... физинститут окончил. Потом — недавно уже — смотрю, контрактников набирают... Так оказался здесь. Сам-то откуда будешь?

— Чирнигивщина. Знаешь такую?

— Точно не помню, где... но слышал...

С каждой минутой Игорю становилось хуже. Он уже не верил в хороший исход: ногу не чувствовал, брючина влажная насквозь, еще этот холод проклятый... Нет, не дотянет он до своих. Украинец — да, а он — и десять метров вряд ли. А тащить его на себе, стокилограммового, Павел не осилит, хотя не из слабых. Оставалась надежда дождаться рассвета, а там, глядишь, и свои обнаружат.

— А ты де у Росии живеш? — решил поддержать беседу Павло.

— Сибирский я, из Канска. Знаешь такой?

— Ни, не чув. Я погано знаю Росию, точнише, нияк не знаю. А ось про Сибир чути... есть така.

— Сибирь огромная...

— Весь свит знае про нейи и боиться, як чорт ладану, — и мужчины впервые за все время дружно улыбнулись.

Игорь вспомнил родину и, на ходу перефразировав стих Есенина, пропел:

*Старый дом мой давно ссутулился,
Верный пес мой давно издох.
В Малоросских густых лесополосах
Помереть, зная, сулил мне бог.*

— Дуже жалобно.

— Это Есенин... — Игорь перевернулся на бок и прошептал: — Павло, меня... что-то тошнит...

— Чорт! Може, це погана вода? — украинец приоткрыл край бушлата на шее Игоря. — Так буде свижише?

Игорь кивнул.

— Зараз ще принесу води почище...

— Не, не надо... Уже прошло. Давай лучше о хорошем. Вот ты, например, что собираешься делать после войны? На завод вернешься?

— Який там завод — я ж, брате, у полони... — усмехнулся Павло.

— Где? — не понял Игорь.

— У полони — плен, значит. Тут би живим бы повернутися... нехай у плену, зате живим.

— Останешься, — успокоил его Игорь. — Обменяют вас, пленных, и вернешься в свой Чернигов.

— Ех, твои б слова до Бога! — и украинец перекрестился. — Али тильки не зараз... не сегодня, а потим, коли все закинчиться. Бо знову вид-

правлять воювати. Ось потим можна повернутися... якщо, не дай Господь, ваш суд мене не сховає на зону на все життя... у Сибир кудись.

— Не отправят... Ты не фашист — это видно.

— Ни, не фашист, — согласился Павло.

— Как ты относишься к морю? — сменил тему разговора Игорь.

— Море? Та... нияк. У нас немає моря — тильки озера та річки.

— Я люблю море...

— Ми були на мори... издили часто: и до Криму, и до Одеси... А чого ти про море згадав?

— На море тепло... летом, — прошептал Игорь дрожащим, осипшим голосом. — Как у бабушки возле печи...

Павло натянул бушлат ему до подбородка, снял с себя брюки и накрыл ими ноги русского.

— Ты же замерзнешь.... — Полузакрытыми глазами Игорь видел, что Павло стоит перед ним без бушлата и в зимних кальсонах, и, погружаясь в состояние полубреда, еле слышно проговорил: — Мы не на море... — Его веки сомкнулись, и «Бот» уснул.

— Зараз зигриюсь. — Павло поднялся и принялся прыгать, потирая себя руками, а потом начал делать зарядку, приговаривая: — Виживемо, братику, як пити дати — виживемо.

Когда Игорь проснулся, на бледнеющем небе оставалась пара десятков звезд — брезжил рассвет. Он смотрел на них и вспоминал лето, в котором видел себя мальчишкой: без футболки, с голым пузом, в шортах, босиком... Было жарко. И вокруг было много воды: прохладной, свежей, из колодца, из колонки на улице, из графина, из бочки летнего душа, в речке, в озере, в луже... В уютной избе у бабушки было тоже очень тепло, и было много молока, разлитого в трехлитровые банки и хранившегося на полках в холодильнике. Он видел себя на солнечном берегу речки, а потом память перенесла его в спальню, где он лежит под пуховым одеялом, а теплые мамыны руки гладят его по голове и спине... Тепло, спокойно...

Он открыл глаза — снова звезды и холод.... Звезды постепенно исчезали: первыми таяли в светлеющем небе тусклые звезды, а самые яркие все еще светились. Игорь посчитал оставшиеся — одиннадцать. Вот их уже десять... девять... восемь... Ему больше не хотелось никуда идти — даже шевелиться не хотелось, потому что он боялся потерять тепло, если встанет или перевернется. Все, что ему хотелось, это оказаться в деревне летом и лежать на перине, укрывшись с головой пуховым одеялом, и спать, спать, спать...

Сквозь сон он услышал слова: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на не-

беси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», — это молился Павло.

Игорь открыл глаза — на небе оставались три звездочки. Он пошевелил ногой — по всему телу пронеслась режущая боль. В глазах, когда он ими двигал, мир кружился. Он осторожно повернул голову в сторону Павло — тот, приоткрыв рот, смотрел на небо.

— И ти це бачиш? — спросил он.

Игорь посмотрел вверх: оставались две звезды, но... Одна из них — то ли от света зари, то ли сама по себе такая — была какая-то особенная, слишком яркая и... как-то странно поблескивала и мерцала: то потухнет, превратившись в темное пятнышко, точно черная луна, закрываемая пробегающими тучами, то снова блеснет.

— Не встигли, — с горечью произнес Павло.

— Переведи.

— Не успели, — повторил пленный.

— Что — не успели? — не понял Игорь.

Потухла предпоследняя звезда, а последняя оставалась на месте и... — Игорь присмотрелся внимательнее — и заметил движение крошечного объекта, которое считал звездой. Объект переместился немного в сторону и завис.

— Лежи смирно, не ворушись, — прошептал Павло. — Хай гадають — ми мертви, двухоти.

Игорь только теперь осознал, что над ними — «птичка».

Послышался знакомый жужжащий звук — дрон снизил высоту. Игорь сглотнул. У него вдруг мелькнула надежда, и он тихо, стараясь не шевелить губами, спросил:

— Может наши?

— Або наши, — ответил Павло.

Если свои, думал Игорь, то сейчас дрон, обнаружив их, улетит и вернется с пакетом, который сбросит: в нем будет бумага и карандаш. Подождет, пока мы напишем просьбу и покажем им листок. Тогда они поймут, кто мы, в каком положении и помогут выбраться в безопасное место. Но если не наши...

Парни лежали рядом друг с другом звездочкой, раскинув в стороны руки и ноги; между ними лежал автомат. Полуприкрыв глаза и стараясь не моргать, они наблюдали за дроном, который опустился и застыл на уровне верхушек деревьев, возле которых они находились. Теперь, вблизи, дрон не выглядел мирной звездой, а походил на ужасный летательный аппарат, похожий... похожий... Неожиданно Игорю стало смешно от мелькнувшей в голове мысли, и он улыбнулся:

— А что, если это маленькая летающая тарелка, и не все так плохо, брат...

— Ага, в ний зелени чоловічки, яки прилетили нас виручити.

Парни громко засмеялись, не опасаясь, что через камеру дрона за их весельем наблюдают. Вопрос лишь: кто, свои или чужие?

— Кстати, сначала зелеными человечками называли бойцов, которые освободили Крым в четырнадцатом. Но «вежливые люди» прижилось лучше... Ты в курсе о «вежливых людях»?

— В курси... Но...

Дрон возобновил движение, выбрал более широкое пространство между деревьями — в метре от места, на котором лежали бойцы — и плавно начал опускаться между ветвями. В метрах четырех над ними он завис. Затем повернулся вокруг своей оси, изучая окрестности, и уставился глазом-объективом на лежащих на земле людей.

— Может, подстрелить? — предложил Игорь.

— Чи не здумай, лежи... Треба зрозуміти, чия це пташка. Все одно не встигнеш до ствола доторкнутися — скине іграшку.

— Да их тут, как пчлл... боже!

Около пяти беспилотников жужжали в небе над полем. Дрон опустился еще на два метра и завис над ними на высоте человеческого роста.

— Рассматриваешь? — Игорь смело смотрел в глаз дрону и гадал: — Чей ты?

И тут дрон начал совершать действия, которые выдали его принадлежность к вооруженным силам (к сожалению, не в пользу Игоря).

Беспилотник, точно механическое насекомое, стал производить странные маневры: то подлетит к бойцам, застынет на расстоянии вытянутой руки, как бы играя с ними, — успеют ли они дотронуться до него или нет? — то отлетит назад; снова подлетит, подразнит — и обратно вверх. Так птица, защищая своих птенцов в гнезде, летает кругами над хищником и, чтобы отпугнуть его, то неожиданно опускается, подлетая близко к нему, то взлетает обратно.

— Знайомий почерк, впизнаю нацикив, — зло усмехнулся Павло. — Вони хочуть, щоб ми повскакували и стрибали, як козенята, щоби бигали вид нього з переляку, як зайци. Знущаються... ну, коротше, издеваются падлюки. Ти подивися, ну не собаки вони, а?

Не добившись желаемого, дрон переместился метров на двадцать в сторону и поднялся над посадкой. Спустя минуту одна из подвешенных гранат отсоединилась и упала на землю — раздался взрыв.

Парни не шелохнулись — только зажмурились, когда на них посыпалась земля и мелкие ветки.

— Лякають, змии пидколодни, — процедил сквозь зубы Павло.

Игорь уже не испытывал страха, наоборот, его удивляло спокойствие, с которым он наблюдал за издевающимся над ними дроном.

— А не страшно, оказывается, помирать-то...

Дрон вернулся на первоначальную позицию: завис прямо над ними.

— Це от страху не страшно. — Павло протянул руку, нащупал кисть Игоря, и два бойца крепко сжали ладони друг друга — как друзья, как братья.

Так и лежали, взявшись за руки, два солдата разных стран, наблюдая за птицей-убийцей с подвешенной под брюхом связкой гранат.

— Прости меня, — прошептал Игорь.

— За что? — Павло повернул голову и с удивлением посмотрел на русского.

— За то, что я орк.

— Хм, ну... прощаю. И ти мене тож прощай.

— А тебя-то за что? — Игорь почти с умилением посмотрел на украинца.

— За те, що я довбаний нацик, — и они засмеялись.

Лесопосадка мгновенно наполнилась заливистым смехом — мужчины хохотали до слез, во весь голос, как дети, будя тихую осеннюю грусть своей не понятно с чего вдруг возникшей радостью; и казалось, что их великое счастье, точно цветочной пылью, частичками рассеивается вокруг, пропитывая окружающий мир — миром, а людей в нем — блаженством.

И только те, кто наблюдал за счастливыми лицами бесстрашных людей, неистовствовали от бессилия — невозможности прекратить это издевательство над ними — великими спасителями великой незалежной...

— Жаль, что... — сквозь смех Павло пытался что-то добавить, — ...это не твои... не эти — как их там? — зеленые — вежливые человечки... а то улетели бы куда-нибудь в...

Игорь не успел ответить. От дрона отделилась граната и стремительно падала на них. Перед глазами Игоря успели промелькнуть родные лица, молоко в графине, песок и море, и последнее, что он мысленно увидел и произнес про себя, — теплое слово, которое нарисовало его сознание: «Геленджик»...

Из Российских теленовостей.

Закадровый комментарий к видеосюжету:

«Сегодня украинские телеканалы показали видеоролик, сюжет которого в очередной раз показал цинизм и бесчеловечность украинских нацистских, так называемых, военных. Видеоматериал смонтирован из записей с нескольких беспилотников, которые поочередно снимали происходящее. Как стало известно, российский военнослужащий с позывным «Бот», во время контратаки ВСУ, чудом выжил и, судя по дальнейшим событиям, снятым на видео в течение ночи, он взял в плен украинского военнослужащего. На записи видно, как русский боец впереди себя ведет пленного к нашим позициям по лесополосе. Идут они ночью, а потому с помощью прибора ночного видения поначалу операторам ВСУ трудно было определить, к армии какого государства принад-

лежат бойцы. «Бот» заметно хромает, что говорит о серьезном ранении в ногу. Они часто останавливаются. Во время очередного привала пленный оказывает русскому солдату первую помощь: перевязывает рану.

В следующем сюжете пленный, казалось, совершает побег, но не убегает, а находит лужу и несколько раз оттуда приносит раненому воду. Не вызывает сомнения, что два солдата подружились и доверяют друг другу. Проявление сострадания со стороны украинского военнослужащего — а на тот момент врага — можно назвать не иначе, как акт проявления гуманности.

На последних жутких кадрах, когда наступило утро, демонстрируется жестокое издевательство и расправа над военными, несмотря на то, что они безоружные, что один из них — свой, украинец, и оба лежат на земле. Сначала нацисты пытаются запугать их дроном, заставить подняться и прятаться от него. Но бойцы остаются на месте, лежат, взявшись за руки; больше того, в ответ на действия дрона ребята о чем-то разговаривают и смеются, тем самым показывая свое моральное превосходство оператору беспилотника. Не добившись желаемого, устав наблюдать за бесстрашными бойцами и за их дружескими отношениями, нацисты сбрасывают гранаты сначала поблизости, в надежде, что взрывы напугают парней, а потом, когда и это не сломило бойцов, которые продолжали смело смотреть в объектив и смеяться, нелюди сбрасывают роковую гранату.

Все время, пока идет видеозапись, за кадром слышен довольный смех и ругательства трусливых нацистов...»

* * *

Из краевых новостей:

«В одном из районных центров Красноярского края прошла благотворительная акция «Елка желаний», организованная правительством города в здании администрации. Желание восьмилетнего Пети до глубины души тронуло сердца не только россиян, но и миллионы пользователей Интернета во всем мире, которые прочитали текст просьбы мальчика:

«Дедушка Мороз! Я хочу паехать на Данбас и найти там папу. Мама говорит што он там потирялся. Но ище мне нужен автомат и граната если а вдруг папу в плен взяли нацики. Спасибо. Я Петя»

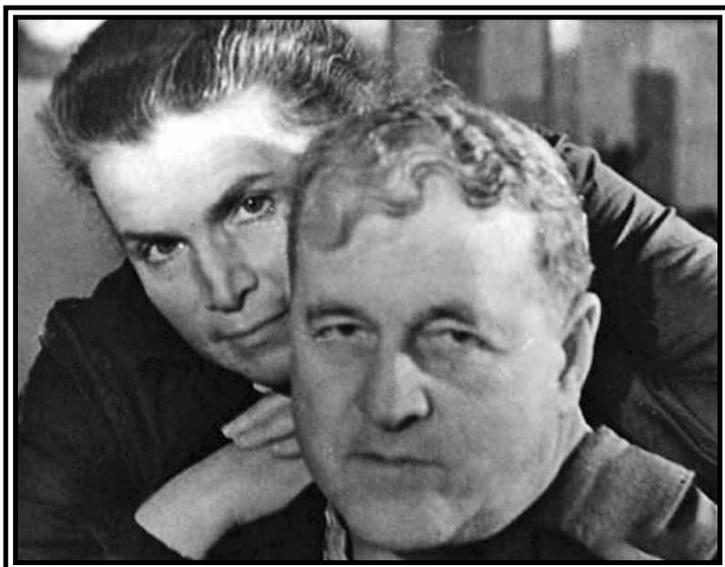
* * *

В дверь старой, покосившейся хаты на краю одной из деревень в Черниговской области Украины постучались четверо военных, держа автоматы наперевес. На вопрос «Кто там?», донесшийся изнутри, вояки ответили вопросом:

— Тут живут родичи предателя Украины? — и ударом ноги выбили дверь... □

Светлана
Леонтьева

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

*Вера
Мухина
и Алексей
Замков*

Снег и высокая сосна. В объёме дерево около трех метров. Вера Игнатьевна Мухина ощущает свое лицо и понимает, что у нее нет носа. Из ссадины на лбу течет кровь, которая заливает ей глаза...

Удар о дерево при катании с горы в имении дядюшки был такой силы, что остаться в живых — уже казалось удачей. Но судьба подарила ей долгую и счастливую жизнь. А на молодых девушках, как известно, все заживает быстро.

БЕССМЕРТИЯ

Это был 1911 год. Вере Игнатьевне Мухиной, родившейся в 1889 году, было тогда 22 года. Она перенесла 7 операций. И позже ее отправили за границу учиться и заодно сделать еще одну пластику лица, так как от удара верхняя губа словно защемила зубы.

«И вот начинаюсь — я!» — глядя в зеркало, воскликнула она. Надо сказать, что искусство начинаться примечательно для Веры Мухиной. Она каждый раз, пройдя испытания, словно феникс из пепла, возрождалась и становилась крепче и выносливее.

После смерти отца Вера жила у родственников из Курска — родных братьев по отцу.

Детство свое она провела в Крыму, в Феодосии. Отлично училась в классической женской гимназии, осо-

бенно увлекалась историей отечества, изучала героическую оборону Севастополя 1855 года, глубоко волновавшую ее; а герои этой обороны вместе с Нахимовым и Корниловым навсегда стали для нее словно анге-

лами, живыми и близкими. Хотелось воспроизвести их и сохранить для вечности.

В 1909-м, когда Вере исполнилось 20 лет, они с сестрой перебрались в Москву в свой дом на Пречистенке. Там Вера занималась рисованием в студии Ильи Машкова. Вот как она описывала своего учителя и талантливого скульптора: «Он был человеком огромного роста, но очень легкомысленный. Любил только лошадей, скачки, светскую жизнь. Верзила, но человек мелкий, маленький. Люблю больших людей...»

Может быть, поэтому 24-метровый монумент «Рабочий и колхозница», созданный из стальных листов, оказался сенсацией для Всемирной Парижской выставки 1937 года. Эту экспрессивную, знаменитую статую изготавливали два месяца на опытном заводе Института машиностроения. Потом разобрали и в 28 вагонах отправили в Париж. Самым тяжелым из деталей был 60-тонный железный каркас, а тончайшие, с позволения сказать, изящные, в полмиллиметра, стальные листы весили всего 12 тонн. Участие в выставке приняли 47 государств, но на звание лучшего павильона претендовали лишь два — монумент великой Веры Игнатьевны Мухиной и... орел Третьего рейха. Павильон, крышу которого венчали «Рабочий и колхозница», оказался ниже немецкого, но выглядел мощнее и вызывал несомненный интерес посетителей. Во Франции монумент Мухиной стал так популярен, что, пока шла выставка, в Париже всюду продавали

сувениры: пепельницы, табакерки, чернильницы с фигурами «Рабочего и колхозницы». А в Испании даже вышла марка с силуэтом статуи. Мухиной после Парижской выставки вручили первую из пяти Сталинских премий. Это была победа!

Создательница множества пролетарских скульптур родилась в состоятельной купеческой семье. В детстве увлекалась рисованием, но, поступив в Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве, поняла, что ей интересна скульптура, и отправилась в Париж. Жила там с 1912 по 1914 год, училась в Академии Гранд Шомьер, путешествовала по Италии, изучая скульптуры и живопись Ренессанса. Проходя мимо экспонатов, она старалась к каждому прикоснуться руками, а потом долго смотрела на свои пальцы, желая, чтобы в них звучала музыка. Но как нарисовать экспрессию? Как озвучить мысли в камне?..

В 1914 году, с началом Первой мировой войны, Вера вернулась в Россию и создала свое первое значительное произведение — скульптурную группу «Пьета». Ее так тронула мелодия плача матери, так обожгла ей сердце, что сам плач Богородицы над телом Христа был, словно звучащий музыкальный реквием не только по одному человеку, но и по всем погибшим в 1914 году в войне. Богородица у Мухиной изображена в виде фигурки молодой женщины, на голове которой была косынка сестры милосердия, которые носили женщины в те

годы на фронте. Собственно, и сама Вера, окончив курсы сестер милосердия, бесплатно работала в госпитале до окончания Первой мировой. И вот судьбоносная встреча — там она познакомилась с будущим мужем, военным врачом Алексеем Замковым.

Они взглянули друг другу в глаза, и она сразу подумала: «Ваять такое лицо — огромное счастье. Вот широкие брови, овал лица словно напряжен в динамике, крутой подбородок...»

В конце 1920-х Замков работал в Институте экспериментальной биологии и изобрел медицинский препарат гравидан, омолаживающий организм.

Немного о гравидане. Им лечились высокопоставленные люди в Кремле: Молотов, Калинин, Клара Цеткин, Максим Горький. Это был настоящий прорыв в медицине, именно то, о чем она мечтала. Ее будущий муж изобрел бессмертие...

Образ Замкова стал прообразом профессора Преображенского в «Собачьем сердце» Булгакова. И когда мы читали это произведение, то нам казалось, что сюжет — это химера, выдумки писательского воображения. Отнюдь нет! Именно в тридцатые-сороковые годы Замков ставил эксперименты на человеке для придания ему вечной жизни. Этой же мыслью была озадачена Вера Мухина: человек из камня — вечный человек!

Но в книге Булгакова собаке делают операцию, и, увы, эксперимент зашел так далеко, что гормоны из пса сделали человека, но с замашками собаки. А гравидан был использован для оздоровления и лечения. Сам

Замков был урологом по профессии и изучение анализов беременных женщин подвигло его на изобретение гравидана. Но препарат был мало изучен и подходил лишь для лечения женщин, а у мужчин избыток женского гормона при приеме гравидана имел побочный эффект.

Вообще, после Великой Октябрьской революции произошел всплеск российской науки и медицины. Мечта о не вырождающемся классе пролетариев стала навязчивой идеей. Сам Замков был личностью неординарной, упрямой, и это привело его в результате к аресту. Алексей Замков несколько месяцев просидел в Бутырской тюрьме, а потом был выслан в Воронеж. Вера Мухина по примеру жен декабристов отправилась за ним. Только через четыре года благодаря заступничеству Максима Горького они смогли вернуться в Москву...

Помимо «Рабочего и колхозницы» среди лучших работ Веры Мухиной — памятник П.И. Чайковскому у здания Консерватории, а также гранитный памятник Максиму Горькому у Института мировой литературы, скульптура «Наука» у здания МГУ, скульптура «Хлеб» у Водного стадиона. Это были фигуры крепкого телосложения, фигуры до того правдоподобные, что казалось, вот-вот каждая сойдет с пьедестала, вырывая свои стальные мускулы из арматуры, и двинется куда-нибудь поближе к степи или к морю.

Кроме ваяния Вера Игнатьевна занималась модой. О, да, вы не ослышались! Она создавала эскизы театральных костюмов, а для первого совет-

ского журнала мод «Ателье» нарисовала модель изящного и воздушного платья с юбкой в форме бутона. Что самое интересное, Мухина в 1925 году вместе с модельером Надеждой Ламановой получила на выставке в Париже Гран-при за коллекцию элегантной женской одежды, изготовленной из дешевых грубых материалов. Это было, как ни странно, недорогое ткацкое сукно, бязь, холст и бумазая. К платью полагался пояс, он был изготовлен из... крашеного гороха, шляпки связаны из рогожи, а изящные, тончайшие, шикарные пуговицы выточены из орехового дерева. Платьев было сшито несколько штук для показа на выставке. Ткань платьев украшал оригинальный орнамент, он был придуман Верой Мухиной, а образцом послужил «петушок» — это был яркий узор в виде хвоста «деревенского забияки». Сами платья были расшиты золотыми нитями, как у швей в монастырях, а в центре переливающегося цвета — петушки, которые были расшиты нитью из настоящего серебра. Образцы платьев, расшитых золотыми и серебряными петухами, вызвали всеобщий восторг и ликование публики. В Нидерландах моментально заказали две тысячи таких моделей.

А еще Вера Игнатьевна Мухина профессионально занималась стеклом и фарфором. Она создала по своим чертежам сервиз «Кремлевский» для правительственных приемов: графин, напоминающий бутон тюльпана, рюмки и бокалы, тоже похожие на бутоны, только со срезан-

ной верхушкой, а также мороженице, изящную компотницу и чудесные цветочные вазы.

В сороковые годы понадобились недорогие стеклянные стаканы, и Вера Мухина вновь за чертежами! Ею

были разработаны эскизы пивных кружек и знаменитых граненых стаканов, которыми мы пользуемся до сих пор.

Ее называли «матерью граненого стакана». Мухина предложила «многогранные» — от 8 до 14 граней — стаканы, очень удобные в руке, небьющиеся, и они прижились в народе моментально. Это было прочное изделие — на века.

Но вернемся к гравидану. Его открыли, разработали и... запретили. Да, это средство спасло тысячи людей от сыпного тифа, туберкулеза, малярии, от сепсиса во время войны. Оно останавливало развитие гангрены, затягивало тяжелые ра-

ны, лечило крупозное воспаление легких, болезни сердца, сосудов и многое другое. Над его изучением и производством совершенно официально трудились целые институты, его применяли высшие партийные чины... В надежде на выздоровление от крупозного воспаления легких его давали Горькому. В списке принимающих гравидан Клара Цеткин, Вячеслав Молотов, Михаил Калинин и многие другие представители «элиты».

Гравидан использовался в клиниках около 30 лет. Это чудо-лекарство десятилетиями использовалось в клиниках и продавалось даже в аптеках, а потом... оно было объявлено малоэффективным, даже вредным, и ис-

чезло сначала из медицинских справочников, а потом из памяти.

Итак, это был первый в мире гормональный препарат.

Но вспомним профессора Преображенского, который пытался победить старение, именно с этой целью он пересадил гипофиз и семенники безобидному псу, а превращение песика в гражданина Шарикова — это уже побочный эффект операции. Бывает...

Препарат Замкова без всякого оперативного вмешательства продлевал молодость. Излечивал. Давал надежду...

Хирург, уролог, эндокринолог Алексей Замков был талантливым экспериментатором, так сказать, доктор и диагност «божьей милостью». Он работал на интуиции. Как и положено, как водилось и водится сейчас, гравидан сначала опробовали на мышах. Старые, облезлые, с трудом передвигавшиеся мышки буквально после нескольких инъекций чудо-препарата обросли шерстью. Далее эти мышки стали подвижными, вернули себе прекрасный аппетит и даже дали потомство!

Вот что позже напишет Замков в журнале наблюдений: «...подопытная фауна неистовствовала. Старый рыбак, которого готовили к забою, после инъекции показал рекордную резвость».

Стало ясно, что препарат можно использовать в ветеринарии, ведь он не только восстанавливал репродуктивную функцию, но и лечил от множества болезней.

Пришло время испытать действие гравидана на человеке.

Разумеется, первым стал сам Замков. После введения препарата он ощутил небывалый прилив сил и эмоциональный подъем, который продолжался в течение девяти-десяти дней, кроме того, доктор отметил, что лекарство оказывает значительное стимулирующее влияние на психику и нервную систему. Следующим, кто отважился на подобный эксперимент, стала его жена и верная спутница доктора Вера Мухина. Эта женщина всегда говорила, что после травмы и семи пластических операций у нее — «мужское лицо», она стеснялась своей непривлекательности. Но вдруг ожила и почувствовала себя женщиной: морщины расправились, спина распрямилась, к тому же она ощущала необычный творческий прилив во всем теле.

Гравидан в руках умелых людей действительно стал лекарством, чей эффект был великолепен. А в руках неумех — это было плохое орудие, опасное лекарство, имеющее неустойчивый, временный эффект.

Поначалу препарат выпускался как в виде таблеток, так и для внутримышечного введения. Роковая ошибка создателя «Эликсира молодости» в том, что Алексей Замков — гениальный врач, опередивший время, оказался, как писал Максим Горький, «человеком преждевременным». Да и экспериментальная база была в те годы невелика, и массовое производство опасно, ибо последствиями от его применения были привыкание, депрессия, состояние «на грани».

Уже через год после создания уникального лекарства все дальнейшие

исследования были остановлены под лозунгом «борьбы со знахарством» с мало изученным составом и даже опасным для будущего.

Сведения о необычном препарате дошли до высших политиков страны. 21 августа 1932 года Алексей Замков был досрочно освобожден от административной ссылки и назначен директором специально созданной лаборатории, где создавалось это волшебное

Однако вскоре, в 1938 году институт был расформирован, а научная и медицинская деятельность Замкова подвергнута жесточайшей критике. От переживаний Алексей Андреевич тяжело заболел, один инфаркт последовал за другим. Вера Мухина, как могла, утешала его и говорила: «Алексей, придет время!»

Но время медленно тянулось. А, как все гении, Замков был нетерпелив.

Окончив курсы сестер милосердия, Вера работала в госпитале до окончания Первой мировой, и там произошла судьбоносная встреча — она познакомилась с военным врачом Алексеем Замковым, своим будущим мужем. Он был ученым и работал в Институте экспериментальной биологии и изобрел медицинский препарат гравидан, омолаживающий организм. Это был настоящий прорыв в медицине — ученый изобрел бессмертие. Препарат использовался в клиниках около 30 лет, а потом все дальнейшие исследования этого уникального лекарства были остановлены под лозунгом «борьбы со знахарством, опасным для будущего». В судьбах Веры Мухиной и Алексея Замкова отразилась история становления страны Советов как она есть: с утопическими проектами создания нового общества, новой природы и «нового человека». У Веры Мухиной — это был образ титанов в монументе «Рабочий и колхозница», который стал вечным символом СССР

лекарство. (Правда, он был не первым: в основе механизма действия гравидана лежали древние принципы уринотерапии, которой в свое время занимались Авиценна и Аль-Бируни).

Замков лечил не только высокопоставленных лиц. Гравидан выпускали и для массового потребления, причем, по достаточно низкой стоимости. Это, как считалось, было нужно для построения нового советского, социалистического общества.

Существует несколько версий того, почему была разгромлена гениальная теория и успешная практика Алексея Замкова. Одна из основных возможных причин в том, что у лечащихся людей сложился эффект привыкания к гравидану, и он перестал на них действовать. Этим воспользовались завистники Замкова и их критика уничтожила все, что было связано с гравиданом. Критика — это вещь упрямая, даже хорошего человека можно

оговорить, а гения можно уничтожить. Замкова называли либо «преждевременным лекарем», либо «застарелым знахарем», «шарлатаном». Даже приписывали черты оборотничества и чертовщины. Есть даже рассказы на эту тему второсортных писателей под названием «Оборотень», «Гравидан — волчья ягода».

Сегодня пост-гравидановские разработки применяются в психиатрии.

Но меня интересует неразрывность судеб Алексея Андреевича Замкова и скульптора Веры Мухиной. В них, словно в увеличительном стекле, отразилась история становления страны Советов как она есть, то есть с ее утопическими проектами создания нового общества, новой природы и «нового человека». У Веры Мухиной это — образ титанов в монументе «Рабочий и колхозница», который стал вечным символом СССР.

Чем больше погружаешься в судьбы этих двух неординарных людей, тем все больше проникаешься мыслью Лермонтова: клади мне голову на грудь, хотя она тебе, что плаха. Общество Советского Союза и было той самой «грудью мечты».

Замков мечтал о том, чтобы люди жили вечно и не умирали. Образ многолетия — вот его главное творение. Причем совместное творение с любимой женой, которому пришлось остаться лишь мечтой.

Вера Мухина писала:

«В конце 1911 года я поехала на Рождество к дядюшке в имение Смоленской губернии. Там собиралось

много молодежи, двоюродных братьев и сестер. Было весело. Однажды мы покатались с горы. Я полулежала в санях, приподняв лицо. Сани налетели на дерево, и я ударилась об это дерево лицом. Удар пришелся прямо по лбу. Глаза залило кровью, но боли не было, и сознания я не потеряла. Мне показалось, что треснул череп. Я провела рукой по лбу и лицу. Рука не нащупала

носа, он был оторван. А ведь я тогда была очень хорошенькой, и первым ощущением стало: жить нельзя...»

Когда девушку, наконец, привезли домой, ей запретили смотреться в зеркало. Боялись, что, увидев свое обезображенное лицо, она покончит с собой...

Следующий миф касается истории встречи Мухиной и Замкова и их сближения, в котором они спасали друг друга от смерти.

Алексей Замков был крестьянским сыном, внуком крепостного, образование его, как и многих тогда, — церковно-приходская школа и уездное училище. Замков окончил медицинский факультет Московского Императорского университета, а затем стал лаборантом профессора Н.К. Кольцова в Государственном Институте Экспериментальной биологии.

А встретились влюбленные, когда Вера Мухина работала в госпитале и заразилась тифом. Замков ее выхаживал и вернул к жизни. Но есть свидетельство, что и сам Замков заразился тифом, и его, умирающего, выхаживала Вера Мухина.

А далее ...

— «В 18-м году мы с ним поженились. В холодной мастерской я лепила его, он похож на Наполеона, победителя. Портрет очень нравился Алексею...»

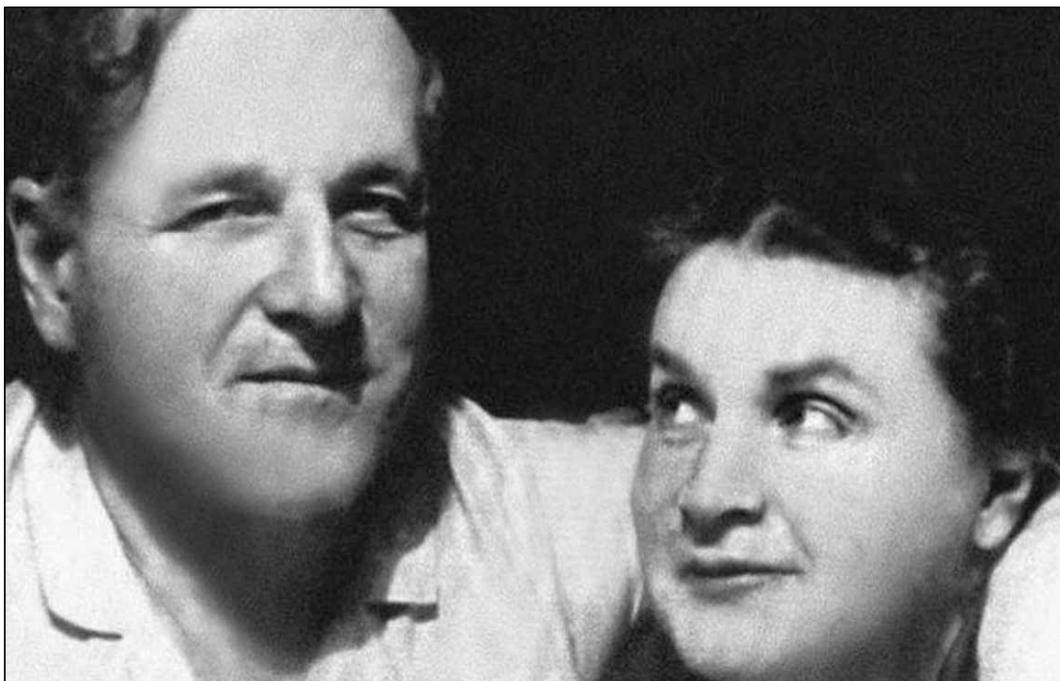
Тогда молодая семья жила в своей любимой квартире на Пречистенке.

И вот еще одно чудо: у Мухиных-Замковых сын заболел костным туберкулезом. На врачей надежды не было. И они сами — родителя пятилетнего мальчика — его спасли: дома на обеденном столе врач Замков прооперировал сына вопреки медицинским предписаниям. А через два года их сын оставил костыли. Эта история долго была семейной тайной.

Революционная буря была в самой ее глубокой и отчаянной вышине. Началась переделка и построение нового мира с фанатичной борьбой про-

тив наследия и самого принципа наследственности. Старые памятники убрали, нужна была новая монументалистика, в которую с головой нырнула Вера Мухина. А Замков, которому вскружила голову его затея гравидана, всегда был рядом. Можно сказать, что они занимались одним делом — оба культивировали, создавали некий объект «человека нового времени» по принципу «в здоровом теле здоровый дух». И талант скульптора оказался на высоте.

Мухина писала: *«О том не могу говорить без волнения. Алексей Андреевич не выдержал травли и решил ехать за границу. Мы тоже с ним. Дело было так. Открытие Алексея Андреевича стало сенсацией. Успех у всех рождает зависть, вокруг началось брожение: вы за Замкова, или против? Многие испугались, подписали статью в «Известиях», где Замков был назван шарлатаном. Алексей Андреевича обвиняли во всех грехах... Он не выдержал и решил бежать. Превратился в комок нервов. Я отговаривала его, Алеша, подумай, но он отвечал: нет, нет, я больше не могу. Я не могла оставить его в таком состоянии и решила ехать с ним. Мы взяли паспорта и поехали будто бы на юг, — хотели перебраться через персидскую границу. В Харькове нас арестовали и повезли обратно в Москву. Привезли в ГПУ. Допросили первую меня. Я поняла, что Алексея Андреевича подозревают в том, что он хотел продать за границу секреты своего изобретения.... Не подтвердилось, и меня отпустили. У меня на-*

чались страдания жены, у которой арестован муж...»

Между тем, шел 36-й год, нужны были скульптуры рабочих. Нужны были монументы во славу рабочего человека. Времени оставалось меньше года... Напряжение не спадало с утра до вечера. Работали сначала в две смены, потом в три. Была зима. Холод. И вот приехал сам Сталин! В апреле 37-го года даже Пикассо восхитился удачным расположением композиции на фоне сиреневого парижского неба. Это творение, названное западными критиками «величайшим произведением скульптуры XX века», принесло Мухиной всесоюзную и всемирную славу.

Но в то же время она была «земной» женщиной, а Замков обычным «земным» мужчиной с болезнями и немощностью.

И смерть тоже имела место. Даже гениальных людей она не обходит стороной, как ни гони ее препара-

ми и самыми уникальными изобретениями. Эликсир молодости не есть эликсир бессмертия. Все старятся. И все умирают. Увы.

«Я закрываю глаза, и ты выплываешь передо мной. И по моему телу, по всему моему существу разливается какая-то дрожь. Меня так тянут эти осенние леса, освещенные золотым заходящим солнцем. Так захотелось побродить с тобой вдвоем, прижать тебя к груди. Грустно, что нам дано так мало времени...» — писала Вера Мухина своему мужу.

Доктор Алексей Замков умер 25 октября 1942 года после повторного инфаркта в возрасте 59-ти лет, а за 5 лет до его смерти «похоронили» гравидан как дело мечты врача-ученого. Но любовь великой женщины пережила его смерть: мужественная Вера Игнатьевна Мухина после смерти мужа сделала все возможное, чтобы его идеи вошли в медицину. Она бережно собирала и хранила

все материалы и разработки ученого и даже памятник мужу сваяла. Это и есть то самое, что называют «жизнью в камне». Вечной и неиссякаемой, вопреки смертям, жизнью.

Из 150 законченных скульптур наследия В.И. Мухиной теперь хранятся в музеях более тридцати. И слов из песни не выкинешь: эта песня из камня! Малахита, гранита, гипса и металла. Мухина — вечный символ советской эпохи, а сама эпоха — это тоже ваяние рук человеческих. Замков тоже с нами, его прогресс — это работа на человечество. На того самого «улучшенного человека» — здорового телом и духом.

Последней неосуществленной «большой мечтой» Веры Игнатьевны был памятник защитникам Севастополя. Она мечтала об этом всю свою жизнь! Надо сказать, что к этой теме у нее было особое, глубоко личное отношение. Свое детство Вера Игнатьевна провела в Крыму, в чудном городе Феодосии. Первая оборона Севастополя 1855 года была в центре внимания увлекавшейся историей девочки. В те дни стремительных побед нашей армии все казалось возможным, и у В. И. Мухиной возникла идея грандиозного монумента: шестидесятиметровой башни, стоящей в воде севастопольской бухты и увенчанной скульптурной группой, обращенной во все стороны — на юг, север, запад и восток! Сегодня, когда плывешь на корабле вдоль бухты, маячит именно эта грандиозная ком-

позиция. И я мысленно вижу ее. Это настоящая музыка. А сам Крым — это огромный музыкальный инструмент, навевающий мысль об этом:

*История твоя века, века, века,
античность, до-античность и так
далее.*

*Но музыка, что льется мне в рукав.
Но музыка! Под каждую сандалией!
Мы русские — мы раньше всех
славян.*

*(Римляне были здесь, затем
османы
и приходила воевать Германия),
но Крым на русских косточках
стоял
и сбросил лишнее.*

*И я хожу по морю, как по полю.
Вот ветер. Солнце. Кипчаковский
слой.*

*И музыка... Но больно-то. Как
больно!*

*От мысли, что могли отнять
опять
и не вернуть. Но мы пришли
и взяли.*

*А музыка звучит, что крепче стали
и не унять ее мне, не унять!*

Путь великих подтверждает справедливость мысли академика Павлова о том, что можно всю жизнь искать разгадку души как «высшей нервной деятельности», то есть, в рефлексах.

А жизнь двух великих людей — скульптора и ученого — и есть тот монумент, который высится над нами, лишь надо поднять голову к небу, чтобы увидеть это великое... □

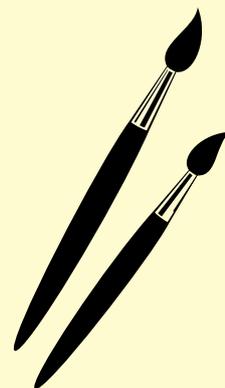
МИКЕЛАНДЖЕЛО — мастер фейков, или История одной ПОДДЕЛКИ

---

*Даниэле да Вольтерра.
Портрет Микеланджело*

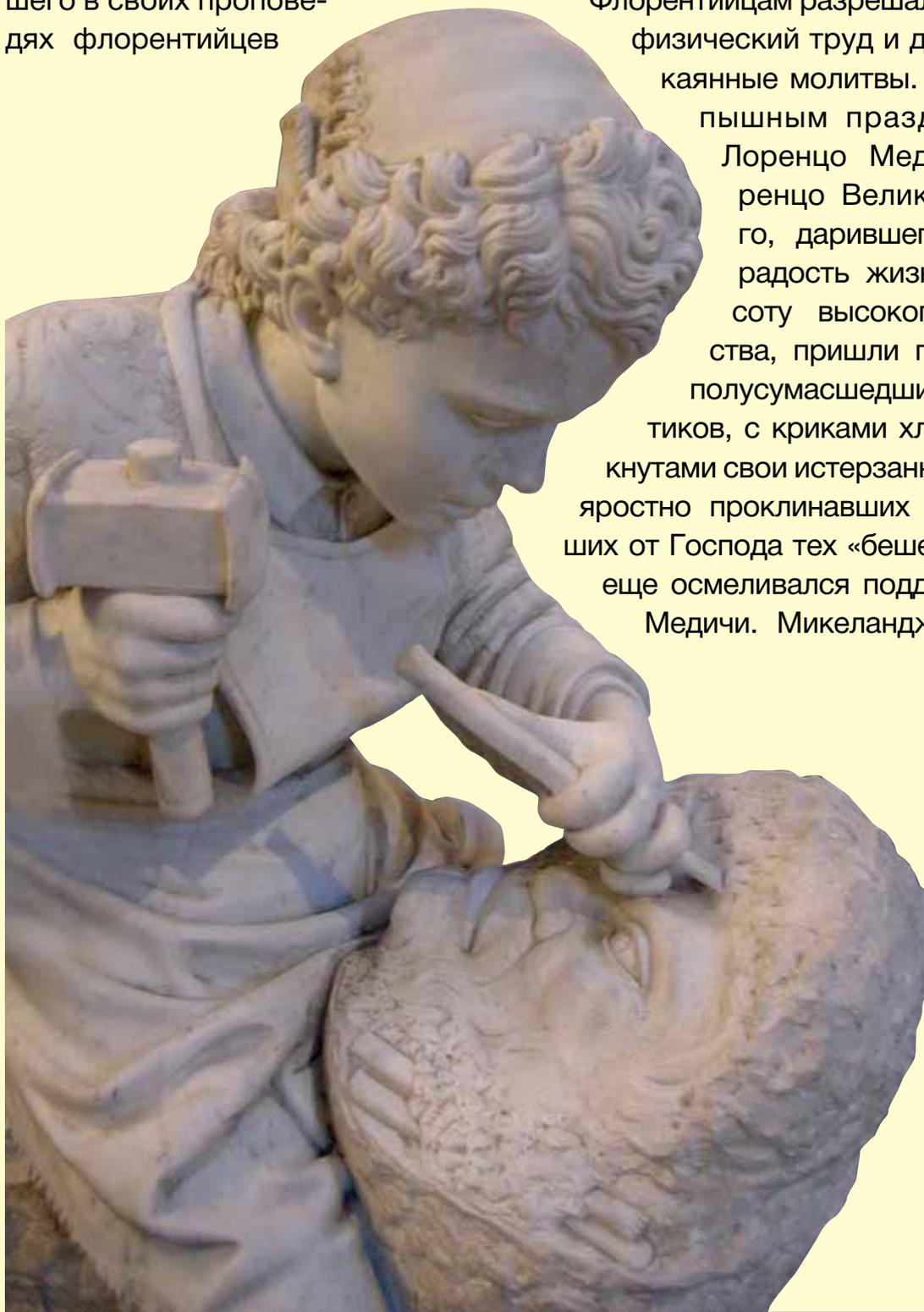

Наверное, подделки появились тогда же, когда произведения искусства обрели имена своих создателей и возник спрос на рынке — шедевры, и не совсем шедевры, могли быть проданы за высокую цену. Действительно искушение сделать, а потом выгодно продать фальшивку велико, ведь создать что-то свое, по-настоящему ценное, гораздо труднее. В истории искусства есть несколько художников, прославившихся изготовлением фальшивок, и нельзя сказать, что они были бесталанными, только вот всегда были вторыми, а первыми оставались мастера, которых они подделывали и, по сути, благодаря которым разбогатели. Среди них — голландец Ван Меегерен, «пополнивший» собрание дошедших до нас «вермеров», венгр Элмир де Хори, чьи картины (конечно, под авторством великих художников) до сих пор украшают коллекции многих музеев мира, Отто Вакер, чьи творения были невероятно похожи на «гогенов», Джон Майятт, продавший более 200 картин «мастеров» 19–20 веков, и многие другие. А одним из первых в ряду мастеров фейка был великий Микеланджело! Правда, он занимался этим ремеслом только в начале своей карьеры, когда еще не был великим. Об этом эпизоде Джорджо Вазари, относившийся с большим уважением к гениальному скульптору и художнику, в своем жизнеописании Микеланджело не рассказал — видно, не хотел портить его репутацию, однако другие биографы (современники Микеланджело Паоло Дживи и Асканио Кондиви, а также наши современники — французский историк искусства Марсель Брион, наш специалист по эпохе Возрождения А. Махов) с удовольствием рассказывают эту историю из жизни итальянского гения.

1496 год. Микеланджело — всего 21 год, и он только что вернулся во Флоренцию из Венеции. Его любимый город полностью под властью доминиканского монаха Савонаролы, яростно проклинавшего погрязший в грехах Ватикан и призывавшего в своих проповедях флорентийцев

к истинной вере, к очищению душ, отказу от мирских радостей. Обладая огромной властью, он изгонял ростовщиков, запрещал азартные игры, преследовал за разврат и содомию, требовал от женщин отказа от украшений и красивых туалетов.

Флорентийцам разрешались лишь физический труд и долгие покаянные молитвы. На смену пышным празднествам Лоренцо Медичи, Лоренцо Великопленного, дарившего городу радость жизни и красоту высокого искусства, пришли процессии полусумасшедших фанатиков, с криками хлеставших кнутами свои истерзанные тела и яростно проклинавших отступивших от Господа тех «бешеных», кто еще осмеливался поддерживать Медичи. Микеланджело был

*Чезаре
Дзокки.
Юный
Микел-
анджело
высекает
голову
фавна*

«Спящий Амур».
Возможная
копия

глубоко верующим человеком, но и ему претила эта оголтелость, истерика, безумное желание уничтожить все прекрасное, забыть о том, что совсем недавно жило и процветало в этом прекрасном городе. Он не желал признавать, что «Декамерон» Боккаччо и другие книги должны гореть в огне вместе с игральными картами; что творения античных мастеров греховны и вместе с картинами замечательных художников, как и статуями великих скульпторов, его современников, обречены погибнуть в пламени савонароловых Костров Тщеславия (вот и Сандро Боттичелли уже бросил в такой костер несколько своих картин), а именно этого требовал неистовый Савонарола в своих проповедях, собиравших толпы последователей. И Микеланджело ушел от всего

этого безумия в работу, он заперся в своей мастерской и завершил статую Иоанна Крестителя — заказ Лоренцо Пополани, кузена Лоренцо Медичи, успешного банкира и политика. Юный Буонарроти верил в Господа и творил во славу Его.

Как-то он нашел замечательный кусок мрамора и стал представлять, что, или кто, из него может родиться. Этот будет Амур, несущий людям любовь. И он будет столь же очарователен, как те совершенные античные амурсы, которых совсем недавно флорентийцы с восторгом вырывали из земли и спасали от забвения. И Микеланджело создал прекрасную скульптуру спящего на мраморном пьедестале юноши — Амур, Купидон, Эрот или просто юноша, забывшийся в беспокойном сне.

Микеланджело. Давид

Увидев скульптуру, Пополани пришел в восторг. Но, увы, купить или продать это новое творение во Флоренции не удастся, грустно сказал он своему подопечному, прекрасно понимая, что в душной атмосфере, в

этом городе Савонаролы и его бесноватых приспешников появление мраморного красавца может накликать беду на его юного создателя. И Пополани предложил показать Амура торговцу Миланезе, который сможет продать его в Риме, где правил папа Александр VI Борджиа, где антиков обожали, и все похожее на них тоже неплохо ценилось.

Миланезе сразу оценил скульптуру молодого Микеланджело и пообещал попробовать ее продать. Но не как работу флорентийца! В его практичном мозгу созрела интересная мысль — что, если состарить мрамор и, выдав его за образец античного искусства, получить гораздо большие деньги, чем за произведение еще мало кому известного скульптора? «Давай состарим твоего Амура веков на 15 и предложим его римским коллекционерам, которые как безумные охотятся за антиками. Они ведь и платят за них гораздо большие деньги, чем за скульптуры современных мастеров», — предложил он Микеланджело. И тот согласился. (Кстати, «Спящий амур» — не единственная подделка в жизни Микеланджело. Его друг и почитатель Джорджо Вазари честно рассказывает в своем жизнеописании великого скульптора о том, как еще в годы ученичества в мастерской Гирландайо Микеланджело нередко брал оригинальные рисунки известных художников и возвращал вместо них блестяще сделанные копии. Вазари пишет: «Он также копи-

ровал рисунки старых мастеров, причем, так умело, что копии были неотличимы от оригиналов, потому что он старил бумагу при помощи дыма и красок. Часто ему удавалось оставлять себе оригиналы, возвращая вместо них копии».

В общем, Микеланджело знал, что делать. Заполнив глиняный горшок калом из выгребной ямы и добавив туда немного гнили, он залил все скисшим молоком, тщательно размешал полученную вонючую смесь, обмазал ею Амура и, дождавшись, когда все подсохнет на солнце, зарыл скульптуру в землю. Через три недели Амур был освобожден из земляного плена. И — о, чудо! Мрамор покрылся «столетней» патиной.

Миланезе был в восторге — теперь этого «антика» можно было смело показывать в Риме. Вручив Микеланджело 30 дукатов, торговец отправился в столицу, а покровитель Микеланджело Лоренцо Пополани, наверное, пожалел, что скульптура будет украшать не его дом.

— Знаешь, Микеланджело, да ты не хуже античных скульпторов, — примерно так он сказал своему юному другу.

Это понимал и сам Микеланджело и в глубине души был чрезвычайно горд собой. Хотя вся эта история — и обман возможного покупателя, и возня с выгребной ямой — радости ему не принесла, но вот 30 дукатов, которым очень обрадовался его отец, некоторое удовлетворение доставляли.

Микеланджело. Вакх

Между тем Миланезе привез Купидона в Рим и первым делом показал его Рафаэле Риарио, кардиналу Сан Джорджо. Внучатый племянник папы Сикста IV, двоюродный племянник папы Юлия II, он был од-

«Спящий Амур».
Возможная
копия

ним из самых влиятельных людей в Риме и не раз пытался стать понтификом. Риарио не отличался набожностью, был циничен и безжалостен, но у него была одна слабость — все в Риме знали о его любви к прекрасному, особенно он ценил скульптуру и собрал в своей огромной резиденции большую коллекцию творений античных и современных мастеров. Вот к нему-то первым делом и пришел Миланезе со «Спящим Амуром». Кардинал был в восторге — этот чудесный мраморный юноша, пришедший к нему из давних времен, станет украшением его собрания. Человек не бедный, он готов был отдать за прекрасного Амура 200 дукатов! Миланезе оказался прав — никогда бы он не получил за скульптуру Микеланджело такие деньги, а вот за античный шедевр — удалось! (Заметим, что Микеланджело об этой сделке ничего не знал.)

А спустя некоторое время в дом Буонарроти пришел посланец Пополани: Микеланджело звали во дворец. Он тут же отправился к своему

покровителю. А там его ждал человек по имени Лео Бальони. Он приехал из Рима с поручением от большого любителя скульптуры кардинала Риарио и желал ознакомиться с творениями молодых флорентийских ваятелей, и про Микеланджело ему уже много рассказывали. Бальони очень понравился Иоанн Креститель, стоящий в саду Пополани, и он попросил посмотреть рисунки других работ молодого скульптора. А потом — нарисовать руку ребенка. В надежде получить хороший денежный заказ, Микеланджело тут же изобразил то, что желал Бальони. «Очень похоже на руку «Амура», которого недавно приобрел мой патрон!» — воскликнул Бальони.

Микеланджело понял, что его «античный» «Амур» попал к Риарио, и его обман раскрыт. Пришлось во всем признаться. В том, как он по просьбе Миланезе состарил свою скульптуру, как продал ему, получив 30 дукатов, и как мечтал утереть нос ценителям антиков, доказав, что он не хуже античных мастеров.

Узнав, что Миланезе продал Риарио «Спящего Амура» за 200 дукатов, Микеланджело пришел в ярость. Этому мошеннику удалось обмануть и творца, и покупателя! Он так это дело не оставит, поедет в Рим, найдет этого ворюгу!

Но и Риарио тоже был взбешен. Он хотел вернуть фальшивого «Амура» и вернуть свои 200 дукатов. Но при этом кардинал оценил невероятный талант молодого скульптора, и когда тот приехал в Рим, взял его

под свое покровительство и тут же заказал ему «Вакха» (к счастью, он сохранился, и его можно увидеть в флорентийском Музее Барджелло). А очень скоро, в 1499 году, весь Рим был потрясен гениальной «Пьетой», «Оплакиванием», установленной в соборе Святого Павла. Люди не верили, что это чудо сотворил молодой, мало кому известный флорентинец Микеланджело Буонарроти. И тогда он ночью пробрался в капеллу, где стояла «Пьета», и вырезал на

*Микеланджело.
Пьета*

поясе, пересекающем грудь Девы Марии MICHAELA[N]GELUS BONAROTUS FLORENTIN[US] FACIEBA[T] («Микеланджело Буонарроти, флорентиец, исполнил»).

За «Пьету» Микеланджело получил 450 дукатов. С тех пор он уже никогда не нуждался. Впереди у него была долгая, невероятная жизнь, насыщенная страстями, вдохновенным трудом, великими свершениями (среди них — «Давид», гениальные росписи Сикстинской капеллы, архитектурные шедевры...) Очень скоро его творения уже стоили гораздо дороже античных скульптур.

А приключения его «Амура» продолжались. Кардинал Рафаэль Риарио все-таки вернул себе свои 200 дукатов, а статую — нечистому на руку Миланезе. А тот чуть позднее успешно перепродал ее. Поначалу «Спящий амур» оказался в коллекции сына папы Александра VI, славящегося своей жестокостью Чезаре Борджиа, затем попал в Урбино к известному покровителю искусств герцогу Гвидобальдо да Монтефельтро. Захватив Урбино в 1502 году, Чезаре Борджиа воспользовался случаем и вернул себе статую, а позднее подарил ее Изабелле д'Эсте. Супруга правителя Мантуи, известная по всей Италии меценатка, умница и красавица маркиза Изабелла, понимала, что к ней в руки попало настоящее сокровище. Еще в 1496 году она получила письмо от Пико дела Мирандолы, где поэт описывал творение Микеланджело: «Амур лежит и спит, облокотившись на руку, скульптура

целая, длиной около 4 спаннов (ок. 90 см), он прекрасен; некоторые считают его античным, некоторые современным, как бы то ни было, он совершенен».

Маркиза поместила «Амура» в грот, специально построенный для коллекции антиков рядом со Студиоло, с ее кабинетом в замке Санджорджо, где были собраны произведения самых выдающихся художников того времени. А ведь прошло всего несколько лет с тех пор, как «Спящий Амур» был рожден молодым безвестным скульптором и состарен, дабы выдать его за антик... Он оставался в Мантуе до 1631 года — в тот год его купил и увез в Англию король Карл I. С тех пор «Амур» находился в королевском дворце Уайтхолле.

Во второй половине 17 века Лондону пришлось пережить страшные пожары — в 1666 году в Великом Лондонском пожаре сгорел почти весь центр города, а в 1698 году сгорел королевский дворец Уайтхолл. В этой катастрофе погиб и шедевр Микеланджело.

Однако многие другие работы Микеланджело сохранились до нашего времени, и мы имеем счастье прикоснуться к его великому искусству. К его душе, к его мыслям, к его гениальным прозрениям, к его пониманию Прекрасного... Он так много знал о человеке и сумел поделиться своими знаниями с нами. Нужно только захотеть услышать его голос, услышать его послания нам, людям, живущим на Земле спустя почти 5 веков после его смерти... □

Максим Аверин

*«Театр
прекрасен,
ПОТОМУ ЧТО
НЕПОВТОРИМ»*

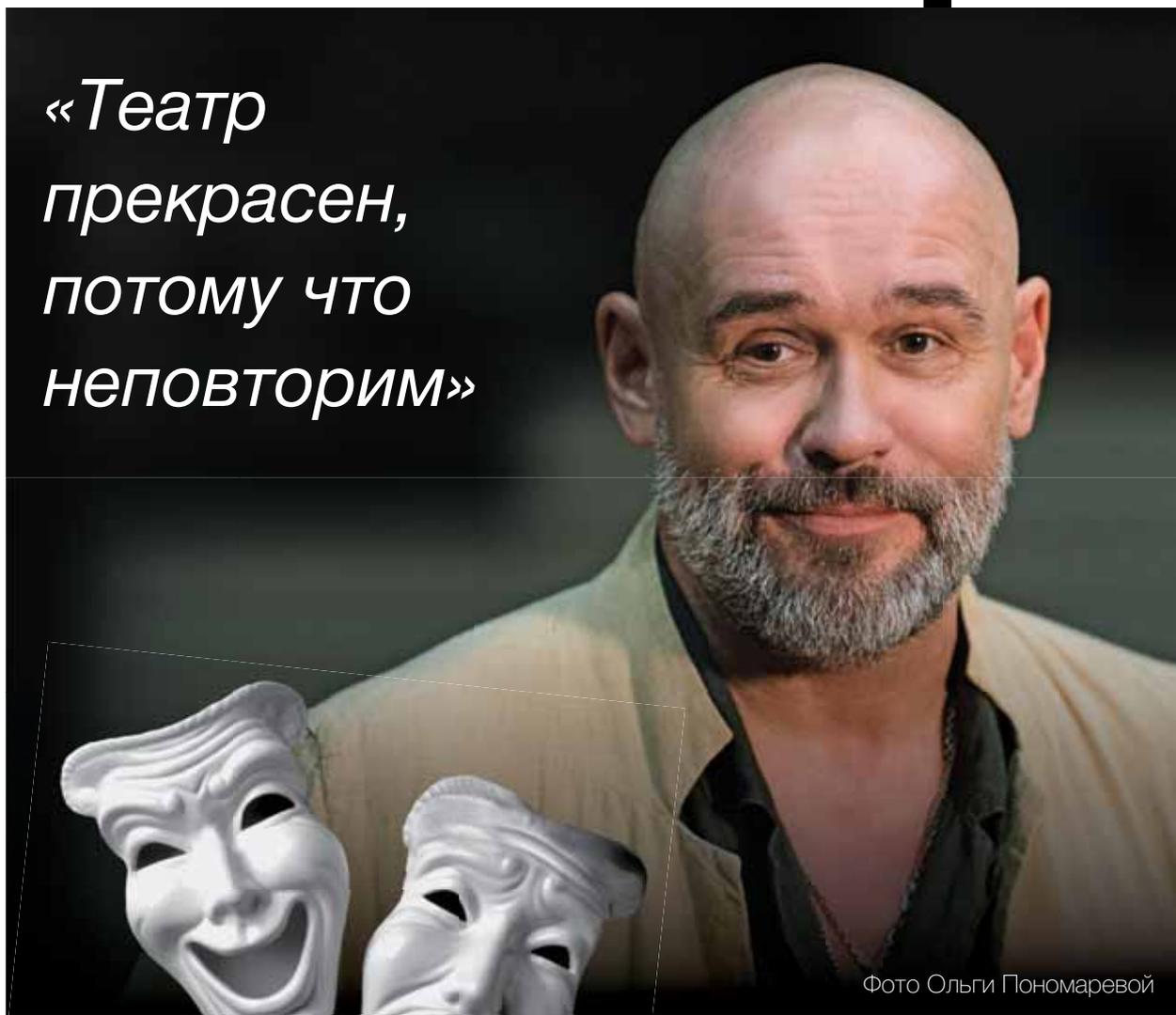

Фото Ольги Пономаревой

Конечно, это было непростое интервью. Передо мной и фотографом состоялся полноценный моноспектакль Артиста, который продолжался полтора часа нашей беседы. Веселый и одновременно драматический разговор — такой же, какой он ведет со своим зрителем через свои роли, будь то спектакль, фильм или ТВ-программа, заставляя нас смеяться, плакать, замирать от восторга и аплодировать... Такой разный, но бесконечно обаятельный, харизматичный и органичный в любой из своих ролей, Максим Аверин доброжелательно встречает меня в театре для открытого диалога с журналом «Смена». Читайте и наслаждайтесь, дорогой читатель...

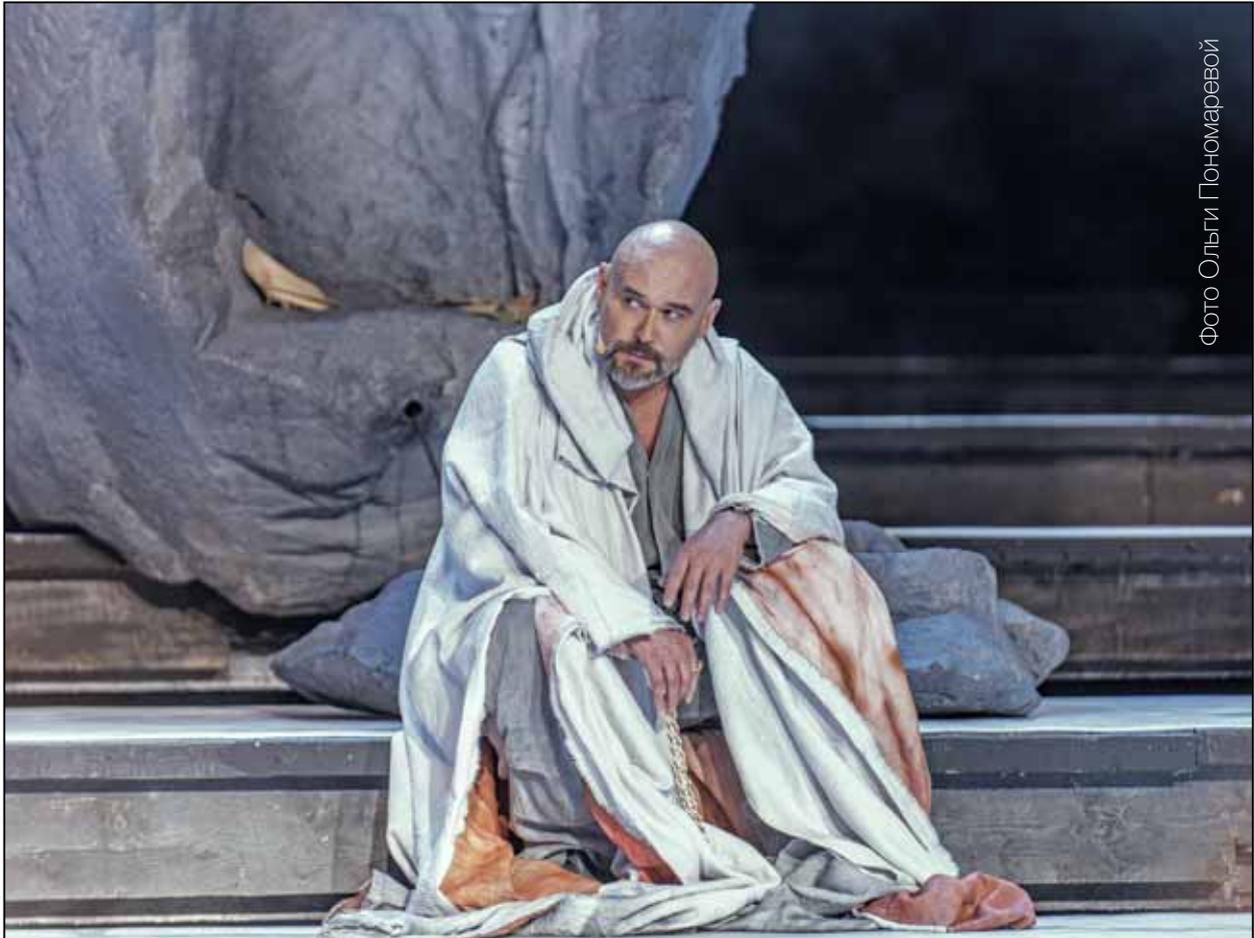

Фото Ольги Пономаревой

— «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...», — говорил о себе Данте...

— Нет! Это не сумрачный лес. Данте писал про загробную жизнь, а у меня она пока наяву, слава богу, и, надеюсь, еще продлится (улыбается).

— Да, Данте прошел ад, чистилище и, наконец, оказался в раю. А где очутился Максим Аверин?

— На новом витке. Для меня вчера — это уже вчера, оно уже вычеркнуто. Кто-то, может быть, оценит вчерашний успех. А для меня «вчера» — это уже все, не работает. Я не могу этим жить, не могу говорить:

«Ой, как здорово! У меня вчера был такой успех! Вчера я закончил новый фильм, сыграл спектакль при аншлаге!» Нет. Для меня СЕГОДНЯ — это единственная перспектива. Спектакль сегодняшней — это моя перспектива. Завтрашняя съемка — это моя перспектива. Я продумываю сценарий завтрашнего дня, продумываю, как мне и куда вырулить — это да, это перспектива. А вот что будет через десять лет... Да мы не знаем, что будет послезавтра. Опа! — трамвай тебя переехал.

— К слову о Булгакове. Вы играете Понтия Пилата в спектакле «Роман» Театра Российской армии, который поставил

по роману «Мастер и Маргарита» Александр Лазарев.

— Сан Саныч (Александр Лазарев-мл. — прим. ред.) — прекрасный человек! Не знаю, каким тихим вечером он придумал, что я должен вообще играть Понтия Пилата. Это даже представить себе невозможно. Вот я уж себе точно не представлял, что могу когда-нибудь сыграть эту роль. Но он заложил в меня такой смысл, что это все-таки осуществилось. И репетиций было не так много, и масштаб этой сцены, и смыслы, которые заложены у Булгакова... Разве я об этом думал? Только интуитивно в этом можно существовать. Поэтому я предполагаю, что

может быть завтра, но я живу сегодня, это точно.

— Если вернуться к Данте. Кто был вашим Вергилием, проводником на протяжении жизни? Наставники наверняка менялись, да и иных уж нет, а те далече...

— Каждый человек, который входит в мою жизнь, он в некоторой степени проводник, наставник. Даже если это горький опыт, даже если я упал, разбился — и выжил, значит, это прекрасный учитель. Вот сейчас вошла Вера, костюмер, и я думаю, что она в какой-то мере тоже мой проводник — человек, который тебя сопровождает на сцену, «в последний путь», как я говорю, потому что

дальше — неизвестность. Как пойдет спектакль? Какая сегодня будет публика? Какое настроение у зрительного зала? Это же непредсказуемо. В кино совсем по-другому: крутится, и все. Пленке все равно, как ведет себя публика — может, она ест чипсы, а может, целуется на задних рядах. А театр — это такая энергия, которая неповторима. Поэтому это, наверное, единственное искусство, которое не имеет продолжения, потому что волшебство этого вечера никто никогда повторить не сможет. Поэтому я так влюблен в эту профессию, наверное, даже больше, чем в кино. Кино — это другая профессия. А театр — он невероятен, он прекрасен, потому что он неповторим.

— Вы столько ролей переиграли в театре!

— Я еще ничего не сыграл. Скажу больше — сейчас Николай, мой продюсер и директор, издает книгу-альбом. Большой двухтомный труд о моих ролях и моем творчестве. Это — сюрприз для меня. Я бы никогда не осмелился написать книгу о своем творчестве, мне кажется, это так нескромно, хотя, я думаю, это будет интересным подарком для моего зрителя, моих поклонников. Любой человек, который входит в твою жизнь — костюмер, гример, помощник режиссера, свет, звук — это ведь соучастники действия. Поэтому я никогда не понимаю, когда говорят «обслуживающий персонал». Что значит обслу-

живающий персонал? Это такие же мои соучастники. Выключи свет — и меня не видно, выключи звук — и не будет музыки. В театре все является атмосферой. Входит зритель в театр, и он уже попадает в эту атмосферу. Для меня все должно быть подспорьем.

Каждый день играть трудно — выматываешься. Иногда самолет-перелет, лететь 5 часов, разница по времени большая с Иркутском. И ты сидишь перед началом и думаешь: «Господи, где взять это все? Эту энергию?» И тут же приходит мысль: «А ведь в зале сидит человек, ну хотя бы один из тысячи, для которого это — событие. Он готовился, чтобы сюда прийти, и я не могу его подвести». Для меня — это стимулятор, потому что я не могу убить ожидание. Ведь когда-то и я также приходил за впечатлением, когда был ребенком. Открывая книгу, я не хочу быть убитым. Вы заметили, как появились такие слова как «сделка», «договорились»? Ты существуешь в какой-то сделке. А я не хочу так, я хочу наоборот, чтобы в каком-то пространстве, театральном, пускай оно иллюзорно, было что-то, дающее надежду.

— Сейчас вы возглавляете свой курс в Щукинском институте...

— Мне говорили: «Макс, ну, погоди, куда сейчас студенты в твоём сумасшедшем графике?» И действительно, куда еще 30 человек? И ты не можешь просто сказать:

«А, ладно». Это большая ответственность. Я с них спрашиваю, как с себя. Ведь, условно говоря, завтра-послезавтра они будут моими партнерами, коллегами. Немного сейчас все стало упрощенным, некой среднеобразовательной школой. Огромное количество административной ответственности, а не творческой. Это меня мучает, потому что надо вести документацию, заполнять бумаги и прочее. Ну не творчески это, как-то неправильно. Слово нашего мастера курса было не то, что непререкаемо, это был такой закон, что даже в мыслях не было пропустить занятие. Этого не могло быть, даже в страшном сне невозможно представить! А сейчас они пишут смски: «Ой, я заболела...» Или что-то еще в том же духе. А у нас, студентов, страшным адом было проспать. Дисциплина — это все! Что такое институт? Это азбука, которая в тебя закладывается и с которой ты должен потом идти по жизни, потому что на самом деле срабатывает все только сейчас, спустя 30 лет после окончания института.

— Максим, обратимся к театру. Сейчас третий репертуарный театр в вашей судьбе — Ленком...

— Я скоро буду как Фаина Раневская, которую спросили: «Вы так часто меняли театры.

Фото Ольги Пономаревой

Фото Ольги Пономаревой

Что вы искали?» — «Искусство». — «Нашли?» — «В Третьяковской галерее». Понимаете, другие времена настали. Я не могу привыкнуть к месту. Артист должен быть всегда в состоянии конкурентоспособности. Ведь все быстро летит. Например, я уже не смогу сыграть Ромео, это будет странно. Я не хочу перейти в то состояние, когда от меня на сцене будет «борщом пахнуть». Не могу, не хочу так. Искал ли я чего-то? Да нет, просто принимал то, что мне давалось. Не то, чтобы: «Ох, мне здесь не нравится, уйду...» Нет! Евгений Владимирович Князев сказал мне: «Пора возвращать долги», и я взял курс. Потом мне предложили сыграть Понтия Пилата — ну, надо быть идиотом, чтобы отказаться сыграть это. Одновременно мне предложи-

ли в Ленкоме вестись в «Женитьбу» на роль Кочкарева. Так я с двумя пьесами и сидел, сроки короткие, а нужно было выучить иерусалимский текст булгаковский, и тут же — комедию Гоголя — огромное количества текста! Кто-то скажет — зачем? Отдохни, у тебя выходной. А я не могу, у меня другой азарт по жизни: я не могу отказаться от того, что мне предлагается. Значит, это Его промысел. Он говорит: «На!» Раз дано, значит, сдюжишь.

— Раз уж зашел разговор о Боге. Какие храмы России и мира поразили вас больше всего?

— Конечно, Валаам. Я там был тридцать лет назад. Это сейчас такая мекка, а тогда... Соловки. И, конечно, Иерусалим, храм Гроба Го-

сподня. Невероятный мир открывается, потрясающая энергия, мощь. И ты понимаешь, что должен всю житейскую шелуху разгрести и прийти к этому... А вообще первая церковь, которая была в моей жизни — это храм на Новослободской, где меня крестили лет в 12, потому что я сам к этому пришел. Понимаете, я же еще из той страны, советской. Для меня праздник Пасхи — это что-то такое невероятное, волшебное и загадочное. Когда мама купила пекла — это была какая-то сказка! Никто ничего не объяснял, просто встречали праздник Пасхи. Потом я пошел в храм и сидел там, слушал, смотрел. Это было не то чтобы под запретом — никто ничего не запрещал, скорее, это было из области «я познаю мир». А потом я пришел к маме и сказал: «Мамочка, давай меня покрестим». Вот так это было. Я помню храм в честь иконы Божией Матери «Нечаянная радость» в Марьиной Роще, там маму мою крестили, когда она была маленькой. Сейчас, когда много церквей, я как Лев Толстой — мне не нужны проводники. Отчаянно, конечно, так заявлять, но выстроить внутри себя этот разговор, наверное, важнее...

— Максим, я знаю, вы занимаетесь благотворительностью, но не любите про это рассказывать.

— А зачем? Чтобы показать, какой я хороший? Зачем про это рассказывать? Что такое артист? Ар-

тист — это тема. Тема добра, любви, вечных ценностей. Если вы видите немощность старика, слезы матери, что равносильно землетрясению, или ребенка, который болен, и вам нужно что-то по этому поводу объяснить, то я не знаю... Объяснить, что нельзя равнодушно проходить мимо несчастья, невозможно, да и зачем? А по поводу того, что делаю — я не веду статистику. Есть дети, которым я помогаю, есть мои студенты, которых нужно поддерживать, есть детишки, которые лежат в онкоцентрах... Почему произошло так, что у ребенка в 11 лет онкология? Я не могу говорить: «Ой, как здорово! Я поеду скорее туда», или когда кричат: «Мы помогаем детям!» Нет, это преодоление, потому что ты не можешь быть к этому равнодушным. Это не пять рублей отправить на счет, это боль, страшная боль, и ты, естественно, к этому подключаешься... ведь это ребенок! Или же госпитали, куда я приезжаю к ребятам — один лежит после операции, оторваны руки и ноги, его уже везли как груз 200 — ни рук, ни ног! Товарищи уже собирали деньги на похороны, и вдруг он жив! Лежит в палате, а рядом жена, с ней подросток, а на подоконнике малыш-грудничок спит... И она счастлива оттого, что он жив! Пусть без рук и ног! А вы говорите: «Я помогаю...» Да что моя помощь? Я думаю: «Господи, что бы сделать для них?!» А врачи мне говорят: «Вы не понимаете, вы просто придите

к ним». Ну и что, я буду сейчас вести подсчет?.. Все познается в сравнении. Кто-то говорит: «Ваш труд...» А вы шахтерам расскажите про труд...

— Если говорить о зрительской любви, то для меня знакомство с вашим творчеством началось с прекрасного сериала «Карусель»...

Это, наверное, одна из лучших моих работ, и я ее очень люблю, хотя никогда не смотрел — я не смотрю фильмы со своим участием.

Крайне редко, когда нужно посмотреть, что получилось. Вот «Собор» я смотрел, потому что мне было интересно, как все получилось.

— Вам понравилось?

— Мне ничего не понравилось, но я не считаю, что это какой-то мой провал. Мне нравится эта работа. Знаете, почему? Потому что я не знал, как это делать, и от этого мне становилось очень интересно. Все знают, как играть Петра I — есть каноническое исполнение. Мы с Сергеем Гинзбургом сделали со-

Фото Эльвиры Шурьгиной

вершенно другого Петра. Я не знал, как его делать, но это такой кайф! Ты можешь научиться пользоваться своими средствами, которые тебе даны. Самый худший день — когда ты начинаешь новый проект. Я просыпаюсь с утра, и мне уже все не нравится. Зачем я согласился, о, боже! Сейчас опять новые люди, оператор, свет, гример. И я помню, как приехал на съемки «Собора». Для меня был первый съемочный день, а они уже снимали месяц. То есть они все уже команда, и тут я, да еще в роли Петра I. Я думаю, что они, наверное, говорят про себя: «Зачем мы его взяли?» Стою беспомощный, в этом парике, с этими усиками: «Какой Петр I? Кого ты можешь играть? Только социальных работников. Ужас!»

— Ну, вы очень самокритичны и самоедливы!

— Только так можно жить. И будет страшно, если я вдруг когда-нибудь скажу: «А, ладно...»

— Как вы относитесь к современному искусству?

— В Москве огромное количество мест, где ты можешь найти себя. Третьяковская галерея, площадь у Большого театра или Камергерский переулок — по мне это и есть искусство. Есть граффити — это тоже искусство. Мне кажется, то, что город позволяет себя реализовывать, — это здорово. Уже второй год существует фестиваль «Тра-

гальный бульвар». Мне нравится, что происходит движение — люди сочиняют, что-то придумывают, творчески реализуют себя. Разве это не площадка для реализации? Я очень много стараюсь посмотреть, даже когда у меня выходной на гастролях, я иду в театры, на выставки. Обожаю! Недавно у нас были гастролы Ленкома в Питере, и в выходной пошел в Русский музей на выставку русского авангарда. Для меня многое открылось, потому что одно дело, когда ты смотришь на живопись в книжке, а совсем другое — в реальности. И вдруг ты понимаешь, что все это 3D было сочинено давно. А вечером я пошел в Театр Комиссаржевской и посмотрел замечательный спектакль «Барон Мюнхгаузен», который меня очень впечатлил. А во время отпуска посмотрел потрясающий моноспектакль Иры Горбачевой — какая энергия! Сходил и на рок-концерт Дианы Арбениной... Я не просто люблю смотреть, мне это надо, потому что ты в этот момент начинаешь учиться, «воровать». Смотришь и думаешь: «Ух ты, как круто! Как она это делает?» Потому что в собственном варенье вариться не очень интересно...

— Знаю, что вы настраиваетесь на спектакль с помощью классической композиции. Почему именно «Болеро» Равеля?

— Там есть ритм. Для меня это ритм наращивания мышцы. Ты за

14 минут начинаешь крепнуть, потому что музыка — это все. С самого утра и до позднего вечера она должна звучать у тебя в голове. Что сделал с Плисецкой Бежар? Вот этот подъем солнца. Оно встает, и так зарождается мир, так зарождается природа. Была планета без воды и вдруг появляется земля, деревья, рыбы, люди. И ты готов.

— Максим, позволю себе напоследок процитировать ваши стихи:

**Этот мир — всего пара строк,
Лишь мгновенье, и все же
уверен,
Прочитали меня только вы.
Бесконечно люблю,
ваш Аверин».**

— Сейчас выходят сразу 2 книги — это фотоальбом и полное собрание моих спектаклей и творческих работ, но я сразу предупрежу, чтобы не думали, что я этим занимаюсь. Это такие подарки моих друзей. Потому что я абсолютно непоследователен. Ничего не собираю, пишу, где-то это валяется, потом находится, и, оказывается, это я написал. Фотографии, архивы, которые ведет мой директор, — он решил это все собрать, систематизировать и выпустил двухтомник. Я ему сказал: «Коль, двухтомник — как-то нескромно». Потому что я все еще подающий надежды, понимаете? А другой мой друг решил составить книжку с моими стихами, сделал фотосессию. А я про-

сто работал. И уж точно у меня не было такого: «Оставить поколениям». Ерунда все это. И вот сейчас мне дико неловко, страшно, когда все это вышло. Ну, мне тут проще, потому что это они придумали, а я к этому не имею отношения, и даже не смотрел верстки.

— А я видела — материал получился замечательным! Максим, расскажите, пожалуйста, как сочиняются ваши стихи?

— Это зарифмованные мысли. Я не считаю себя поэтом. Потому что поэт — это профессия. Я могу год ничего не писать, а потом раз — и вдруг открывается какой-то шлюз, и вот оно идет, идет, идет, и я начинаю что-то рифмовать. Иногда мне нравится, иногда перечитываю и думаю: «Какая ерунда! Какой ужас!» И потом, я же имею дело со словом. Трудно, когда ты читал Пушкина, называть это стихами. Я их называю стихульки. Вообще, несмотря на то, что произвожу впечатление самоуверенного человека, я, наверное, абсолютно неуверенный человек. Уверенный только там (показывает на сцену — прим. авт.), там лучший мой ракурс в жизни. Потому что там я счастлив, там я любим, там я могу все свои мысли, переживания, радость — могу все там реализовывать. И там, наверное, лучшее, что происходит в моей жизни. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ

Было обычное утро. Людмила готовила завтрак: яичница жарилась на сковороде, белый хлеб подрумянивался в тостере, кухню наполнял тонкий аромат кофе.

Сын Алексей сидел за столом, играя в гонки на смартфоне и ожидая еду.

В коридоре раздались шаги главы семейства, но неожиданно шаги стихли и раздался громкий глухой звук, будто упало что-то тяжелое.

— Дорогой? Владимир? — встревожено спросила Людмила, передвигая сковороду на холодную конфорку.

Алексей оторвался от телефона и направился в коридор.

— Пап? Что там? Что случилось?

Через минуту он уже звал на помощь.

— Мам, скорее! Сюда!

Людмила тут же кинулась к ним.

Владимир лежал на полу, схватившись за сердце.

— Ганс, вызывай «скорую»! — скомандовала женщина.

— Вызываю, — ответил умный дом.

«Скорая» успела вовремя, и Владимира увезли в частную клинику.

Уже вечером он позвонил жене:

— Дорогая, займись оплатой счетов. Я проваляюсь здесь несколько дней. Пока вырастят сердце, пока пересадят...

— Хорошо, милый, не волнуйся, я разберусь. Поправляйся, мы с Лешей ждем тебя.

— Люблю вас. Обними его за меня.

— Мы тоже тебя очень любим и ждем домой.

— Спасибо. Больше не могу говорить, пришел врач. Все, прощаемся, целую!

— Пока, милый!

На следующий день, отправив сына в школу, Людмила занялась счетами. Неожиданно она заметила счет на крупную сумму в фирме «Бионика».

— Ганс, покажи мне все счета в «Бионику».

На мониторе тут же засветились 10 ежегодных платежей в «Бионику».

— Ганс, найди мне информацию о компании «Бионика».

— «Бионика» — передовая компания в области биоинженерии и производства андроидов. Работает более 20 лет с частными лицами и корпорациями.

— Ганс, покажи мне планинг Владимира на этот год. Так-так, на следующей неделе запись в эту странную контору. Что же ты там заказывал каждый год?

Людмила считала, что в их семье нет тайн, поэтому мысли в ее голове были похожи на запутанный клубок. Походив туда-сюда по комнате, она, наконец, приняла решение.

— Ганс, звонок в «Бионику».

— Здравствуйте, вы позвонили в компанию «Бионика». Слушаю вас.

— Добрый день, меня зовут Громова Людмила, мой муж Громов Владимир попал в больницу. У него была запись к вам на 20-е число, могу я прийти вместо него?

— Мы можем перенести запись.

— Нет-нет, после лечения у него будет много других дел. Мы уже все согласовали.

Администратор мешкала. Видимо, ситуация была не стандартной. Но скоро согласилась, записала жену вместо мужа и сказала:

— Хорошо, ждем вас вместе с сыном Алексеем. До свидания.

Людмила была очень удивлена, услышав, что должна прийти вместе с сыном. Ситуация становилась все более запутанной, и она с трудом дождалась возвращения сына.

— Леш, расскажи, зачем вы с папой раз в год ездили в «Бионику»?

— Обычный осмотр, мам.

— Понятно. В этот раз поедешь со мной. Давай переоденься, и будем ужинать.

За ужином Людмила поинтересовалась школьными делами сына, а потом спросила:

— Я думала, «Бионика» занимается роботами и исследованиями.

— Папа сказал, что там работает его друг детства Петр.

— Петр Вульф?

— Да, он.

— Тогда понятно. Наверное, Владимир доверяет ему больше других врачей с купленными дипломами.

Людмила старалась говорить спокойно и не выдавать своего волнения.

Наконец подошла дата приема, и мать с сыном вошли в просторный зеркальный холл «Бионики». Их встретила администратор, проводила в зал для vip-клиентов и обратилась к Людмиле со словами:

— Вы можете отдохнуть, а мы проводим Алексея на процедуру.

— Я бы хотела посмотреть. Видите ли, я первый раз...

Администратор слегка смутилась, но тут же ответила:

— Вам придется переодеться для входа в чистую зону.

Им выдали комплект одежды и проводили в разные комнаты.

Когда Людмила вышла, ее уже ждали сын и администратор.

— Значит, вы еще не видели семейный отсек? — спросила администратор.

— Нет, раньше всем занимался муж. Но он заболел, и теперь все на мне.

Войдя в кабинет с надписью Г37, Людмила была поражена чистотой помещения. Посредине стояли три капсулы, внутри каждой из них находились чьи-то тела. Она подошла ближе, и мурашки побежали по ее коже: в капсулах были она, муж и сын.

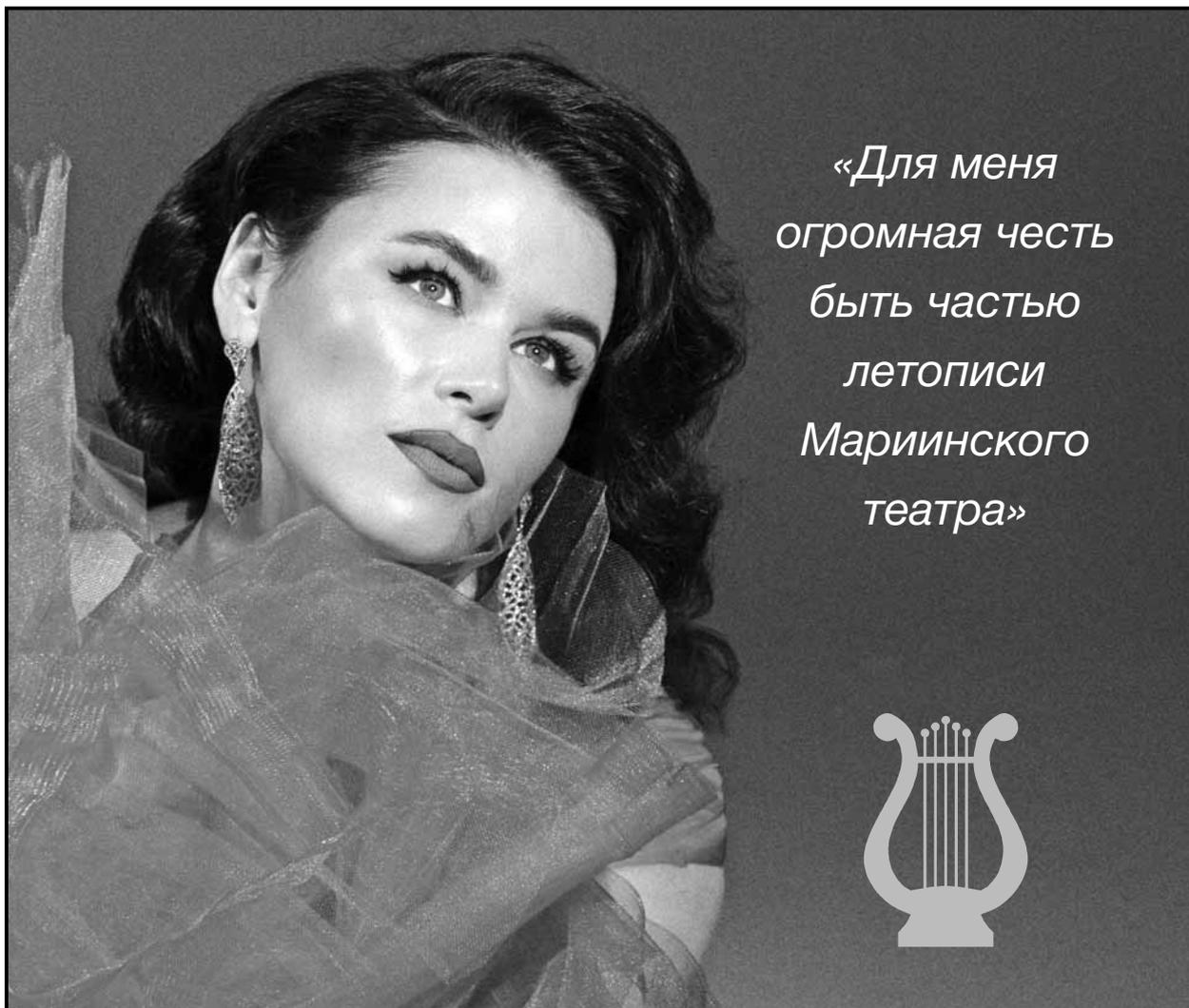
— Это новые модели, — объяснила администратор. — Теперь наши андроиды могут расти и стареть, так что вам не придется возить сына каждый год.

Людмила ничего не могла ответить, ее словно парализовало. Администратор продолжала говорить, но она уже ничего не слышала. В голове вдруг зазвенело, тело Людмилы обмякло и поползло вниз...

— Владимир, это Петр. У твоей жены Люды инсульт. Мы не успели ее спасти. Единственное, что мы можем сейчас сделать — активировать ее биодвойника. Тебе нужно дать согласие.

В своем смартфоне Владимир зашел в личный кабинет «Бионика» и нажал кнопку «Подтвердить активацию»... □

Наталья Павлова

*«Для меня
огромная честь
быть частью
летописи
Мариинского
театра»*

Наталья Павлова — выдающаяся оперная певица и заслуженная солистка Мариинского театра, чья карьера охватывает более 40 главных партий в репертуаре. Ее имя стало символом музыкального искусства, а ее голос — олицетворением эмоциональной глубины и мастерства. Наталья прославилась как участница премьер опер великих композиторов — Чайковского, Верди, Рубинштейна и Щедрина, а также первой исполнительницей ряда моноопер, включая «Анна» Клиничева и «Анна Франк» Фрида. В эксклюзивном интервью она поделилась с читателями моментом, когда поняла, что опера — это ее истинное призвание, рассказала о своем первом учителе и открыто высказалась о своем отношении к экспериментам и современной опере. Погрузитесь в мир творчества Натальи Павловой и узнайте, что стоит за ее невероятным успехом на сцене.

— Как вы пришли в оперу? Помните ли момент, когда поняли, что это ваше призвание?

— С самого раннего детства, сколько себя помню, я постоянно что-то напевала. Но в оперу пришла неожиданно — после первого урока со своим педагогом Рафаэлем Владимировичем Сирикяном. Он тогда сказал: «Голос есть, но он спит. Будешь работать — будешь петь».

На тот момент за моими плечами уже было четыре года училища и четыре года обучения в Московской консерватории на дирижерско-хоровом факультете. И вот на занятии с ним я впервые в жизни ощутила себя... инструментом! Не хором, не роялем, а целым миром: космосом, декой и струнами одновременно. Это перевернуло мое восприятие музыки!

Окончив дирижерский факультет консерватории с отличием, я не стала работать дирижером, а решила освоить новую профессию — вокалистки. Было ли сложно? Конечно! Но я ни разу об этом не пожалела.

— Кто стал вашим первым учителем по вокалу и какое влияние он оказал на вашу карьеру?

Думаю, я уже ответила выше: это Рафаэль Владимирович Сирикян. Он буквально «разбудил» мой голос и открыл мне путь в оперу.

— Какие этапы становления как артиста были самыми сложными и самыми вдохновляющими?

— Рост артиста трудно разложить на четкие этапы. Каждая встреча с мастером — будь то старший коллега, режиссер, дирижер или концертмейстер — это урок. Иногда пример, как надо, иногда — как не надо, но всегда опыт.

Все, что нас окружает — фильмы, картины, книги, — тоже часть творческой копилки. Актер, по сути, бездонная бочка, куда попадает каждая деталь. А потом, в нужный момент, этот сундук с «сокровищами» открывается, и ты вдруг вспоминаешь что-то услышанное или увиденное много лет назад. Это очень увлекательный путь.

— Как вы попали в труппу Мариинского театра? Что это для вас значит?

— Я узнала, что будет прослушивание в молодежную труппу Мариинского театра, приехала и спела. Это было в июле. А в конце сентября мне позвонили и сказали, что меня приняли.

Через несколько лет, уже после того как началась моя европейская и американская карьера, меня перевели в основную труппу Мариинского по распоряжению Валерия Абисаловича Гергиева.

Мариинский — театр с колоссальной историей! Здесь творили величайшие артисты оперы и балета, у которых учатся поколения. Для меня огромная честь быть частью летописи этого театра.

— Есть ли партия, с которой началась ваша профессиональ-

ная сцена? Что она для вас значит сейчас?

— Моя первая большая партия — «Русалка» Антонина Дворжака. А первая премьера — Виолетта Валери в «Травиате». Это масштабные и невероятно сложные роли. Наверное, в начале пути прекрасно не до конца осознавать весь их масштаб и просто делать!

— Есть ли партия, которую вы еще не исполняли, но мечтаете это сделать?

— Да. Это «Анна Болейн» Газетано Доницетти.

— Как вы подходите к созданию образа на сцене: сначала вокал, потом драматургия или наоборот?

— Образ рождается как пазл: передо мной лежат детали, и я на-

чинаю собирать их — слушаю музыку, читаю, смотрю фильмы, анализирую героиню с психологической точки зрения, ищу оправдание ее поступкам. Постепенно вырисовывается целостная картинка. От этого зависит все: и звук, и пластика, и ощущение себя на сцене. И, что самое удивительное — этот процесс бесконечен. Возвращаясь к партии спустя годы, всегда открываешь в ней что-то новое. Наверное, это и есть счастье артиста.

— С какими композиторами вы чувствуете наибольшую внутреннюю связь?

Я обожаю Сергея Рахманинова. Он умел своей музыкой касаться человеческой души. В моем репертуаре не так много его вокальных произведений, но каждое из них — как исповедь.

— Как вы относитесь к экспериментам и современной режиссуре в опере?

Если это сделано талантливо, я двумя руками «за»! Главное, чтобы постановка вызывала эмоцию, зацепила душу, будоражила сознание. Если мурашки по коже — значит, все удалось. Какими средствами это достигается, не так важно. Уходишь из зала наполненным — вот что ценно.

— Есть ли у вас особые ритуалы перед выходом на сцену?

— Да. Я всегда молюсь. Прошу, чтобы смогла вынести на сцену все,

что сейчас могу, быть теплой, искренней и коснуться звуком каждого сердца в зале.

— Есть ли режиссеры или дирижеры, с которыми особенно комфортно работать? И почему?

— Дело даже не в комфорте, а в творческой магии, которая иногда случается. Такие моменты — как полет на Луну. Но я не буду называть имена, чтобы никого не обидеть: каждому, с кем работала, я благодарна за совместное творчество.

— Какие коллеги по сцене вас особенно вдохновляют?

— Те, кто правдив и отдает себя полностью — и на сцене, и в жизни.

— Как, по-вашему, меняется опера сегодня и куда она движется?

— Все стало гораздо быстрее. Куда это приведет, мы увидим в ближайшие годы. Но то, что опера будет трансформироваться — я уверена и сама стараюсь этому способствовать.

— Какие проекты вы мечтаете реализовать в ближайшее время?

— Хочу создать высокотехнологичное оперно-балетное шоу на классическую музыку. Думаю, этого нам сейчас очень не хватает. □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

Фото из личного архива

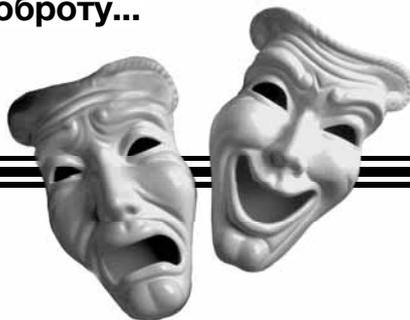
Евгения
Гордиенко

Любовь Соколова

Всенародная мама

Чтобы просмотреть всю фильмографию нашей сегодняшней героини, нужно прокручивать экран довольно долго. В ее активе более 300 ролей, она даже внесена в Книгу рекордов Гиннеса как самая много снимавшаяся актриса. При этом большинство ее ролей — мамы и бабушки. И всего одна (!) роль за всю карьеру — отрицательная. Потому что не по душе ей было играть кого-то плохого, только — любовь и доброту...

Любовь Соколова родилась 31 июля 1921 года в Иваново-Вознесенске (сегодня это город Иваново). Ее отец, Сергей Максимович, трудился столяром-краснодеревщиком, мама, Прасковья Федоровна, работала продавщицей в магазине, но постепенно выросла до директора универмага. Люба активно помогала родителям в ведении домашнего хозяйства: а работы было много, ведь у Соколовых были и огород, и скотина, за которой надо ухаживать.

Однако творческие способности проявились у девочки уже тогда: она могла завернуться в мамину шаль и петь песни. В школе Люба сразу же записалась в кружок самодеятельности и старалась не пропускать ни одной репетиции. Также она была завсегдатаем местного Театра музыкальной комедии. Ей очень хотелось посвятить свою жизнь музыке, и мама ее в этом поддерживала. Но, увы, преподаватели уверили Любу, что музыкальных способностей у нее не так мно-

«Тихий Дон»

го, и построить на них карьеру не получится. Однако девушку это не особенно огорчило, она поехала в Ленинград, где в 1940 году поступила в педагогический институт имени Герцена.

И все же тяга к искусству не оставляла ее, поэтому, когда она узнала, что «Ленфильм» набирает слушателей на курсы актерской школы, тут же отправилась туда. Ей удалось произвести впечатление на приемную комиссию своим монологом из чеховской «Чайки». Всего двадцать два человека было выбрано из бо-

лее чем тысячи желающих. Любовь Соколова этот отбор прошла и поступила на курс режиссера Сергея Герасимова.

При этом Люба продолжала учиться в институте и ухитрялась подрабатывать на вокзале... грузчиком! Эта хрупкая девушка помогала носить чемоданы, чтобы немного улучшить свое финансовое положение.

На курсах при «Ленфильме» она и познакомилась со своим будущим мужем — Георгием Араповским. Его семья происходила из дворян,

---

но, конечно, это скрывалось. Молодые люди поженились в мае 1941 года и стали жить вместе с мамой Георгия, которой невестка очень нравилась.

Но война нарушила эту идиллию. Довольно быстро Ленинград оказался в блокаде, и семье пришлось в буквальном смысле выживать. Георгия на фронт не взяли по причине плохого зрения, и все члены семьи пошли работать на завод, где изготавливались запчасти для самолетов. Благодаря этому они получали паек, которого все равно не хватало. Первой от голода умерла свекровь, а затем прямо на руках у Любы скончался ее муж.

Сама она потом с удивлением вспоминала, как смогла найти в себе силы жить дальше: «В блокаду страшно было. Доходило до людо-

едства. Сама садилась на Фонтанке умирать. Не умерла, потащилась дальше...» В 1942 году, когда появилась возможность эвакуироваться, Соколова уехала из блокадного города по открывшейся тогда «Дороге жизни», на грузовике, под непрерывными бомбежками. В эвакуационном листе в графе «количество человек» значилось: «одна». Она несколько суток добиралась до родительского дома в Иванове. Из состояния «голодной апатии» Любу вывела мать. Она поняла, что девушке нужно чем-то заняться. Узнав, что в Москве открывается набор во ВГИК, она посадила дочь на грузовик, который вез в Москву ткани из Иванова, и отправила в ее столицу. Благодаря льготам для блокадников Любовь Соколову приняли. Курс тогда набирали Борис Бибииков и

Слева:

«Единственная»

«Хождение
по мукам»

Ольга Пыжова. У них девушка и стала учиться.

В студенческие годы она участвовала во всех постановках, часто бывала во МХАТе, училась у лучших. Несмотря на то, что она была очень красивой девушкой — достаточно взглянуть на фото — на личной жизни Люба поставила крест. Не могла забыть умершего мужа.

ВГИК она закончила с красным дипломом. В 1946 году ее приняли в труппу Театра-студии киноактера, в котором актриса и прослужила всю свою жизнь.

Через несколько лет, в начале пятидесятых годов, ее, наряду с другими артистами, пригласили на работу в Германию. Там актеры выступали в советских гарнизонах, переезжая из одного города в дру-

гой. Сам же театр базировался в Потсдаме. Эти гастроли затянулись на долгих пять лет, после чего Соколова вернулась домой.

Ее стали много приглашать сниматься в кино. Роли чаще всего были второстепенными, но и с ними актриса справлялась на «отлично». Среди фильмов тех лет — «Две жизни», «Тихий Дон», «Ночной гость», «Хождение по мукам». Именно на последней картине она познакомилась с человеком, с которым проведет следующие четверть века, — с Георгием Данелией.

Верная своим убеждениям о том, что личная жизнь ей больше не светит, она поначалу отвергала его ухаживания. Данелия, который был младше нее на девять лет, хитрил, представляясь старше. Он понимал, что с «юнцом» актриса точно

не станет встречаться. И ему удалось добиться своего — Люба обратила на него внимание. Формально за двадцать шесть проведенных вместе лет они так и не поженились. В самом начале их отношений Георгий уделял жене много внимания, предложил переехать в его квартиру на Чистых прудах. Любовь Сергеевна смогла легко найти общий язык с матерью Данелии, Мэри Анджапаридзе, известным режиссером и сценаристом. Чтобы понравиться свекрови, актриса сама вела домашнее хозяйство, занималась уборкой и готовкой. В 1959 году у пары родился сын Николай. По тем временам Соколову считали очень немолодой матерью — ведь родила она в 38 лет.

Но счастливая жизнь длилась недолго — Георгий постоянно увлекался другими женщинами, изменял Соколовой, много пил.

О его романе с писательницей Викторией Токаревой знала вся Москва, но Любовь Сергеевна все прощала мужу, продолжала заботиться о нем, выхаживала, когда он попал в больницу.

Однако не Токарева стала причиной их расставания. Спустя 26 лет совместной жизни Данелия решил жениться. Но не на женщине, с которой прожил четверть века, не на матери своего сына, а на молодой актрисе Галине Юрковой.

Соколова, ни слова не сказав, уехала жить к маме. Сын к тому времени уже вырос, официально отно-

шения оформлены не были, делить было нечего.

Но вскоре в ее жизни произошла трагедия, страшнее которой ничего в жизни женщины не может быть, — она потеряла сына.

Николай был человеком творческим, писал стихи, был режиссером. Он женился в 17, у него родилась дочка, а вскоре и вторая, но это не стало помехой для окончания института. Он снял несколько картин, которые получили высокую оценку критиков. Но в 80-х, когда в страну хлынули разнообразные религиозные течения, он вступил в секту, отказался от общения с родными. В 1985-м году его нашли мертвым в московской квартире. Ему было всего 26 лет.

Справиться с бедой и продолжать жить дальше Любви Сергеевне помогли невестка и внучки. Всегда выручала работа — ролей было много, пусть и небольших. Ее называли главной советской «киноматой», ее экранными детьми стали десятки самых известных советских актеров.

Вскоре Любовь Соколова потеряла близкую подругу и сама едва не погибла. Машина, которая везла ее и актрису Майю Булгакову на выступление, врезалась в столб. Любовь Сергеевна оказалась в реанимации, а Булгакова скончалась через несколько дней.

Тем не менее Любовь Сергеевна продолжала жить и сниматься. Не получая главных ролей, она была

всегда очень довольна своими эпизодами. Почти все режиссеры предлагали ей стать мамой главных персонажей в их картинах. Считалось, что Соколова приносит удачу — даже если у нее небольшая роль в картине, фильм будет успешным.

Актриса категорически отказывалась от отрицательных ролей. И лишь один раз в фильме «Единственная» режиссер Иосиф Хейфиц уговорил ее сыграть мать, которая пытается разлучить своего сына с женой. Он доказал Любове Сергеевне, что действия ее героини продиктованы слепой материнской любовью.

Она снималась до последнего — в ее фильмографии несколько фильмов 2001 года. Ее не стало 6 июня 2021 года, всего полтора месяца она

не дожила до своего 80-летия. Причиной смерти стал сердечный приступ. Похоронили актрису на Кунцевском кладбище, рядом с сыном.

В Доме кино готовился ее юбилейный вечер, но он так и не состоялся. Уже после ее ухода обнаружили дневники актрисы, и эти записи показывают нам удивительную силу духа актрисы. Она писала: «Обижаться никогда и ни на кого нельзя — ни на судьбу, ни на Всевышнего. Что Господь дает, тому и радоваться надо. А силы... Любить надо. Тогда и силы будут. Любить, несмотря ни на что, всех и все, что нас окружает. Я радуюсь каждому новому дню, солнцу, деревьям, цветам, добрым людям, которые, слава Богу, окружают меня». □

Александр Марков

ПИЦЦА БОГОВ

«Требуется сотрудники», прочитал Лешка на ярком листочке, который только что забрал у девушки, раздававшей рекламки возле рынка.

Девушке на вид было не больше пятнадцати. Она, смущаясь, предлагала свою милостыню прохожим, но те отворачивались от нее и проходили мимо, стараясь, отвести взгляд от ее глаз. Вот разве им трудно взять этот листочек? С них что убудет? Зарплата у нее зависит от количества розданных листочков. Она могла бы сразу переправить в урну всю пачку, но делала это честно — через прохожих.

Лешка и сам прошел через такое, участвуя в предвыборной агитации одного из кандидатов на местных думских выборах, и знал, что прохожие совсем не ценят такую работу, а он теперь ценил, поэтому брал листочки, независимо от того, что в них рекламировалось: салон красоты, продуктовый магазин или ресторан. Лишь бы помочь тем, кто их раздает, немного подзаработать. Обычно он бегло просматривал написанное в этих рекламках, запикивал в сумку или карман джинсов, чтобы не выбрасывать в ближайшую урну, а сделать это дома.

Но в урнах и вокруг них уже валялось множество листочков. Ветер потихоньку разносил их по окрестностям, как опавшие листья. И как еще местный дворник не прогнал девчужку прочь, ведь чем дольше она здесь стоит — тем больше у него будет работы.

— Спасибо, — сказал он, взяв у девушки листочек и подбадривающее ей улыбнулся.

«Суперпицца» — работа твоей мечты», «Ничего не умеешь — научим!» Рядом с этими слоганами была нарисована стройная девушка с длинными белыми волосами, струившимися из-под черного козырька с логотипом фирмы. Она с наслаждением запикивала в рот ненадкусанный громадный кусок пиццы, но судя по тому, что ее фигура еще не расплылась от этой калорийной пищи, девушка только начинала работать в пиццерии.

Новичкам обещали платить по 120 рублей за час, то есть за восьмичасовую смену получалось всего 960 рублей. Была еще ночная смена — 12-часовая. За нее можно было заработать 1440 рублей. Миллионером не станешь. На решение Лешки пойти в пиццерию повлияло то, что там каждому работнику

за восьмичасовую смену полагался бесплатный обед в виде пиццы диаметром в 25 сантиметров с любым наполнителем, а тем, кто выходил на ночную смену — бонус в виде горячего бутерброда. Лешка пиццу любил.

— Ладно, — махнул он, — денег не заработаю, так хоть пиццей на халяву объемяся.

Пиццерия располагалась в кирпичной пристройке к жилой многоэтажке. Лешка сперва вошел в зал со столиками, подошел к прилавку, спросил насчет работы, ему объяснили, где находится служебный вход.

Лешку принимал управляющий — белокурый худощавый парень лет под тридцать. Дальше прихожей с крашенными в серо-голубое стенами Лешку не пустили. В пищевой зоне надо было надевать сменную обувь или бахилы, как в больнице, специальную одежду и мыть руки. Пока это было рано. Звали управляющего Глеб. На экспресс-собеседовании Лешка честно признался, что ничего делать не умеет, ведь не скажи он этого, все вскроется, как только он приступит к раскатыванию пиццы.

— Да и ладно, — махнул рукой Глеб, — здесь почти все такие, как ты, кроме меня. Но я надеюсь, что мне не придется больше катать пиццу. Она у меня вот уже где, — он сделал характерный жест, проведя тыльной стороной ладони и пальцами возле своего горла.

Если он думал, что такое признание остановит Лешку, то ошибался. Из печи веяло вкусным запахом поджаривающихся пицц. Продержись здесь Лешка хотя бы смену, одна из них достанется ему. А если повезет и он угодит в ночную — еще и горячий бутерброд.

— У тебя медкнижка есть? — спросил управляющий.

— Неа, — сказал Лешка, на секунду задумавшись.

— Плохо, но ее достать не трудно. Запиши телефон и адрес. Есть где? — Лешка кивнул, достал из сумки клочок бумаги и ручку. — Придешь — сразу сделают, — продолжал Глеб, продиктовав адрес и номер телефона. — Стоит полторы тысячи. Сегодня сможешь?

— А без нее нельзя?

— Не, без нее нельзя. Не положено. Не имею права допускать тебя к продуктам без медкнижки. Если допущу и это вскроется, мне втык дадут.

— Ладно, попробую, — сказал Лешка.

— Отлично. А в ночь выйти сможешь?

— В эту?

— Да.

— Так медкнижки же нет.

— Я ж тебе говорю, что ее сделать минутное дело. Так сможешь?

— Да, — сказал Лешка. Из всего этого разговора следовал очевидный вывод — в пиццерии большая проблема с персоналом, и если Лешку практически сразу же бросают в бой, работать здесь просто некому. Неужели

она такая трудная, что больше одной-двух смен никто не выдерживает? Или пицца здесь настолько плохая, что после парочки смен все травятся?

— Вот и хорошо, — сказал Глеб. — Обычно все работают две смены черед две. Смена начинается в девять. Командует этой ночью Алена. Она почит тебя. Посмотришь, как другие работают, потом сам чего-нибудь сделаешь. Ну, тогда до встречи. Думаю, что я еще не уйду, когда ты придешь.

Судя по едва промелькнувшей на лице Глеба гримасе, по тому, как на мгновение изменился его голос, похоже эта работа была для него, как каторга. Почему он не уходил? Видимо, он подписал какое-то кабальное соглашение, обязавшись до своего смертного часа заниматься пиццами. Но Лешке то никто ничего подобного пока не подсовывал, возможно, такая опасность грозит ему под утро, под конец смены, когда мозги уже плохо соображают, потому что очень хочется спать. Именно в такой час, предварительно подпоив какого-нибудь бедолагу, вербовщики набирают рекрутов. Но Лешка уж как-нибудь совладеет с собой, не поддастся на посулы, что будет получать не пиццу с горячим бутербродом за смену, а две пиццы и два бутерброда или даже три и того, и другого. Он все равно не подпишет кабальное соглашение.

Получение медкнижки свелось к простой формальности. У Лешки вообще ничего не проверяли, не брали никаких анализов, лишь спросили имя, фамилию, год рождения, домашний адрес, сфотографировали и попросили подождать. Спустя двадцать минут он получил медицинскую книжку с кучей записей и печатей, свидетельствовавших, что он не является носителем инфекционных заболеваний, у него нет туберкулеза и прочее, прочее.

Лешка криво усмехнулся. Видать, здесь были такие опытные врачи, что могли проделать диагноз на глазок, вернее даже путем телепатического контакта, причем из дома. В офисе наверняка никого, кроме парня, сфотографировавшего Лешку и выдавшего ему готовую книжку, не было.

Пролистав документ, он заметил, что под записями разных врачей одна и та же подпись. Похоже, здесь работал врач общей практики, как Антон Павлович Чехов, который умел лечить любые хвори. И этим специалистом общей практики был не иначе как парень, с которым Лешка и контактировал. Он, видимо, мог сделать не только медицинскую книжку, а и еще какие-нибудь документы, вплоть до поддельного паспорта, но эта услуга явно стоила дороже, чем полторы тысячи рублей. Лешка хотел было спросить — прокатит ли такая книжка, но, в конце концов, его послал сюда Глеб, может он с этим парнем был в доле и забирал у него процент за каждого клиента. Этим могла объясняться и текучка с кадрами в пиццерии, ведь чем чаще там меняется персонал и приходят новички, которым нужна медицинская книжка, тем больше прибыль у их изготовителей.

— Не сомневайся. С такой книжкой куда угодно устроишься, — парень попробовал развеять Лешкины сомнения.

Лешка был зол из-за того, что эта книжка обошлась ему в зарплату за целую смену. Выходило, что первую ночь он потратит на компенсацию этих накладных расходов и получится, что он будет работать только за пиццу и бутерброд. Далее эта никому не нужная книжка стоила ему больше часа времени. На сон оставалось всего три. Он явно не выспится, как-нибудь продержится смену, но до конца лекций в институте его не хватит. И кто только выдумал, что все, кто работает с продуктами, должны иметь эти медицинские книжки? Наверняка — законодатели. Они выдумывают множество вроде бы правильных законов, которым никто, в том числе и они сами, не следует.

Специально для родителей Лешка повесил табличку на двери своей комнаты, что он дома, но лег спать, потому что нашел себе работу, на которую надо идти в ночь. Родители постараются ходить на цыпочках, разговаривать шепотом и не включать громко телевизор. Что это за работа — Лешка успел пояснить, когда проснувшись под вечер, наскоро умылся, почистил зубы, выпил две чашки кофе и побежал в пиццерию. Есть он не стал, ведь в пиццерии ему полагалось пропитание.

— А я думал, сторожем куда-нибудь, — сказал отец.

— Это сейчас называется ночной охранник, — поправил его Лешка, — но охранником я не хочу. Там же материальная ответственность.

Лешка едва не забыл взять с собой сменку, вспомнил о ней, когда уже спустился на лифте на первый этаж. Если бы он вспомнил о ней уже возле пиццерии, возвращаться бы не стал, не потому что это плохая примета, а потому что лень. Вместо сменки можно было надеть бахилы. В пиццерии был их запас.

В пиццерии вяло шла работа. Судя по комплекции сотрудников, за исключением одной низкорослой девушки, все они только начинали здесь свою трудовую карьеру. Ведь, если тебе будут скармливать по пицце и горячему бутерброду каждый день, вернее ночь, очень скоро жир начнет скапливаться на боках, а потом перекинется на живот и нависнет громадной каплей, которой сорваться вниз мешает лишь сила поверхностного натяжения.

— Меня Алена зовут, — сказала низкорослая полная девушка.

— Меня Леша.

— У тебя ведь опыта нет? Пиццмейкером ты не работал?

— Неа, — сказал Лешка. Слово для его будущего занятия выбрали мудреное. Пиццерийных дел мастер. Это ему напоминало про заплечных дел мастеров.

— Руки покажи, — сказала Алена, и когда Лешка вытянул их перед собой, внимательно осмотрела с обеих сторон. — Все в порядке. Переоденься и руки помой. Сам знаешь, что чистота — залог... ну и так далее. Я тебе сейчас чего-нибудь присмотрю из одежды.

Теперь она оценивающе окинула Лешкину фигуру, будто коня, которого ей предлагают купить. Он и сам знал, что телосложение у него на тройку.

Хвастаться перед девушками особо нечем. Лишнего жира почти нет, но зато нет и рельефных мышц. Он ждал, что Алена попросит еще продемонстрировать зубы, но обошлось.

Алена принесла Лешке майку с логотипом пиццерии. Скольких хозяев она сменила, Лешке не сказали. Учитывая текучку кадров, это даже не секунд хенд, а уже десятые руки, вернее не руки, а все остальное, что помещается в такую майку. Была она, мягко говоря, не первой свежести, но после последнего хозяина ее сплавляли в химчистку, поэтому запахов прежних владельцев в ней не ощущалось. Далее Алена выдала новому сотруднику косынку, иначе пришлось бы носить шапочку, какие носят в ванной, чтобы повсюду не сыпались волосы. Когда Лешка облачился в униформу, Алена вновь окинула его оценивающим взглядом, подняла большой палец, будто зритель на трибуне Колизея, призывающий оставить жизнь поверженному гладиатору, и сказала:

— Сойдет.

Глеб стоял за столом, оббитом жостью, и раскатывал кусок теста. Он очень опрометчиво предположил, что больше не прикоснется к пицце. Вот и накликал беду. С такими утверждениями надо быть поосторожнее. У него все получалось гораздо быстрее, чем у двоих его подчиненных.

— Заказ большой пришел, — пояснила Алена. — Давай я тебе расскажу, что тут к чему. Экскурсию так сказать проведу, а потом, когда будет поспокойнее, покажу, как раскатывать пиццу. Поучишься.

— Отлично, — сказал Лешка.

Они поглядывали на монитор, закрепленный на стене над краем стола. На него выводилась онлайн трансляция с камеры, подвешенной под потолком и направленной на стол. Клиент мог наблюдать в прямом эфире за тем, как готовится его заказ. Опытные мастера явно превратили бы свою работу в шоу, закрутили на руках круги теста, постепенно делая их больше и тоньше. Но такое под силу было только Глебу, а ему ведь приготовление пиццы уже давно осточертело, и он не хотел превращать процесс готовки в представление.

На экран то и дело попадал Лешка, сопровождаемый Аленой. Она показала ему холодильную комнату, где на стеллажах хранились пластиковые контейнеры с натертым сыром, нарезками, помидорами и прочими наполнителями. В поддонах, сложенных друг на дружке, лежали лепешки теста.

— Вот смотри, это для пиццы в двадцать пять сантиметров, — поясняла Алена, показывая на тесто, — а вот это для двадцати. Все уже приготовлено. Осталось только раскатать.

Потом они встали позади надрывающегося Глеба и двух его подчиненных, которые старались обогнать неумолимое время на мониторе. Оказалось, что на приготовление одной пиццы отводится восемь минут, включая время, необходимое для ее прожарки. И это независимо от размера пиццы.

На первых порах и с одной поправкой уложись в этот норматив, но часто случалось, что заказы поступали помасштабнее, и тогда нужно было успеть сделать за восемь минут не одну, а две пиццы, а то и три.

Перед столом висели плакаты с наглядной агитацией. На них подробно расписывалось, что, в какой последовательности и в каких количествах надо сваливать на раскатанное тесто, после того, как смажешь его томатной пастой. По составу они сильно отличались. В одни, помимо сыра, требовалось положить два-три наполнителя, в другие чуть ли не десяток. Несправедливо, что и во всех этих случаях действовал один и тот же норматив времени.

Глеб, как робот, раскатывал тесто, размазывал по нему половником томатную пасту, наполнял мерные стаканчики сыром, ветчиной и прочим, поочередно вываливал все это на тесто и выкладывал нарезанные помидоры. Изредка он поглядывал на секундомер, который уже перевалил отметку в восемь минут, и тогда на его лице мелькали какие-то гримасы, будто от приступов зубной боли. Он знал, что проиграл эту битву со временем, потому что в его команде сплошь были одни новобранцы. Надо же было так случиться, что прежде чем они смогли чему-то научиться, какая-то многочисленная компания, которая, видимо, смотрит сейчас по телевизору футбольный матч, решила, что без пиццы ей будет скучно.

Заказы все сыпались и сыпались. По транспортеру печи плыли раскатанные блины, напоминавшие острова. Похоже, весь стадион заказал себе по пицце. На мониторе время отчитывало уже несколько секундомеров. На каждом оно было разным, как во время соревнований, когда на мониторах показывают результаты всех спортсменов.

Видя все это, Алена отодвинула в сторону одного из подопечных Глеба и взялась помогать.

— Наш рейтинг будет ниже плинтуса, — сказал ей сквозь зубы Глеб.

Комфортно себя за столом чувствовали лишь два мастера. Для остальных не хватало места. Так что второго помощника, чтобы не мешался под рукой, отправили вылавливать прожаренные пиццы после печки и укладывать их в коробки. Коробку надо было сложить, положить внутрь пиццу и соусы, наклеить этикету и надписать о содержимом. Работа не очень высококвалифицированная, но она тоже требовала времени.

Лешка подумал, что у этой парочки дело спорилось бы лучше, играй в зале какая-нибудь ритмическая музыка, вроде композиции «Блю американ групп», в которой три парня, натянув на головы маски из синего латекса, колотят палочками по пластиковым трубам.

Движения Глеба и Алены порой получались синхронными и они вполне могли устраивать мастер-классы. Получалось бы красиво, в особенности, если Глеб все-таки разукрасил это шоу театральными номерами, вроде растягивания круга с тестом на весу. Лешка не сомневался, что Глеб так умеет.

Ему не оставалось ничего другого, как подносить снаряды, то есть тащить из холодильника куски теста. Так он сэкономил парочке на каждой пицце секунд двадцать. Больше он ни на что был не пригоден.

Постепенно поток заказов иссякал. Глеб уже мог перевести дух. Тот темп, с которым он работал, позволял легко уложиться в отведенные для приготовления одной пиццы время. Отправляя раскатанный круг теста с наполнителями в духовой шкаф, он уже с усмешкой поглядывал на секундомер. На выходе получалось, что с каждой пиццы он опережал норматив минуты на три.

— Нам еще повезло, что сегодня не пятница или суббота, — сказал Глеб. — Вот в эти дни вся эта фигня продолжается часов до трех ночи.

— А теперь давай займемся тобой, — сказала Алена, когда Глеб, сдав ей хозяйство, уехал домой. — Ты не бойся чего-нибудь испортить. У теста срок годности выходит. Завтра все равно придется его выбрасывать.

— Жалко, — сказал Лешка, осматривая кладовую с пластиковыми поддонами, в которых хранились несколько десятков, если не сотен, заготовок.

— А что поделаешь? — развела руками Алена. Она подошла к поддону, отодвинула с верхнего крышку, пластиковым скребком ловко соскребла заготовку и взвесила ее в руках. Потом шлепнула обратно. — Вот, в общем, так надо. Ну, ты видел, как мы работали? Теперь попробуй повтори.

Она отдала скребок Лешке.

Взяв поудобнее скребок, Лешка резким движением подсек заготовку, но с первого удара не смог ее отделить. Она поддалась только со второго и в результате немного деформировалась.

Лешка, чувствуя, как она растекается по ладони и все больше теряет форму, отворил дверь кладовки локтем и поволок заготовку к столу. Чтобы заготовка не прилипала к столу поверхность надо было посыпать мукой. Раздвигая пальцами тесто, он начал лепить круг, поворачивая заготовку по часовой стрелке. Края теста загибались и напоззали ему на пальцы. Он прикидывал на глаз — достиг ли круг нужного диаметра или его еще надо расплющить. На глаз он сравнивал свое тесто с сетчатым диском, на который пиццу надо положить, прежде чем отправлять ее в духовой шкаф.

С одной стороны, больше — не меньше, но с другой — круг мог получиться слишком тонким и если переусердствовать, не дай бог, его порвешь. Тогда дыру придется как-то вновь сращивать, но тесто, чуть припудренное мукой, уже не будет таким однородным и по инструкции после подобных порывов заготовку надо было отправлять прямым в мусорное ведро. С первой пиццей ничего не вышло. Лешка ее прорвал. Он попытался бы как-то залепить дырку, но под неусыпным присмотром Алены пришлось следовать инструкциям. Зато следующую заготовку он довел-таки до печи. Правда томатную пасту раскатал плохо и замазал краешек, что являлось нарушением технологии, однако Алена этот брак пропустила, попросив только стереть пасту тряпочкой.

Лешка еще не учел, что тесто сжимается, так что круг получился меньше диаметра сетки. Пришлось его натягивать по краям, будто это обувь, которая не налезает на ногу.

На выходе из печи, когда тесто подрумянилось, Алена подхватила сетку лопаткой, брякнула ее на стол, потом отделила круг от сетки, взяла в руки и начала придирчиво осматривать, вертя в руках, как вертит виниловый диск меломан, проверяя, нет ли на нем царапин.

— Вот смотри, — сказала Алена, показывая Лешке дело его рук, — края неровные, здесь слишком толстые вышли, тесто не пропеклось, а вот здесь, — она кивнула на тот участок, где Лешка старательно натягивал на сетку, — слишком тонко. Сухое здесь тесто. Но для первого раза сойдет.

После этого она бросила испеченную лепешку в мусорное ведро.

— Жалко, — сказал Лешка.

— Ну а что с ней делать?

— Я бы домой взял, — предложил он.

— Нам брак нельзя домой брать. Нам вообще ничего нельзя домой брать, а то все так брак и начнут делать. Бери следующую заготовку. Продолжим.

Вскоре в мусорном ведре лежало уже пять превосходно пахнущих прожаренных блина, и лишь после этого, вероятно, удовлетворившись тем, что Лешка начал более-менее правильно раскатывать тесто, и оно уже не было слишком неровным по краям, Алена позволила ему набросать на блин наполнитель.

— Я тебе говорила, что каждому положено по пицце. Вот теперь ты можешь сделать себе, какую захочешь, — сказала она. — Но делать ее надо по технологии. Это значит, что ты не можешь положить в нее все, что захочешь, а только то, что положено класть в данную пиццу. Понял?

— Ага, — кивнул Лешка.

Наверное, он согласился бы приходить сюда время от времени, исключительно за едой.

Лешка осмотрел наглядную агитацию и выбрал самую трудную пиццу, вернее ту, в которой было больше всего наполнителей. Не из жадности, а от того что она ему больше всего приглянулась. Он решил, что со временем, если задержится тут хотя бы на неделю, перепробует все остальные.

На всякий случай Алена включила секундомер, но Лешка справился бы с заданием лишь в том случае, если пицца состояла только из сыра. Раскатав блин, он отмерил мерным стаканчиком комки жирного сыра, разложил их, насколько получилось, равномерно, потом украсил все это кусками ветчины, халапеньо (он и не знал, что так назывался особый сорт перца), помидорами и, удовлетворенный своей мозаикой, отправил ее жариться в духовой шкаф.

— На коробке можно было бы сэкономить, — сказал он, когда Алена вновь напомнила ему о технологиях.

— Да вон смотри, сколько коробок, — Алена показала на ряды картонок, высившиеся на полках, установленных вдоль стен. — Кстати, потом попрактикуешься в их сборке. Это нетрудно.

— Ага, — сказал Лешка, подхватил пиццу лопаткой, надрезал ее круглым ножом с зазубренными краями, походившим на циркулярную пилу. Как правильно резать, тоже объясняла инструкция. Здесь вообще все делалось по инструкциям. Это Лешке не нравилось. Полагавшуюся ему пиццу надо было резать на шесть частей, а самую большую — на восемь. Узнав об этом, Лешка подумал, что разрезы на ней напоминают полосы британского флага.

«Мы нарежем вам пиццу на британский флаг», тут же пришло ему в голову, и он улыбнулся этому слогану.

Получись пицца кривобоклой, он все равно бы ее съел. Ему было мало дела до того, как она выглядит. Главное — какая она на вкус. Но пицца получилась и симпатичной, и вкусной, так что он съел ее с удовольствием.

Все оставшееся до конца ночной смены время он складывал картонные коробки, заставляя ими полки, идущие вдоль стен подсобки, и нарезал наполнители — для этого были специальные страшные на вид механические стальные аппараты, убирался, мыл пол и исправлял маркировку на боксах, где хранились полуфабрикаты. Срок их хранения прошел. Но он был вообще нереально маленьким: сутки или даже меньше. Абсолютно все полуфабрикаты выглядели гораздо лучше, чем многие овощи у него дома в холодильнике или даже в супермаркете, так что выбросить их рука не поворачивалась. Вот он и уговорил Алену продлить этим продуктам жизнь, думая при этом вовсе не о прибыли хозяина пиццерии, а о том, что выбрасывать их — непозволительное расточительство, как и выбрасывать те прожаренные основы для пиццы, на которых он учился раскатывать тесто.

«Надо с этим что-то придумать», решил Лешка.

Жаль, что к пицце не полагался никакой напиток. Если захочешь взять колу или еще что-то, то уже за свой счет, поэтому запивать пиццу пришлось дистиллированной водой из кулера.

Лешке так и не удалось ни на минутку прикорнуть, как он надеялся, но даже присесть, да и сидеть в пиццерии можно было только в зале, а на самой кухне не было ни одного стула, разве что опереться задом на край одного из столов.

Под конец смены Лешка сделал себе горячий бутерброд. Есть не хотелось, но пришлось давиться, запихивая его в рот, потому что инструкция запрещала что-либо забирать домой, даже полагающуюся кормежку.

Ноги у Лешки гудели, хотелось спать, а ведь еще надо идти на лекции. Прикинув, что не сумеет нормально поспать до ближайшей ночной смены, он заинтересовался у Алены — можно ли выбрать какой-нибудь другой график вместо два через два.

— Да хоть раз в неделю, — сказала Алена, — от количества смен зависит твоя зарплата. Меньше работаешь — меньше получаешь. И учиться тогда дольше, а если ты станешь пиццмейкером, у тебя и зарплата другой будет. Не сто двадцать рублей в час, а сто восемьдесят.

— Ну да, — кивнул Лешка, прикидывая, что мастера работают днем и вечером, а днем он точно не сможет, потому что ему надо учиться.

— Ты еще можешь смену разбить, не двенадцать часов работать, а меньше. Скажем, шесть, — разрешила его сомнения Алена, — но тогда тебе не будет полагаться бесплатная пицца.

— Без пиццы плохо, — сказал Лешка, — лучше я пока в ночи поработаю.

— Хорошо, я тебя запишу на ту смену, которую ты хочешь. Но учти, у нас сейчас набор ведь идет. Мы новичков обучаем, а как обучим и заполним штат, тогда мест не останется. Может, и ночью не останется.

— Посмотрим, — сказал Лешка.

— Меня в той смене не будет, — с какой-то печалью в голосе сказала Алена, — я две ночи через две работаю.

— Жаль, — кивнул Лешка, ничего больше он вымолвить не мог, потому что язык во рту ворочался еле-еле.

На лекциях, несмотря на то, что в институтском кафе Лешка выпил две чашки кофе, он все равно клевал носом и изредка проваливался в полузабытье. В своих снах он готовил пиццу, раскатывал тесто пальцами, смазывал пастой, насыпал сыр и раскладывал наполнители. Из-за того, что за ним постоянно наблюдало неусыпное око большого брата, как в книжке Оруэлла, ему казалось, что он оказался в прямом эфире на какой-то телепередаче. Ощущение, что на него смотрит громадное количество зрителей, не давало сосредоточиться. Он просыпался как от кошмара, вздрагивал, несколько секунд не понимал, где находится, и оглядывался по сторонам. Большинство из того, что говорили лекторы, ускользало от него, и он не успевал это записывать.

Вернувшись домой, он буквально без задних ног тут же завалился спать и не просыпался до следующего утра. Пиццы барражировали над ним, как летающие тарелки. Они были огромными, будто корабль «Энтерпрайз» из «Звездного пути». Лешка не сомневался, что пришельцы на их бортах хотят его похитить, а потом распотрошить и сделать из него наполнитель для тех пицц, которые покупают каннибалы.

«Как-то тяжело даются мне эти денежки, — подумал он, — но уж очень там пицца вкусенькая. Помучаюсь еще какое-то время. Я же еще не все из них попробовал, а когда попробую — там видно будет».

Он залез в Интернет на сайт пиццерии, подключился к камере, установленной над рабочим столом, и понаблюдал за тем, как трудится парочка неизвестных ему мастеров. Ему показалось, что он улавливает одурманивающий запах поджаривающейся пиццы, рот наполнился слюной. Похоже,

он начинал привыкать к такой еде, будто это какое-то зелье. Потом еще придется лечиться от этой зависимости, иначе скоро ни в одни штаны не влезешь, а все заработанные деньги придется тратить на новую одежду, потому что каждые два месяца надо будет ее покупать на размер больше.

Город окутали сумерки, было прохладно и слякотно, в такую погоду хотелось сидеть дома, а не идти куда-то работать. Перед пиццерией стояла белая праворульная японская машина с киргизским номером. Войдя со служебного входа, Лешка встретил какого-то спящего на стуле субъекта, который при его появлении даже не пошевелился. Здраваться с ним не имело смысла, как минимум по двум причинам: Лешка не знал — кто это, а еще он мог его разбудить. Пусть уж лучше спит. Лешка нажал звонок. Окошко, через которое обычно выдавались заказы курьерам, открылось, и на Лешку уставилась раскосая улыбчивая физиономия.

— Привет, — тихо сказал Лешка, опасаясь разбудить спящего. — Я стажер. На работу пришел.

— Привет, привет. А чего ты шепчешь?

— Вон его не хочу будить, — сказал Лешка, кивнув на спящего.

— И правильно, это наш курьер. Пусть спит. Для него пока работы нет.

Заскрежетал замок, дверца распахнулась.

— Меня Леша звать, — сказал он, протягивая руку обладателю раскосой физиономии. Он вспомнил, что в пиццерии соблюдалась строжайшая гигиена. Рукопожатие расценивалось, как ее злостное нарушение, после чего запрещалось прикасаться к продуктам, пока не смоешь все бактерии, которые вместе с этим рукопожатием тебе передались. Одергивать руку было уже как-то некрасиво, но он не обиделся бы, если обладатель раскосой физиономии проигнорировал бы его жест.

— Чингиз, — представился обладатель раскосой физиономии, пожимая Лешкину руку. — Переодевайся и заступай на смену, а я пока руки помою.

После того, как Лешка облачился в фирменную майку, повязал косынку и попробовал убить всех микробов, обитающих на его руках, Чингиз осмотрел их на предмет нарывов и ссадин. Было видно, что этой своей миссии он стесняется, так что осмотр был не таким строгим, как у Алены.

— Пока все тихо. Надеюсь, так и будет, — сказал Чингиз. — Но у меня ты сегодня один. Ты пиццу-то делать умеешь?

Лешка чуть не прыснул со смеху, потому что вопрос был схож с тем, который Остап Бендер задал Кисе Воробьянинову, устроившись на теплоход художником.

— Не совсем еще. Я второй раз только прихожу. В прошлый раз попробовал, но только в качестве обучения и еще для себя сделал.

— Понравилось?

— Ага, — сказал Лешка, — но если честно, мне любая пицца нравится, пусть она выйдет кривая и бракованная.

— Мне тоже, — кивнул Чингиз. — Я раньше курьером был, а потом решил готовку освоить.

Лешка догадался, что перед входом стоит машина Чингиза. Они разговорились, пока ждали первый заказ. Чингиз с гордостью выложил про писателя Айтматова, с которым у него были одинаковые имена. Лешка, к стыду своему, о нем даже не слыхивал, но вида не подавал, боясь обидеть начальника, а только кивками сопровождал его рассказ, будто знал, о ком идет речь. Тот неожиданно переметнул свой рассказ с известного соплеменника на то, что скоро будет Хэллоуин и будь его воля, он сделал бы к этому празднику специальную пиццу с паутиной из сахарной ваты. Пока Лешка слушал Чингиза, в голове у него сложился пазл, над которым он невольно бился на протяжении двух последних дней. Ему не нравилось название «Суперпицца», но придумать что-то стоящее ему на замену не получалось. И вдруг из памяти всплыло название романа Уэллса «Пицца богов», прочитанного в начальных классах школы, и тогда он сказал:

— Круто ты придумал. Еще бы наше заведение иначе называлось, тогда и клиентов было бы больше. Как тебе «Пицца богов»?

— Неплохо, — сказал Чингиз и внимательно посмотрел на Лешку. — Сам придумал?

— Ага, только что.

— Только наплыв клиентов нам во вред. Придется больше работать, а зарплату за это не прибавят. Сколько положено за час — столько и дадут, хоть ты бездельничай, хоть упыхивайся до смерти.

— Такое положение подрывает инициативу. Может, изложим наши предложения начальству?

— А что, можно попробовать, — сказал Чингиз. — Вдруг премию дадут. Надо управляющего утром дождаться и все ему рассказать.

Раздался звонок, возвещающий о том, что в пиццерию пришли клиенты, которым не терпится отведать местных угощений. По большому счету, им должны были обрадоваться и всячески угождать их прихотям, чтобы они и в следующий раз, проходя мимо, заглянули на огонек, но Чингиз с Лешкой им были совсем не рады, потому что их появление прервало их приятный разговор. Это была компания из трех подростков, заказавших на всех одну громадную пиццу, которая нарезалась на британский флаг. Лешка тут же сообщил новому приятелю о таком виде нарезки. Тот улыбнулся и показал большой палец в знак одобрения.

Так как клиенты были не бог весть что, Чингиз доверил готовить для них пиццу Лешке. Он даже секундомер включил минуты на полторы позже, когда Лешка уже сбегал в подсобку, отодрал от пластикового поддона кусок теста

и почти дошел до стола, тут он попадал в видимость камеры наблюдения и включать секундомер позже было бы преступной халатностью.

Пока Лешка раскатывал тесто, мазал его пастой, набрав ее в половник куда как больше, чем требовали инструкции, и рассыпал пригоршни сыра, Чингиз отобрал наполнители, и как только Лешка справился со своей частью работы, лихо разложил по пицце ветчину, колбасу, шампиньоны и помидоры.

— Вот всегда бы одна пицца была на двоих, а то частенько приходится две на одного, а то и три, — сказал Чингиз, пока пицца медленно дрейфовала внутри жарочного шкафа.

— Точно, — сказал Лешка. — В прошлую смену такое было.

Вдвоем они выполнили задачу с заметным опережением графика, сэкономив пару минут. По тому, насколько быстро выполняется заказ, начальство оценивало работу всей пиццерии.

До затишья пришлось выполнить еще три заказа, все из которых были единичными, так что Лешка и Чингиз могли позволить себе работать в четыре руки. Вот только курьеру приходилось мотаться по вызовам, как пуле, хорошо еще, что заказчики жили недалеко от пиццерии, и он успевал выполнить задание в те полчаса, которые на это отводились, включая приготовление.

— А что будет, если не успеет? — спросил Лешка после того, как они отправили курьера в очередную миссию.

— Все зависит от времени задержки. Если минут на тридцать, тогда положена бесплатная пицца, но про это на сайте написано в самом конце и мелкими буквами. Это никто не читает. Ну а мы про это не говорим, а то больно надо бесплатно пиццы раздавать. Вот ведь, если кто десять штук сразу закажет, мы их точно в срок сделать не успеем. Ты дальше-то обучаться будешь или лень?

— Лень, но буду, — сказал Лешка.

Работал он уже без того энтузиазма, который был у него в первую смену, а все из-за того, что знал — какой бы не вышла у него основа для пиццы, путь у нее один — свой конец она найдет в мусорном баке. Такое расточительство в то время, как некоторая часть населения планеты страдает от голода, его совершенно не устраивала. Положим, что там происходит в беднейших районах Африки, где люди живут на несколько центов в день, его не волновало, поскольку отправить приготовленные им коржи в качестве гуманитарной помощи в Африку никак не выйдет, но он вполне мог как-то помочь соотечественникам, которые живут тоже небогато. Своими мыслями Лешка поделился с Чингизом.

— И что ты предлагаешь? — спросил тот.

— Сложим их в пакет и отдадим кому-нибудь на улице, — сказал Лешка, кивая на уже поджарившиеся коржи. — Какой-нибудь бабушке.

— Вариант, — кивнул Чингиз. — Но здесь камеры везде понатыканы. Могут зафиксировать, что мы их не выбросили, а в пакет сложили.

— Прикрой меня, я сделаю вид, что их выбрасываю, а сам в пакет сложу и брошу его в мусорный бак. Со стороны будет казаться, что мы их выбросили, но когда будем выбрасывать весь бак, пакет можно достать. Основы не запачкаются даже.

— Правильно. Будем нести доброе и светлое в массы, то есть помогать им, по мере своих сил и возможностей, пусть это и нарушает инструкции. Ты есть уже хочешь?

— Не откажусь.

— Тогда давай сделаем по пицце, теперь уже каждый для себя.

— Отлично, — сказал Лешка и пошел к инструкциям, висящим на стене, чтобы выбрать пиццу, которую он еще не пробовал.

Дожевывая кусок «Маргариты», он вспомнил мультфильм про дядю Федора и компанию. Там мама говорила, что ей осталось выгулять на курорте еще три платья, а потом можно ехать в Простоквашино. Ему же оставалось попробовать еще пять пицц.

Наутро он вытащил черный пластиковый пакет, куда складировался весь мусор из пиццерии, извлек из него пакетик с поджаренными основами и оглядел взглядом окрестности, выискивая какую-нибудь милую бабушку, выбравшуюся по какой-то надобности на улицу в столь ранний час. Сам-то он, будь на то его воля, еще несколько часов лежал бы в кровати, но окажется он в ней только ближе к вечеру.

На этот раз смена прошла легче, чем в первый раз, то ли он уже привык к такому графику и заранее отоспался, то ли на это повлияло общение с Чингизом. Но тот пойдет сейчас домой или где там он живет и успеет к вечеру отдохнуть, а Лешке надо бежать на лекции. Вторую смену подряд ему опять никак не выдержать, если только Чингиз не закроет глаза на то, что ученик, как начнется затишье, вместо уборки пиццерии, завалится спать. Чингиз может так бы и сделал, но ведь повсюду были камеры, а они следили за всем происходящим неусыпными взорами.

Лешка вытащил на улицу мешок с отходами. Свежий ветер бодрил и хоть чуть-чуть прогонял сон.

— Бабушка, возьмите вот коржи, — сказал Лешка, заприметив достойную для его миссии кандидатуру. Мимо проходила женщина явно пенсионного возраста в старом пальто и вязаной шапке.

— А что с ними? — подозрительно оглядела Лешку женщина. — Испорченные?

— Нет. Отличные. Сам делал. У нас рекламная акция, — соврал Лешка. — Вот посмотрите.

Он приоткрыл пакет, показывая его содержимое.

— Ну, спасибо, если так, — сказала женщина, — а то пенсия-то у меня маленькая. Часто у вас такие акции случаются?

— Не, — сказал Лешка, прикинув, когда у него будет следующая смена. — Если придете через три дня в это же время, я вам еще таких коржей дам.

— Хорошо, приду, — сказала женщина и взяла у Лешки пакет.

Он немножко проводил ее взглядом. Женщина обернулась и помахала ему рукой. На душе у Лешки стало тепло из-за того, что он сделал доброе дело. Наверное, только из-за этой минуты стоило устроиться на работу в пиццерию, ведь все равно он не собирался здесь надолго оставаться.

Но жизнь внесла коррективы. В тот день, когда наступила его очередная смена, он чуть ли не вприпрыжку дошел до пиццерии, предвкушая, как будет пробовать очередную пиццу. Это была смена Алены. Но эта приветливая девушка встретила Лешку как-то холодно и подчеркнуто официально, будто он только пришел устраиваться на работу, ему еще предстояло собеседование, от результатов которого зависело: возьмут его или укажут на дверь. А он то уж возомнил, что его могут считать за своего и скоро присвоят гордое звание пиццерийных дел мастера.

— С тобой управляющий хочет потолковать, — сказала Алена, впусив Лешку, — ты пока не переодевайся.

Подобное обращение не предвещало ничего хорошего.

— Видишь ли, — сказал Глеб, усадив Лешку напротив себя за столом в зале. Он почти пустовал, лишь в одном углу сидела парочка, поедавшая из коробки большую пиццу, нарезанную на британский флаг, — у нас уже набралось достаточно работников, которыми мы можем закрыть все вакансии.

— Получается, что в моих услугах вы больше не нуждаетесь? — спросил Лешка.

— В точку, — сказал Глеб.

Лешка испытал сильнейшее разочарование, что он оказался здесь не ко двору, а это намекало на его никчемность, но больше всего из-за того, что он так и не перепробует все местные пиццы. Самостоятельно, пусть у него и будут лишние деньги, он сюда не придет и не станет покупать то, что можно было получить бесплатно.

— Мы тебе должны за две смены, — продолжал Глеб, достал кошелек и начал отсчитывать полагавшиеся Лешке деньги. Точной суммы у него не нашлось, а у Лешки не нашлось сдачи, поэтому Глеб пошел к кассе за мелочью.

Лешка оставался за столом. Он чувствовал себя здесь чужим и ему, наверное, уже не разрешалось заходить в зал, где готовилась пицца. Происходящее там показывал монитор, висящий над раздаточной. Лешка посмотрел на него и начал себя убеждать, что ему еще повезло, потому что работа здесь оплачивалась плохо, а он так удачно соскочил с этих галер. Не то, что Глеб. Но все равно на душе оставался осадок. Вот лучше бы его уволили за какой-нибудь проступок, как случилось уже не раз. Так было привычнее и совершенно не обидно. Его могли бы предупредить, что ему не надо сегодня

приходить, хотя приходиться-то ему все равно было нужно за расчетом. Забрав у Глеба деньги, Лешка его поблагодарил и спросил — можно ли ему просто так посидеть в зале. Управляющий разрешил, все равно ведь зал был теперь совсем пустой. Парочка расправилась со своей пиццей и ушла, оставив на столе пустую коробку. Забрать ее вышла Алена, но она использовала этот повод, чтобы подсесть к Лешке и немного с ним поболтать.

— Расстроен? — спросила она.

— Есть немного, — сказал Лешка, — а тебя не накажут за то, что ты здесь со мной разговариваешь? Это же не по инструкции.

— Не, — отмахнулась Алена, — вот как раз по инструкции — тебя и уволили. Вернее за то, что ты ее не соблюдаешь.

— Глеб сказал, что вы уже набрали достаточное количество народа, и для меня места нет.

— Верь ему больше. Это, так сказать, официальная версия. Но на самом деле тебя уволили из-за того, что ты не выбросил основу для пиццы.

— Хм, я ее выбросил, — сказал Лешка.

— Вот только мне об этом не говори. У нас ведь с этим строго, я тебе говорила. Все фиксируется.

— Ммм, но это другое дело, — сказал Лешка, у которого заметно поднялось настроение после того, как он узнал, что уволили его не за профнепригодность, а из-за традиционной причины.

— Чингиз тоже под раздачу попал, — продолжала Алена.

— И куда он теперь? Домой?

— Не, не думаю. Мне кажется, он свое дело открыть захочет, уж больно он въедливо все технологии изучал и все спрашивал: откуда что берется.

— Будет вам конкурентом.

— Мы лучшие, — грустно сказала Алена, но, похоже, она сама в это не верила.

— Да, конечно, суперпицца, — сказал Лешка и ехидно добавил, — невозможно отравиться.

Интересно, успел Чингиз изложить управляющему идею насчет паутины из сладкой ваты и нового названия? Спрашивать об этом Глеба Лешка не хотел. Он вообще очень скептически относился к тому, что их идея будет поддержана руководством. Переименование предприятия сопряжено с множеством формальностей. Надо переделывать уставные бумаги, исправлять сайт. Одни расходы, и непонятно, компенсируют ли эти затраты нововведения.

Лешка вдруг вспомнил про бабушку, которой обещал будущим утром очередную партию лепешек, но теперь получалось, что он ее обманул. Придет она утром к пиццерии, а ей ничего не дадут. Возможно, она сунется внутрь выяснять, в чем дело, но там, конечно, никто о рекламной акции, выдуманной Лешкой, ничего не слышал.

— А ты сегодня будешь новичков обучать? — спросил он.

— Не, все уже научились.

— Ясно, — сказал Лешка. Идея раздобыть коржи, которые сделают другие ученики, отпадала сама собой. Но кем-кем, а вот обманщиком Лешка быть не хотел. Если уж обещал, надо обещание выполнять, пусть и в ущерб собственному карману. — Тогда закажу я, пожалуй, пиццу.

— Какую тебе? — спросила Алена.

— Давай четыре сыра, маленькую, — Лешка помнил, что она была самой дешевой.

— Здесь будешь есть?

— С собой заберу, — улыбнулся Лешка.

— Тогда я тебе сама ее сделаю, — улыбнулась Алена, — скоро принесу.

— Спасибо, — кивнул Лешка.

Вообще-то он должен был предложить Алене съесть эту пиццу тут же на двоих за столиком в знак дружбы. Но ей и к полагалась одна за смену. Да и не себе ее брал Лешка, а той бабушке, которая придет утром за коржами. Придется утром, перед институтом, заехать сюда. Вот же неожиданностью будет для бабушки, когда вместо коржей Лешка вручит ей коробку с пиццей. Придется ей сказать, что на этом рекламная акция заканчивается, но она явно закончится на хорошей волне, а из денег, полученных за две отработанных смены, за вычетом стоимости пиццы, у Лешки все равно останется целая куча — две с половиной тысячи рублей. Это с лихвой компенсировало затраты на теперь уже ненужную медицинскую книжку.

Он сидел за столом, ожидая заказ, и улыбался.

Чингиза он так и не встретил. Тот позвонил спустя пару месяцев, очевидно, узнав Лешкин номер на сайте пиццерии, когда Лешка еще значился среди ее сотрудников. Чингиз сказал, что хочет открыть собственную пиццерию и звонит, чтобы выяснить, может ли он для названия своего заведения использовать Лешкину идею.

— Ты хочешь назвать его «Пицца богов»? Да бога ради, — сказал Лешка.

— А что я за это тебе буду должен? — спросил Чингиз. Название было не запатентовано и, выдай Чингиз эту идею за свою, Лешка не смог бы доказать, что она принадлежит ему.

— Ничего ты мне не должен, — сказал Лешка.

— Спасибо. Ты приходи на открытие. Угощу.

— Пиццей с паутиной из сахарной ваты?

— Подумаю, стоит ли эту пиццу включить в основной ассортимент или готовить ее только на Хэллоуин. Но для тебя сделаю эксклюзивную, когда захочешь.

— Хорошо, — сказал Лешка, — приду посмотреть на твое хозяйство. Позвони тогда, как будешь открываться. □

451 градус нежности

В пустой московской квартире вдруг раздался сначала шорох, потом запахнулись створки картонной коробки и испуганный женский голос спросил:

— А у нас точно получится?

— Точно-приточно! — долетел откуда-то из глубины веселый детский смех. — К тому же у меня много лепестков на случай промаха.

Через секунду в воздух поднялся небольшой тонкий листочек фиолетового цвета и, кружась, вылетел в открытую форточку...

* * *

Вот и он, невысокий дом на улице Королева, рядом сквер с детскими площадками, где я обычно после уроков бегала с подружками. Напротив — магазин с виниловыми пластинками, где я оставляла мелочь, выданную на школьные завтраки, на Наутилусов, Битлов, Дорз. В конце сквера под аркой почти на квартал растянулась Детская библиотека, где можно было часами сидеть вместе с «Робинзоном Крузо» и «Детьми капитана Гранта». Милые сердцу уголки и переулки — повороты памяти. Это дороже всего на свете. Было тогда. И осталось сейчас.

Воспоминания о местах детства до самой старости остаются самыми сильными привязанностями в жизни. Они напоминают нам о беззаботных днях, когда каждая мелочь казалась важной. Даже вот в этом киоске, где сейчас продают газеты и детские игрушки. В моем детстве здесь можно было пополнить свою коллекцию марок и календарей, а потом обмениваться ими с друзьями. Память создает уникальную атмосферу, пронизанную теплом и ностальгией. Календарики, марки — эти сокровища всегда будут с нами, даже если время уходит, а места меняются. Они напоминают о том, что счастье зачастую состоит из простых вещей — дружбы, музыки и особенных мест, которые мы запоминаем на всю жизнь и в которые можно вернуться, чтобы погрузиться снова в мир детства...

Так, за раздумьями, я дошла до своего дома, где все квартиры располагались в коридорах открытого типа, по типу офицерских казарм — а, возможно, так раньше и было. В советские годы эти жилищные помещения раздавались в крупных госучреждениях за особые заслуги. Мои родные, как и семьи других деятелей науки, получили здесь жилье на втором этаже. А рядом по соседству обосновалась семья ученых: она — физик, он — химик, всю жизнь посвятившие себя науке. Разве может быть что-то веселее, чем ощущать свою важность, когда от тебя зависит судьба всего человечества?.. Детьми, мы, конечно, об этом не задумывались, когда играли под окнами, и не осознавали глубину научных обсуждений, проходивших в этих стенах. Наш детский мир, полный обычных радостей и забот, всегда противостоял взрослому миру, с его взрослыми заботами и высокими идеалами. Однако, каждый раз попадая в квартиру соседей, я ощущала запах старых книг, видела вырезки из научных журналов и разглядывала тогда еще непонятные мне заметки.

Я поднялась на второй этаж по лестнице, хотя в доме уже давно был лифт. Все было такое мне знакомое и неизвестное одновременно. Ощущение детства отпечаталось на стенах с граффити и въелось старой облезлой краской в деревянные перила. Вот и дверь, все такая же, с огромным мозаичным стеклом и «глазком» прямо посередине. Я остановилась на площадке и вдохнула запах старого дерева и немного застоявшегося воздуха. Всплывающие образы наполнили мое сердце теплом: залиvistый смех, игры в коридоре, шепот друзей за закрытыми дверями. Лифт хоть и вписывался сюда, но все равно казался чуждым в этом родном пространстве. Я провела рукой по перилам, вспомнила, как маленькой мечтала о том, чтобы взлететь по ним, как будто на крыльях к звездам, и, дотронувшись до шатких перил, снова ощутила себя той девчонкой. Каждый изгиб этой лестницы знал меня, как добрый старый друг, вновь встретившийся после долгой разлуки. Я снова почувствовала себя «почемучкой», которая с интересом изучает каждый уголок, каждый звук, каждый шорох. Словно за много лет ничего не изменилось, и дом снова обнял меня своим теплом и уютом. Вспомнила, как часто вместо того чтобы постучать, я звонила в дверной звонок: так бабушка-соседка точно услышит и подойдет...

Дверь распахнулась. В лицо ударил яркий свет, идущий от окна, заставив меня зажмуриться на мгновение. Когда я снова открыла глаза, передо мной появилась знакомая фигура бабушки-соседки в ее любимом цветастом халате.

— Здравствуй, дорогая! — радостно воскликнула она, потянувшись ко мне с распростертыми объятиями.

— Здравствуйте, Алевтина Петровна, — ответила я, чувствуя, как нежность проникает в мое сердце. — Я зашла на минутку. Как ваши дела?

— Тяжко, — вздохнула бабушка и тут же добавила: — Но я не сдаюсь. Ты пришла посмотреть коллекцию ЖЗЛ? Заходи, попьешь со мною чайку.

— Да, я как раз за ней. — Отозвалась я и не успела еще разуться, как Алевтина Петровна уже спешила из кухни с подносом в руках.

Вскоре на столе в комнате расположились две пухленькие фарфоровые чашки с голубыми цветочками и такой же маленький заварочный чайник. Две креманки — в одной крыжовниковое варенье, а в другой «Золотой ключик».

— Ты ведь их любишь, я знаю, — улыбнулась старая женщина, пододвигая ко мне ириски, и я снова зажмурилась, вдыхая сладкие воспоминания...

* * *

Сейчас я снова стояла перед этим домом моего детства на улице Королева. Поднялась на второй этаж, нажала на звонок, и на пороге неожиданно появился молодой мужчина. Наверное, родственник, подумала я, или новые жильцы.

— Здравствуйте, — поздоровалась я и тут же пояснила: — Несколько лет назад я была соседкой Алевтины Петровны. Приехала вот в Москву на пару дней и решила проведать ее.

Молодой человек с любопытством осмотрел меня, и его лицо озарилось легкой улыбкой.

— Здравствуйте. А вы, наверное, давно с ней не виделись? — спросил он немного удивленно.

— Да, мы общались раньше по телефону, а потом я уехала, и связь прервалась. У нее все в порядке? — ответила я, чувствуя, как сердце тревожно забилось. — Как она поживает? Алевтина Петровна была такой замечательной женщиной...

Молодой человек кивнул:

— Да вы проходите, что ж на пороге будем говорить. Она сейчас живет в другом месте, недалеко от Москвы.

Его слова заставили меня немного напрячься. Я замерла, пытаюсь понять, почему моя бывшая соседка уехала, и что вообще происходит.

— Я не знала, что Алевтина Петровна переехала. Мы виделись с ней часто, но она никогда не говорила про жилье в Подмосковье...

— Она рассказывала о девочке, которая помогала ей пристроить книги. Видимо, это вы и есть, — он снова неловко улыбнулся. — А я вот разбираю весь этот хлам.

— Да, я часто заходила к ней, — проговорила я, пропуская его слова о хламе. Я помнила, как помогала организовывать раздачу старых книг по

друзьям и знакомым. Они с супругом были очень увлечены литературой, одних томов «всемирки» в квартире было размещено на восьми полках. Я уже не говорю про все собрания сочинений классиков и научную фантастику, детективы и несколько шкафов, заставленных снизу доверху справочниками и словарями. — А как вы с ней познакомились? — Я точно помнила, что у нее не было детей, а, значит, и внуков. Может быть, какой-то дальний родственник?

Парень не успел ответить, потому что я вдруг чуть было не запнулась о горы книжек, сваленных прямо на полу, некоторые были даже с оторванными листами.

Я подняла одну из них. На обложке была изображена старая карта, а название гласило: «Забытые места нашего прошлого». Это вызвало у меня любопытство, и я открыла книгу. На страницах были заметки и записи, сделанные, возможно, рукой самой хозяйки. Время от времени среди строк попадались пожелтевшие фотографии, запечатлевшие моменты из жизни, о которых я и не знала.

— Я откликнулся на объявление, — ответил молодой человек, внимательно наблюдающий, как я листаю старую книгу. — Алевтина Петровна разместила в газете просьбу о помощи. Нужно было раздать оставшиеся книги. Не хотела она, чтобы их вывезли на мусор. Ну, что смог, я и раздал. А эти вот — никому не нужные...

Я отвлеклась от старых записей старушки и снова посмотрела себе под ноги. На одном из корешков увидела название: «Сказка о рыбаке и рыбке. А.С. Пушкин» и возмущенно воскликнула:

— Как же ненужные?! Это же классика! Вот «Щелкунчик и Мышиный король», — я наклонилась и вытащила из стопки толстую книжку. Смахнула с нее пыль и чихнула. — Неужели даже букинисты не берут такое? Тут же целая книжная кладовая!

— Может быть, и берут, — ответил он спокойно и без интереса, — только мне некогда этим заниматься. Я уже нашел покупателей на квартиру, и мне нужно вывезти отсюда все это макулатурное барахло.

Сердце мое сжалось. Я помнила, как Алевтина Петровна бережно перебирала со мной каждую книгу.

— А у кого она там живет? У нее что, в Помосковье родственники?

— Нет у нее никого. Я взялся ее опекать. Мы подписали договор, по которому она завещала мне квартиру, а я — оплату в хосписе в Раменском. Там она и живет. Правда, в последнее время совсем плоха стала. Да вы не переживайте, за ней там особый уход, я об этом позаботился.

Я уже слушала его в пол-уха, потому что погружалась в свои мысли.

— Вы не возражаете, если я заберу пару книжек?

— Да пожалуйста, хоть все! Вы только облегчите мне задачу. Но постарайтесь уложиться за два дня. К выходным мне нужно провести тут клининг и отдать ключи новым жильцам.

— Постараюсь. Только можно, я останусь на эти пару дней здесь. Могу прибратся в квартире, если хотите.

— Да, хорошо! Договорились.

Когда дверь за парнем закрылась, я вернулась в комнату и, оглядев полки, произнесла вслух: «Ну, здравствуйте!..»

На полках стояли книги, покрытые легким слоем пыли, но каждая из них хранила свою историю, свои тайны. Я медленно подходила к ним, чувствуя, как воспоминания об Алевтине Петровне наполняют комнату. Она всегда с упоением рассказывала, как к ней попала та или иная книга, некоторые из которых хранили на форзацах дарственные надписи: «Любимой Алечке от мамы и папы», а некоторые были разрисованы детской рукой. Они не были подобраны и выставлены по каким-то параметрам или согласно какой-то систематизации, а размещались на полках в хаотичном порядке. Было забавно, как среди Вселенной Стивена Хокинга и Фейнмановских лекций по физике вдруг оказывался «Гадкий утенок» и «Слово о полку Игореве».

Я подтянула к себе за корешок привлекательную малахитовую книгу и начала листать, останавливаясь и прочитывая некоторые абзацы вслух: «Как худых думок в голове держать не станешь, так и все у тебя ладно пойдет, гладко покатится. И белый день взвеселит, и темна ноченька приголубит, и красное солнышко обрадует. Ну а худые думки заведешь, тут хоть в пень головой — все немило станет».

На окно уже упали первые сумерки, и в комнате стало тихо, лишь иногда слышался треск старых досок под моими шагами. Я знала, что мне предстоит сделать много работы за завтрашний день, но сейчас было важно не торопиться, дать себе время на воспоминания.

Я ходила по квартире, стаскивая книги в одну комнату. Провозившись до вечера, и изрядно утомившись, я прилегла на диван, укрылась мягким покрывалом и провалилась в сон...

— Уснула и без моего бычка...

— Тише ты, не хватало тут еще твоей ревушки-коровушки и зайки под дождем. Пусть выспится. У меня скоро пирожки в печи зарумянятся, как раз проснется.

— Зайка ему мешает. — разнесся бас по комнате. — Можно подумать, твой старик с неводом и его сварливая старуха чем-то помогут нашей хозяйке. Про рыбку я даже говорить не хочу!

— А твой Немо вообще давно потонул...

— Ну, начали! Вот оставь только вас, мальчишек, сразу устройте спор. — Белая обложка с качающимися парусником и развевающимися алыми парусами зашелестела страницами: — «Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе». Вот что нужно нашей девочке.

— Ох... опять ты со своими воздушностями. Нам нужно не успокаивать девчонку и не ублажать как маленькую, а помочь справиться. Как вот мои друзья Питер, Саймон и Пенелопа. Помните, как дедушка Даррелл отправил их в опасное путешествие, как они встретились с заколдованными единорогами и познакомились с волшебными фениксами? Но самое-самое важное, как все это было проверкой на дружбу, и именно смелость их и смекалка помогли спасти волшебную страну.

— Ну, твой говорящий сверток сейчас не поможет, и даже золотой ключик Буратино не откроет никакой двери. Да и вообще никакой тайны у нас нет, а есть просто девочка, похожая на мою Машу, которая попала в дом, где все такое знакомое и такое чужое...

— Значит, все таки мои пирожки с пылу с жару? — снова попыталась вмешаться раздумывавшаяся Печка.

— Нет. Значит, мы снова должны просто загадать желание. Объединить книги и любовь. Запустить лепесток и пусть он долетит...

* * *

Мне снился сон, но словно это был вовсе и не вымысел, а все происходило на самом деле. Я стою на детской площадке, которая утопает в зелени кленов, ольхи и кустарников смородины. Димка с Владиком ошипывают ягоды и запихивают их в рот. Теплый августовский воздух разгоняет облака на небе. Я поднимаю голову вверх и вижу, как, кружась, спускается лепесток. Приглядевшись, даже вижу, что он странного фиолетового цвета. «Какая-то волшебная ромашка... Цветик-семицветик» — проговорила я, и до меня донеслось: «Лети, лети, лепесток, через запад на восток, через север, через юг, возвращайся, сделав круг, лишь коснешься ты земли, быть по-моему вели. Вели, чтобы все эти книги обрели дом».

Волнения, которые приходят во сне, всегда бывают самыми серьезными. С ними справиться сложнее всего. Может быть, от того, что мозг все еще в состоянии покоя и не находит быстрого решения. А может быть, идея уже давно найдена, просто нужно за нее ухватиться как за перо Жарптицы. Я ведь и правда волновалась за книги так, будто они были моими друзьями. И там, во сне, я стояла с лепестком фиолетового цвета в руках, зажмурившись и не отпуская его...

Замечали, что любая мечта, какой бы несбыточной она не была, быстрее всего исполняется именно во сне? Влюбленные встречаются, заболевшие исцеляются, брошенные находят. Будто бы сон — это некое «Бюро находок», где каждой мечте находится свое пристанище.

Моей мечтой были книги, которые без владелицы оказались такими же брошенными, как оставленные в парках и скверах котята и щенята.

Я понимала, как тяжело было Алевтине Петровне оставлять свои книги.

Открыв глаза, я начала укладывать стопки в коробки, но, вместо того чтобы спешить, постоянно останавливалась, перечитывая каждую заметку, написанную от руки, каждую страничку, помеченную кем-то. Эти книги по-прежнему были полны жизни, даже потрепанные, как вот эта — я улыбнулась, читая название: «Старик и яблони». Очень любила этот рассказ Льва Николаевича про старика, который сажал яблони. Ему сказали: «Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих яблонь плода, и ты не съешь с них яблочка». Старик отвечал: «Я не съем, другие съедят, мне спасибо скажут». Не знаю, у кого как, но я с детства знала, что именно книга дает основу твоего внутреннего мира, именно книги помогают справиться с хандрой и улучшить настроение, и именно книги разжигают сердца...

Время пролетело незаметно. Наконец все собрано. Я еще раз посмотрела вокруг: на опустевшие полки, на полные надежды коробки, и, уже перед самым выходом, обернулась и прошептала: «Спасибо, Алевтина Петровна».

* * *

Снаружи вечерний воздух нес легкое дыхание перемен и трепетных начинаний. Я написала сверху на приклеенном листике: «В библиотеку», и снесла по одной коробке вниз. Уложила их в багажник вызванного каршеринга и назвала адрес: «Хоспис. Раменский».

Я отдавала их туда, где они точно будут нужны. А вместе с ними и частичку ее души, чтобы не только сохранить наследие, но и продолжить книжное дело ее жизни.... □

Юрий Осипов

Паоло Соррентино

Плененный красотой

Для меня первая встреча с этим прямым наследником Феллини стала откровением. На фоне всевозможных формальных изысков и изобразительных кунштюков в фильмах ведущих мастеров современного кинематографа, включая наших отечественных, изысканный зрительный ряд, выразительные детали, переливы света и тени экранной «картинки», виртуозное движение камеры — все это завораживало и завораживает.

Тем первым откровением для меня лично стала «Великая красота», далеко не первая работа Соррентино, уже увенчанного лаврами престижных международных смотров, но еще не знаменитого на весь мир визуалиста от искусства кино. Там очаровывало все, даже искрящаяся голубизна воды в средневековом мраморном бассейне под причудливым фонтаном. Впечатление культурного шока не уменьшал и прямой оммаж к «Сладкой жизни» Феллини.

Затем пришло потрясение от следующей картины Соррентино — «Молодость» — о борьбе с временем, о преодолении творческими усилиями старческого угасания. И, наконец, недавно мы познакомились с культовым сериалом «Молодой Папа», вместе с его продолжением «Новый Папа»...

Над феноменом Соррентино не устают размышлять видные киновееды и критики, пытаюсь постичь загадку его формального великолепия и неожиданных образных решений. Занятие неблагоприятное, ибо ответ только один — магия! Как у того же Феллини, Моцарта, Пушкина... А магия, как известно, непостижима.

В меньшей степени ею обладают, скажем так, промежуточные фильмы этого одаренного и самобытного итальянского режиссера новой поколенческой формации: «Изумительный» (эскизный портрет последних лет жизни бывшего премьер-министра Италии Дж. Андреотти), «Лоро» (фрагмент истории одиозного итальянского политика и медиамагната С. Берлускони), «Рука Бога» (чувственная, печальная и возвышенная мемория неаполитанской юности режиссера в духе все того же Феллини) и «Патернопа» (опять-таки воскрешение памяти неаполитанской юности с чарующе-пленительной девушкой, предмете всеобщего мужского вождения).

Родился Паоло в мае 1970 года, но не в провинциальном приморском городке Римини, подобно Феллини, а в шумном и прекрасном Неаполе, «городе миллионеров», как с грустной иронией определил его в названии знаменитой пьесы Э. де Филиппо. Однако, вслед за Феллини, честолюбивого юношу покорила Рим. Там, на легендарной киностудии Чинечитта, освященной именами Росселини, Феллини, Антониони, Висконти, Бертолуччи, Коппола, Скорсезе, начинал Паоло Соррентино свой творческий путь. Начинать как сценарист, удостоившись за первый же сценарий престижной национальной премии.

Он жил с семьей в зажиточном, живописном районе Вомеро, откуда открывается прекрасный вид на Неаполитанский залив и видна вилла, которую годами арендовал Максим Горький.

В 17 лет Паоло пережил большую трагедию — его родители погибли в автокатастрофе. Горечь утраты не помешала ему стать студентом экономического факультета неаполитанского университета. Он планировал связать судьбу с надежной профессией. Однако в начале 90-х неожиданно увлекся кинематографом, ушел в помрежи и начал писать сценарии. Их успех не удовлетворил амбиции молодого человека и, приобретая известный опыт на съемочной площадке, он рискнул попробовать себя в режиссуре. Талант, как и многим корифеям кино, заменил ему специальное образование.

В 2001 году состоялась премьера драмы «Лишний человек». Фильм вошел в программу 58-го Каннского фестиваля и собрал положительные отклики экспертов. Действие картины разворачивается в Неаполе 80-х и представляет зрителю прихотливую жизнь двух тезок, переживающих пик карьеры и популярности. Здесь уже наметился творческий почерк Соррентино, его удивительный визуальный стиль.

С этой ленты началось плодотворное творческое сотрудничество и близкая дружба режиссера с самобытным итальянским актером Тони Сервилло, который блестяще воплотил на экране важную для Соррентино тему изнанки этических и моральных постулатов, а также — сложный процесс пробуждения личности в обезличенном, лишенном моральных ориентиров мире.

Мафиозный триллер. Так охарактеризовали критики следующую картину режиссера — «Последствия любви», вышедшую на экраны в 2004 году. Это уже был мировой, пусть пока еще ограниченный, прокат. Реальное приближение к славе: пять почетных наград «итальянского «Оскара», то бишь, премии «Давид ди Донателло», в том числе, за лучший фильм, лучшую режиссуру и лучшую мужскую роль.

Что поражает в фильме? Лощеный, выгоревший изнутри бывший финансовый консультант мафии (Т. Сорвилло), отторгнутый ею за былую неудачную сделку от семьи,

друзей и прикованный к четырем стенам и бару уютного швейцарского отеля, где он каждый месяц получает чемодан с несколькими миллионами криминальных долларов, которые должен отвозить в «блатной» банк на «отмывку». Его уже ничего не трогает, не волнует, он равнодушен ко всему. И вдруг — жертвует украденными у мафии очередными миллионами и собственной жизнью ради любви. Любви платонической, безответной, но превращающей его в нового человека, невозмутимо принимающего жуткую смерть в жидком цементе от рук гангстеров...

Напряжение в фильме нарастает практически безо всякого сюжетного действия и гипнотически воздействует на зрителя. Этот почти бессловесный процесс томительного возрождения «мертвой» души запе-

чатлен в мельчайших подробностях виртуозной камерой Лукки Бигацци, который выступит оператором почти всех последующих картин Соррентино.

Суперавторские, они, как и упомянутые выше фильмы, рассчитаны, в принципе, на массовую аудиторию, открывая при этом истинным ценителям киноискусства свои глубинные смыслы и утонченную эстетику кадра.

Таков очень «феллиневский» «Друг семьи» (2006). Сюжет здесь развивается вокруг алчного ростовщика, который под видом убогого калеки с целлофановым пакетом, прикрученным к перебинтованной руке, ловко манипулирует людьми с помощью денег в гротесковых и вполне реалистичных сценах, на фоне выразительных интерьеров и красочных пей-

Слева:

«Великая
красота»

«Молодость»

зажей. Этот стареющий портной умело притворяется среди своих знакомых «другом семьи», выставляя себя в смешном свете, когда, к примеру, давний приятель обращается к нему с просьбой одолжить деньги на свадьбу дочери...

Два года спустя на экраны вышел фильм Соррентино «Изумительный» с Т. Сорвилло в роли загадочного бывшего председателя Совета министров Италии Джулио Андреотти. С этой картиной к режиссеру пришло настоящее признание и всемирная известность.

Острый сатирический байопик, намекающий на коррупцию и мафиозные преступления в высшем эшелоне власти страны, удостоился Приза жюри Каннского фестиваля под председательством голливудской звезды Шона Пенна, изъявив-

шего желание сыграть в следующем фильме Соррентино.

Им стала снятая в Америке первая у режиссера англоязычная драма об инфантильном рок-музыканте (Ш. Пенн), ушедшим на покой, зарабатывающим на бирже ставок, но продолжающим одеваться в готик-рок стиле и пользоваться соответствующим макияжем. Из дневников умершего отца, с которым он не общался 30 лет, герой узнает о юности того в Освенциме и о нацистском палаче, мучившем его в концлагере. Бывший музыкант отправляется на поиски этого человека, чтобы отомстить ему за отца. Выгнав беспомощного старика-нациста голышом на снег и тем самым исчерпав свой заряд мести, герой Ш. Пенна возвращается домой, смывает с лица эпатажную косметику и коротко стрижется. «Брексит» былого куми-

ра из давно изжитого им имиджа в итоге состоялся. Прототипом для образа главного героя стал лидер группы The Cure Роберт Смит. Соррентино в юности ходил на концерты группы и вновь посетил их выступление в 1908 году. Его восхитило то, что Смит, несмотря на возраст, продолжает пользоваться экзотическим макияжем и носить одежду в готик-рок стиле. Он отправил Шону всю информацию о группе, их музыку, и актер в работе на образ Шайенна позаимствовал у Смита основные черты его внешнего облика, включая длинные волосы, губную помаду, грим, туш, лак для ногтей, даже тембр голоса и походку...

Если по поводу этой картины у кинокритиков были разноречивые мнения: мол, она как бы и не американская и не итальянская, то следующий фильм Соррентино, трагикомедия «Великая красота» (2013), вызвал всеобщее восхищение. Он принес режиссеру «Оскар», «Золотой глобус» и премию БАФТА в категории «Лучший фильм на иностранном языке», а также четыре приза Европейской киноакадемии, в том числе, за лучший фильм года, и вознес Соррентино на вершину кинематографического Олимпа.

Писали, что это «выдающийся, но очень грустный фильм», и, обыгрывая название, режиссера тоже называли выдающимся, но все же пока еще не великим, поскольку, якобы, «время великих прошло». Об этом отчасти и повествует в картине история состарившегося свет-

ского льва — модного журналиста, обещавшего сделаться большим писателем после публикации своего нашумевшего романа, однако, увы, так и не ставшего им. Как тут не вспомнить строчки отечественного поэта. *«Вот и все. Смежили веки гении. \ \ А когда умолкли небеса, \ \ Словно в опустевшем помещении, стали слышны наши голоса...».*

Итак, главный герой Джеп Гомбарделла, растративший свой талант в галла-вечеринках среди богемы, помнящей его первый (и последний) роман «Человеческий аппарат», встречает 65-летие в очередной бурной тусовке, которая не может заглушить горьких размышлений Дджепа о напрасно растратенном времени, потерянном смысле жизни и пустоте души.

Эти размышления, переведенные в завораживающий визуал, являются лейтмотивом фильма, в котором Соррентино исследует темы тщеславия, одиночества и бессмысленности существования рефлексирующего интеллигента в современном мегаполисе, даже если это — Рим, средоточие вечного искусства.

Продолжение «Великой красотой» мотивов «Сладкой жизни» Феллини очевидно. Но не однозначно. И Джеп Гамбарделла отнюдь не Марчелло Рубини (М.Мастрояни) из мощной феллиневской фрески. Он намного старше того. И не влюблен, как тот, и даже не увлечен. В отличие от него, будучи светским репортером, не мечтает стать писателем, а уже побывал им. И последний ироничный

«Изумительный»

диссонанс: его закадычный друг — не одаренный, как в «Сладкой жизни», творец и философ, кончающий с собой, а потешный графоман, грезящий сценическим триумфом.

Важно отметить, что Рим Соррентино предстает на экране не только во всем великолепии изумительно снятых памятников архитектуры и живописи, но и в томительной суете сует богатых и праздных, стремящихся удержать ускользающую молодость. В погоне за чувственными удовольствиями они невольно скрывают собственные лица под застывшими масками, и в этом круглосуточном маскараде один лишь Гамбарделла, да еще окруженная ореолом святости беззубая престарелая паломница к Папскому Престолу сохраняют человеческий облик. Красота в фильме одновременно и награда, и проклятие. Усталый мастеровой, окунающий руки в переливающуюся разными цветами солнечных бликов прозрачную воду средневе-

ковой мраморной чаши фонтана, как бы заряжается для нас частичками этой великой красоты. А азартный японский турист, отщелкивающий на солнцепеке очередной видовой кадр со смотровой площадки Джаниколо под звуки церковного хора, неожиданно падает замертво...

Запечатленная волшебной камерой Л. Бигацци красота «вечного города» окружает нас с первых же кадров. Ускользающая, успокаивающая, всепобеждающая. Она не только в городских улицах и площадях, в музейных полотнах и скульптурах, но и в городском ландшафте, в тенистых двориках, густой зелени пиний, в синеве ласкового моря и темнеющих на горизонте горах. Она — в танцующей женской походке, мимолетной улыбке, таинственном блеске глаз. Она фактически растворяет в изобразительной пластике нить повествования, поскольку сюжета как такового в фильме нет. Он весь соткан из отдельных сцен и эпизо-

«Рука Бога»»

Справа:

«Друг семьи»

дов, вроде бы разрозненных, однако накрепко спаянных глубоким внутренним смыслом, который ведет зрителя от начала до самого конца.

Именно за удивительную красоту кадра Соррентино так любят, а некоторые ненавидят. В этом плане он замечательный наследник не только Феллини, но и Висконти, если иметь в виду итальянское кино. Прирожденный перфекционист с безупречным чувством стиля, с идеальным чутьем на саундтрек, он способен одухотворить любую бытовую мелочь, любую прозу жизни. Его избирательное зрение возвращает героя к дням далекой юности в компании веселых друзей на прибрежных скалах Неаполитанского залива и к манящей его в грот прелестной девушке, с которой ему было суждено впервые познать любовную близость. И как раз в этом пронзитель-

ном моменте, в той не показанной на экране, но последовавшей затем ночи любви, рискну предположить, кроется для автора самая главная красота мира, вечная красота, заменить которую не в состоянии все феерические красоты Рима.

Вслед за «Великой красотой» разнообразие излюбленных режиссером изобразительных приемов — замедленные и неотступные проезды и пролеты камеры, круговая панорама вокруг застывшего в стоп-кадре персонажа, рапид, острые верхние ракурсы (так называемый «взгляд Бога») по-новому заиграли в следующей шедевральной картине Соррентино «Молодость» (2013).

Причем даже заезженный в хвост и в гриву флэш-бек он сумел превратить в ошеломляющий эмоциональный всплеск. Так, например, в «Великой красоте» герой воспомина-

ет волшебные дни юности, лежа на постели и глядя в потолок, поверхность которого вдруг покрывается зеленоватыми морскими волнами, а затем он, сегодняшним пожилым господином в пиджаке от Бриони, оказывается по плечи в воде недалеко от берега, откуда веселые юные друзья предостерегающе кричат ему о несущейся на него моторке. Прямо перед ее задранном носом Джеп успевает нырнуть, а выныривает за миновавшим его голову винтом лодочного мотора уже 17-летним...

Последствия давно пережитой любви будут преследовать героев и «Великой красоты», и «Молодости», и других экранных произведений Соррентино с их холодной иронией и визуальными трюками. Так же, как поиски покоя и гармонии в безумии окружающей действительности.

Иллюзией спасения от угроз внешнего мира Соррентино наделяет в

фильме «Молодость» удалившегося на покой знаменитого композитора, коротающего остаток жизни в дорогом швейцарском отеле санаторного типа, пока его обожаемая супруга, некогда выдающаяся оперная певица, застыла в прострации с искаженным лицом у окна палаты психиатрической лечебницы. Потрясающие горные пейзажи, служащие контрастным фоном расслаблению чудаковатых богачей, постояльцев отеля, словно освобождают героя фильма от бремени собственного «я» и побуждают его проигрывать в уме не симфонические партитуры, а простенькие увертюры для колокольчиков пасущихся на лугу у отеля коров.

(Характерно, что «Простыми мелодиями» называется прославленное сочинение Фреда Беллинджера (Майкл Кейн) для сопрано с оркестром, которое он создал когда-то

для жены и которым теперь категорически отказывается, несмотря на все настойчивые уговоры, дирижировать на концерте в честь дня рождения супруга английской королевы).

Тема «Молодости» та же, что и в предыдущей картине — великая красота. Только здесь это не красота творений угасающего европейского искусства и архитектуры, но вечной природы и человеческого тела, оперных арий и возвышенных мечтаний. Молодость, вот чего лишены спрятавшиеся от мира в санаторном раю, озабоченные болезнью простаты старые композитор и его друг, в прошлом культовый кинорежиссер Мик Бойл, отчаянно пытающийся вскочить на подножку вагона уходящего поезда, придумывая здесь с пятью молодыми безалаберными «гениями» сценарий своего прощального фильма.

Главная роль в нем предназначена музе режиссера, звезде его прежних картин Бренде Морель (Джейн Фонда). Но она приезжает, чтобы холодно и жестоко развенчать беспочвенные надежды многолетнего наставника, вынеся беспощадный приговор ему нынешнему и задуманному им фильму. После этого Мик в присутствии окаменевшего Беллинджера тихо шагнет вниз с балкона своего номера на седьмом этаже. Бренда же, узнав о его самоубийстве, со съехавшим париком будет биться в истерике на полу авиасалона первого класса. Ну а композитор, увидев в клинике искаженное безумием лицо

жены, даст все-таки согласие дирижировать на триумфальном королевском концерте с участием прославленной оперной дивы и тем самым вернет себе молодость. Пусть хотя бы молодость духа.

Эти двое действуют на пространстве фильма не в пустоте. Интереснейшие персонажи живут и двигаются рядом с ними в уподобленном режиссером метафорическому чистилищу спа-отеле (совсем, как у Феллини в «Восьми с половиной»), образуя событийную и смысловую ткань картины.

Дочь Фреда, Лена (Рейчал Вайс) только что брошена красавцем мужем, сыном Мика. Широко известный по роли робота голливудский актер Пол Дано приехал в отель готовиться к воплощению образа... Гитлера. Чудовищно ожиревший недавно еще легендарный футболист в сопровождении медсестры с кислородным баллоном и с татуировкой портрета Карла Маркса во всю спину, очень напоминающий Марадону. И, наконец, совершенно сногсшибательная «мисс Мира», которой подарили неделю в этом горном раю за победу на конкурсе красоты и которая на глазах у двух ошеломленных героев стариков неторопливо входит в термальный бассейн, ничуть не стесняясь своего великолепного обнаженного тела...

Парадокс в том, что фильм о старости преподает уроки молодости. И так же парадоксально звучит одна из реплик персонажей: «Ты говоришь, мы переоцениваем эмоции,

вранье, поскольку эмоции это все, что у нас осталось...»

Три Золотых пальмовых ветви Каннского фестиваля вкупе с «Оскаром» и премией БАФТА за предыдущую картину открыли Соррентино путь к амбициозному мини-сериалу «Молодой Папа» (216) и его продолжению «Новый Папа» (219). Оба сложносмысловых, ассоциативных и предельно эстетских телесериала также прикидываются бессюжетными, вернее, по сути, ослепительная форма здесь вновь растворяет содержание, превалирует над ним. Тем не менее зрители пришли в восторг по всему миру, даже те, кто вообще не слышал о Соррентино. Вот вам и сверхавторское кино — для всех! И при этом впервые за 73-летнюю историю Венецианского фестиваля исключительно авторских кинофильмов в его программу был включен телесериал Соррентино, который, разумеется, и сериалом-то не назовешь.

Спрашивается, о чем же он? О власти, вере и противоречиях католической Церкви. Это — темы. А сюжет первого сериала достаточно прост. 42-летний американский кардинал (архиепископ Нью-Йорка) Ленни Белардо, будучи компромиссной фигурой, избирается заседанием Конклава Папой Римским, одним из самых молодых в истории. И вместо того, чтобы служить послушным орудием в руках могущественного Государственного секретаря Ватикана Воейелло, выступает

своенравным, независимым и жестким руководителем, чего за ним не замечалось ранее.

Он начинает в качестве понтифика проводить провокационную, совершенно необычную политику по обновлению и очищению погрязшего в грехах и коррупции Ватикана. К примеру, объявляет войну гомосексуализму, распространившемуся среди католических священников, вызывая этим нарекания среди ближайшего окружения. Во время первого пасторского визита в Африку разоблачает некую властолюбивую настоятельницу. Чудесным образом решает проблему досаждающего Святому Престолу раскрученного телевидением шарлатана, утверждавшего, что ему явилась Дева Мария в виде овцы...

При этом режиссер ни на йоту не изменил своей привычной эксцентричной манере визуального повествования и навстречу мейнстриму не пошел. Удивительным образом фантазмагорической режиссерской манере соответствует вполне реалистичный образ «молодого Папы», созданный Джудом Лоу. Ему удалось передать и скрытые сомнения Ленни, и его борьбу с искушениями, и высокую жертвенность во имя Христа, которые скрывает «странность» поведения столь убедительного на экране вымышленного Верховного понтифика.

Так, он не желает до поры появляться на публике и быть узнаваемым, хотя его первой традиционной проповеди с балкона собора Свя-

того Петра с нетерпением ждут тысячи верующих, собравшихся на огромной площади. Они видят в про свете балкона только его силуэт. Другие мессы он проводит спиной к собравшимся и отказывается от освященной традицией фотосессии для сувенирных портретов, не говоря уже о телесъемках. На проповеди в Африке верующие слышат лишь голос Папы, но не видят его самого.

Первую свою публичную проповедь лицом к людям в финале сериала он проводит на Рождество в Венеции, где его в детстве оставили на попечение монахини родители-хиппи, которых Ленни не переставал все время искать и которых теперь высмотрел в собравшейся на площади Святого Марка толпе. Они, постаревшие, но сохранившие хипповатый облик, встретившись с ним взглядом, поспешно выбирают из толпы. А он, произнеся последние слова своей проникновен-

ной, взволнованной и совершенно непохожей на папскую проповедь речи, падает на балконе с сердечным приступом....

В «Новом Папе» на Святом Престоле его замещает кардинал Джон Брэннокс (Джон Малкович), состоятельный эстет, более мягкий и сомневающийся в себе. Причем продолжение культового сериала предлагает взгляд на затронутые в «Молодом Папе» проблемы гораздо тоньше.

Мастер совершенного кадра, Соррентино виртуозно варьирует свет и тени, меняет по ходу экранного повествования темпоритмический рисунок фильма. Он вводит в него невероятное количество отсылок к великим произведениям живописи и архитектуры. И это не только сам Ватикан и Собор Святого Петра, Сикстинская капелла и мраморная «Пьета» Микеланджело, рамочной

конструкцией обрамляющая действие первого и второго сериала. В оборот введены десятки классических полотен на ветхозаветные сюжеты, наконец, ватиканские сады, в которых прыгает подаренный Ленни кенгуру — символ чужеродности и одиночества здесь главного героя американца.

О многозначных метафорах обоих сериалов сам Соррентино говорил однажды, что «каждая из них помогает передать то, что словами объяснить невозможно». Метафоры еще и снимают кажущуюся элитарность этих произведений, поднимая актуальные вопросы общественного сознания. Римские Папы у Соррентино — люди своего времени. Они окружены политиками, дельцами, моральными дилеммами и искушениями. Ко всему добавляются еще сексуальные скандалы, феминизм, пересмотр традиционных ценностей. Верховным понти-

фикам постоянно приходится делать выбор.

Оба минисериала про Пап Римских — вершины творчества итальянского маэстро, обогатившие мировой кинематограф. Они органично соединили в себе вымысел, причудливую игру фантазии, юмор, иронию, победительную чувственность с подлинной философией, гуманизмом и нетленной красотой. Об актерской игре, прежде всего, двух солистов — Джуда Лоу и Джона Малковича даже говорить нечего — она выше всяческих похвал! Приятно, что в этом блистательном ансамбле отличилась российская актриса Юлия Снегирь в трудной, яркой роли страдающей самоотверженной матери тяжелобольного ребенка.

И, конечно же, оба этих многосерийных телефильма несут безусловную, пусть и колющую глаз, правду. Прислушаемся к словам хитроум-

«Лишний человек»

ного кардинала Войелло: « Я больше не хочу грешить», — сказала Эстер сквозь слезы. — Бедная девочка, не знает, что до последнего дня, пока есть силы мыслить и желать, люди обречены грешить».

Во время съемок «Молодого Папы» Ватикан решительно не желал общаться с Соррентино и предоставлять необходимую информацию, которую создателям сериала приходилось собирать по крупицам. Понятно, что о съемках в реальных локациях Ватикана не было и речи, а потому строились масштабные убедительные декорации и использовались подходящие дворцовые интерьеры. После всемирного успеха первого сериала администрация Папского Престола смягчилась и

допустила съемочную группу «Нового Папы» в Собор Святого Петра.

В прессе мелькают сообщения, что Соррентино задумал третьего «Папу», отличного от первых двух, а за период, прошедший после их триумфа, успел снять в своей излюбленной манере три новых фильма: «Лоро» (2018), «Рука Бога» (2021) и «Партенопа» (2024). Когда этот номер журнала выйдет из печати, уже станут известны результаты конкурса нынешнего Венецианского фестиваля, в программе которого за Золотого льва поборется фильм Соррентино «Благодать». О нем пока известно только, что он снимался в живописных местах Италии, и что главные роли в нем сыграли Тони Сервилло и Массимо Вентуриелло.

Что же касается упомянутых выше трех новых картин Великого офицера и Командора ордена «За заслуги перед Итальянской Республикой», то они все же не поднимаются до уровня его прославленных шедевров. Тем не менее каждая из них по своему примечательна и впечатляет привычным для Соррентино изобразительным мастерством.

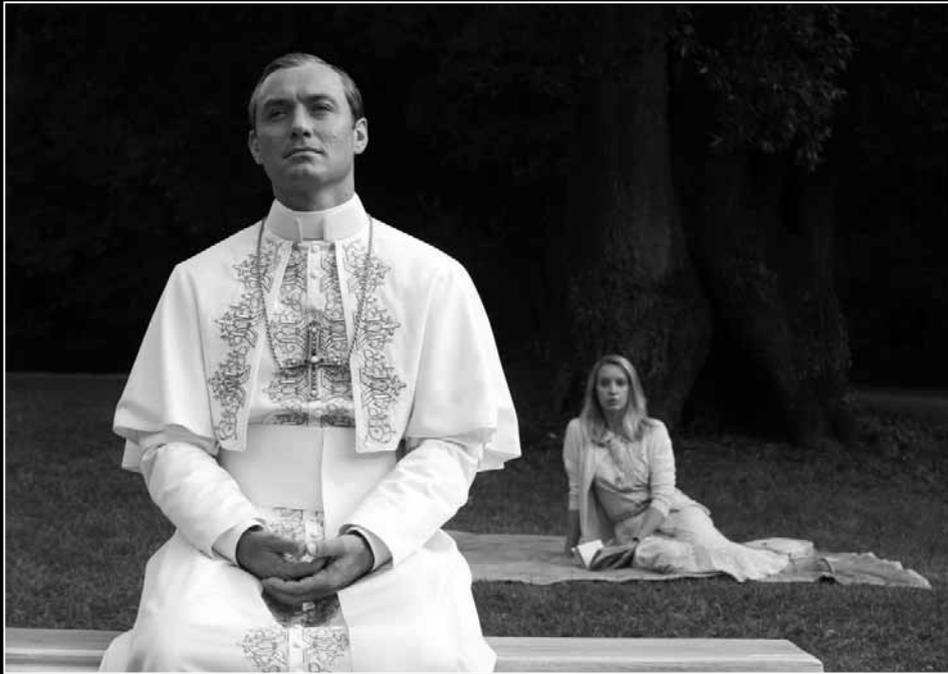
Как было сказано выше, в основе сюжета «Лоро» (Loro — букв. «Они») — нарочито путаный и экспрессивный фрагмент истории жизни харизматичного итальянского политика и медиамагната Сильвио Берлускони (Тони Сервилло) с 2006 по 2009 годы. Это второй после «Изумительного» аналитический фильм маэстро, посвященный феномену итальянской политической культуры.

Фильму предшествует уведомление о том, что все возможные совпадения в нем совершенно случайны, и что все персонажи вымышленные. Однако даже грим и парик Т. Сервилло адресует нас к Берлускони, включая упоминание героем картины о том, как у него на Сардинии гостил Путин.

В первых кадрах фильма на эту шикарную виллу случайно забредает прелестная овечка. Покачиваясь, переводит взгляд в холле с одного телеэкрана, где по каналу хозяина виллы идет глупейшая викторина, на другой, точно такой же, жалобно блеет и падает замертво... Еще одна

типично соррентиновская кинометафора, определяющая подтекст ленты. И атмосфера эротики, которой пропитано ее действие, также напоминают нам о скандальном миллиардере-плэйбое, четыре раза занимавшего кресло премьер-министра Италии

Когда летом 20-го был анонсирован новый фильм Соррентино «Рука Бога», из-за названия поначалу решили, что он расскажет о Марадоне, который, как известно, оправдал забитый им рукой в четвертьфинале чемпионата мира решающий гол за команду Аргентины в ворота сборной Англии сакраментальной фразой: мол, гол был забит «немного головой, а немного рукой Бога». Но Марадона в картине не появляется, хоть и незримо присутствует — на матчи родного «Наполи» с его участием ходит молодой Фабиетто Скиза, который живет в Неаполе с родителями, обожает музыку и хочет изучать философию в колледже. У него не так много друзей и нет любимой девушки. Трагедия в семье заставляет юношу разом повзрослеть... Тепло встреченный публикой и зрителями, фильм сравнивали с «Амаркордом» Феллини. Его премьера состоялась на 78-м Венецианском кинофестивале. Там он был удостоен четырех наград, в том числе, второй по значимости — Гран-при жюри Серебряный лев за лучший фильм, и пяти премий «Давид ди Донателло» (две — лучший

«Молодой Папа»

Справа:
«Новый Папа»

фильм и лучший режиссер), а также ряда других почетных призов и номинаций.

Пожалуй, это действительно «самый искренний» фильм Соррентино, «чувственная, печальная и местами возвышенная» история, признание в любви к родному городу.

Такое же, как в недавней картине мастера «Партенопа», чье действие снова разворачивается в Неаполе и носит ретроспективный характер. Главная героиня, девушка по древнегреческому имени Партенопа, отсылающему нас к сирене в мифе об основании Неаполя, родилась в 1950 году. Она наделена ослепительной красотой, которая, увы, не приносит ей счастья. Сходясь со многими мужчинами, она так и не находит настоящей любви, зато делает успешную карьеру ученого-антрополога.

Вместо того чтобы получить кафедру в местном университете, Партенопа уезжает преподавать в город Тренто на севере Италии и остается там на всю жизнь. В 70 лет она выходит на пенсию и наконец-то возвращается в Неаполь. Фильм заканчивается кадрами ее встречи автобуса с фанатами «Наполи», празднующими победу своей команды в национальном чемпионате 22\23 годов.

За внешне непритязательным повествованием кроется весьма трагичная тема физической красоты (так воспевавшейся прежде Соррентино), которая отделяет ее обладательницу от людей, обрекает героиню фильма на душевный разлад и одиночество. Все это блестяще сыграно итальянской актрисой и моделью Селестой Далла Порты (17-летняя Партенопа) и великой Стефа-

нией Сандрелли (Партенопа в старости). Столь же достойно выглядит в фильме прославленный британский актер, режиссер и музыкант Гэри Олдмен, сыгравший американского писателя Джона Чивера.

Мне поэтому трудно согласиться с мнением некоторых критиков, что «как сценарист и режиссер Соррентино не справляется здесь со своей задачей». Справляется, и еще как! Картина снята необычайно выразительно, передает трепетное настроение юности в чудесном средиземноморском городе.

«Моя жизнь не делится на до и после «Великой красоты», — сказал режиссер в одном из интервью, которые, кстати, не любит давать, утверждая, что все, что хочет сказать говорит в своих лентах. — «Я пишу книги, потому что мне смешно

от того, что я пишу, а мне нравится смеяться... Кино утомляет. Ты управляешь людьми и огромными бюджетами. Настоящая свобода наступает лишь тогда, когда я сажусь писать книгу... Я не думаю о собственных фильмах, когда возвращаюсь со съемок. С 18 лет я живу со своей женой, у нас трое детей, и мне есть, о чем подумать... Я никогда не был на вечеринках, подобных тем, что показываю в своих фильмах... Но важнее для меня снять конец вечеринки, когда приходит разочарование... Финальная сцена «Нелюбви» Звягинцева — один из редких примеров поэзии в кино, один из лучших моментов, что я когда-либо видел... Россия и Италия — два государства, в которых, в отличие от многих других, есть все — и хорошее, и плохое. Это делает их великими»... □

Три жизни на двоих

Пролог

Электричка, подав гудок, отчалила от платформы. Вот пролетел мимо последний вагон, открывая вид на пристанционную площадь с ларьками, импровизированными прилавками деревенских бабулек, автобусной остановкой и стоянкой такси. Сошедшие пассажиры, завидев ожидающий их автобус, резвой рысью побежали к переходу.

Надежда отступила к перилам, чтобы пропустить торопыг вперед. Даже если этот «ЛиАЗик» идет до Иваньково, она все равно возьмет такси. Попутчики ей сейчас ни к чему, она должна собраться с мыслями.

В прошлый раз Алик отказался повторить сеанс гипноза. Сказал, что использует этот вид терапии только в критических случаях, потому что «груз проблем из прошлой жизни многим переломил хребет, но никого еще не сделал счастливее». Толчок к исцелению вместе с ответом на самый животрепещущий свой вопрос Надежда получила, теперь должна справиться сама. А если поймет, что не справляется, пусть он приезжает снова, но работать отныне они будут традиционными методами.

Положим, «толчок к исцелению» — крайне неадекватное определение тому, что тогда получила Надежда. Точнее было бы назвать это «сносом крыши» или потрясением основ, если выразаться литературно. Крушением мировоззрения. Не то чтобы она возражала: это самое мировоззрение погрузило ее в отчаяние, довело почти до роковой черты и, по правде го-

воря, не стоило доброго слова. Его крах действительно принес ей исцеление — если можно считать исцелением безумное ощущение зависания над бездной. Но, по крайней мере, мысли о самоубийстве Надежду больше не преследовали.

И все-таки она снова приехала. Не для того, чтобы Алик поработал с ней «традиционными методами». Он должен понять, что в ее случае традиционные методы — плохое подспорье. Все культурные подпорки ее нынешней жизни подломились, когда Надя с его помощью перенеслась на несколько минут в свою прошлую инкарнацию. Тогда — в том существовании — истина была рядом. Во всяком случае, был рядом человек, который ее постиг. Надежда должна найти слова и убедить Алика, что ей нужно побывать там еще раз...

Увидев, что она идет к машине, таксист опустил стекло и крикнул:

— Куда вам, мадам?

— В Иваново.

— Двести рублей.

Надя кивнула и взялась за ручку задней двери, проигнорировав распахнутую переднюю. Водитель с ухмылочкой перегнулся через сиденье и заблокировал замок.

— Подождите, пожалуйста! — От остановки к машине, торопливо перебирая длинными ногами, спешила девчонка лет семнадцати. — Мне тоже нужно в Иваново. Возьмите меня с собой.

Надежда, уже наполовину забравшаяся в салон, поморщилась как от болезненного укола и выпрямилась. Нужно собраться с духом и отказать — вежливо и твердо. Ей давно пора научиться говорить «нет»; сейчас как раз подходящий случай. «Сожалею, это невозможно». Нет, так слишком грубо. «Извините, мне необходимо побыть одной». Да, это гораздо лучше.

Она посмотрела девушке в глаза... и поняла, что учиться отказывать будет как-нибудь в другой раз. Перед ней стояла «сестра по несчастью» — на двадцать пять лет моложе, на двадцать пять килограммов легче, но с тем же тоскливым взглядом брошенной собаки, который Надя ежедневно видела в зеркале.

— Пожалуйста, — тихо повторила девушка. — Я не буду приставать к вам с разговорами.

Надежда молча кивнула и снова полезла в салон. Девчонка устроилась рядом с водителем. Машина плавно тронулась и покатила к железнодорожному переезду.

«Алик, поймите, западная система идей, включая все религиозные и научные воззрения — вплоть до структуры причинно-следственных связей — слишком далека от истин, которые питали меня в прошлом воплощении, —

репетировала свою речь Надежда. — Я просмотрела все, что смогла найти о буддизме Тибета. Если не считать шарлатанов и дураков, которые сводят его философию к набору примитивных поучений, все авторы подчеркивают, что их работы дают лишь самое приблизительное, самое грубое представление о сути буддизма. Наш способ мышления, наша логика просто не приспособлены к его восприятию, понимаете? А мне необходима именно суть учения. Оно было моей главной опорой — там, тогда... когда я была сильной... был сильным... Ох, как же трудно назвать ту часть «я», что перерождается из жизни в жизнь; назвать, не используя слово «душа», само понятие которой буддисты отрицают».

Надежда перестала подбирать доводы, предоставив мыслям течь свободно. Тогда... ту жизнь она закончила молодым монахом. С точки зрения его веры — добралась почти до самого верха бесконечной лестницы перерождений, уже следующая инкарнация могла принести ему освобождение. Железной волей он подавлял волнение дхарм, призревая потребности плоти, страдания и желания эго. Было только одно стремление, которому он потакал: стремление к просветлению. Но ведь к нему и следует стремиться, разве нет? Разве не к этому призывает учение Будды? И молодой монашек, умирающий на земляном полу холодной кельи — от ран, полученных в схватке с монахами другого монастыря, верил, что в последнем своем воплощении одолел еще одну ступеньку к вершине. Верил, но ждал Учителя не без трепета.

За восемь лет, прожитых монашком в этих стенах, Учитель говорил с ним считанное число раз. Не потому, что пренебрегал учеником, просто не дорос еще монашек до истин, открытых Учителю. Слишком туманными казались его слова. Но все знают: когда кто-то из учеников умирает, Учитель приходит с последним напутствием и открывает умирающему, в чем была его главная ошибка, и что сулит ему будущее перерождение.

Он вошел, древний ликом, как сами горы. Лысый череп, желтая кожа в пигментных пятнах, тонкие белые полоски усов, стекающих к узкой белой бороде. Под редкими белыми бровями — раскосые темные глаза, полускрытые наплывшими веками. И непривычный взгляд — не отрешенный, не пронзающий вечность и бесконечность, а теплый, сочувствующий...

«Тропа восхождения узка, дитя. С обеих сторон — пропасти, любой неверный шаг приводит к падению. Ты споткнулся на собственной силе, на презрении к слабости — в себе и других. Следующее воплощение научит тебя понимать и принимать слабость, но это будет горький и тяжелый урок. Там силы у тебя не будет, а ее придется найти, иначе скатишься еще ниже — в пропасть по другую сторону тропы. Если найдешь, в следующем перерождении я буду говорить с тобой на равных»...

Выпавшая из реальности Надежда не отдавала себе отчета в том, где находится, и что происходит вокруг. Она не заметила, как такси миновало пристанционную деревеньку, свернуло с проселка на бетонку, прогромыхало по ней через лес и въехало на мостик, перекинутый через узкую речушку. Не заметила и КамАЗ, который неожиданно возник сзади и ринулся на легковушку, как гигантская акула на зазевавшуюся добычу. Оторопелое (похоже, водитель не успел испугаться) «что за черт?!», удар, полет, еще удар — все спрессовалось для нее в один короткий миг, проскочивший настолько стремительно, что неповоротливое сознание едва успело его зарегистрировать.

А потом она каким-то образом очутилась на мосту у проломленных перил рядом с длинноногой девчонкой, в которой признала сестру по несчастью. Они обе смотрели вниз на покореженную желтую машину с черными шашечками.

— Раз водитель не с нами, значит, выживет. — Девчонка не говорила, по крайней мере, губы ее не шевелились, тем не менее, Надежда отчетливо ее слышала. — Я чувствую, что тоже могла бы, но не хочу. А ты хочешь, но твои повреждения с жизнью не совместимы. Знаешь, что? Давай попробуем так...

Она шагнула к Надежде, а потом — хотя шагать было уже некуда, — они стояли лицом к лицу — сделала еще шаг. Возникшее ощущение описанию не поддавалось, потому что в Надиной жизни (как, впрочем, в земной жизни любого другого существа) такого опыта просто не было. Наде представилось, что она вся состоит из крошечных пузырьков воздуха — почему-то синего цвета. И пузырьки эти перемешались с другими пузырьками — аквариновыми. Нет, не перемешались, образовали пары. И эти пары начали исполнять какой-то сложный, красивый танец, от которого пузырьковая Надежда почувствовала нечто сродни приятной до болезненности эйфории...

— Должно получиться, — беззвучно сказала девушка (теперь Надя знала, что ее зовут Лизой), отступив. — Давай, сестренка, принимай мое тело и возвращайся. Я верю, что ты найдешь свою силу и проживешь счастливую жизнь — за нас обеих. А еще — отыщешь того мерзавца, который вздумал нас убить, и покажешь ему кузькину мать.

1. Надя-Лиза

Прохладные пальцы прикасаются к моему запястью, и я открываю глаза. Надо мной — незнакомое мужское лицо. Из-под медицинской шапочки выбивается прядь темных, с проседью, волос, лоб пересекают две четкие горизонтальные линии морщин. Узкие стекла очков без оправы, профессионально невозмутимый внимательный взгляд.

— Ну вот, ты снова с нами. Как самочувствие?

Я усмехаюсь (по ощущениям, кривовато):

— А сами-то вы как думаете, доктор?

Профессиональная невозмутимость уступает место вполне человеческому удивлению.

— Ого, она еще шутить изволит! Ну, теперь я за тебя спокоен: выкарабкаешься. Как голова? Сильно болит?

Я морщусь. Не стоило ему привлекать мое внимание к ощущениям, от которых я изо всех сил стараюсь отгородиться.

— Не дождетесь!

Теперь реаниматолог откровенно радуется и даже веселится.

— Слава тебе, господи! В кои-то веки послал бойца, не размазную. Ты не представляешь себе, как обидно, когда твои усилия летят псу под хвост просто потому, что пациенту неохота бороться.

Вы правы, доктор, не представляю. Еще месяц назад я сама была размазней, которая наверняка вас огорчила бы. Да что там месяц! Я не уверена, что стала бы бороться и сейчас — если бы была в том такси единственной пассажиркой. Странная штука: напутствие бедной Лизы, которая была едва ли не худшим бойцом, чем я, сделало то, чего не смог сделать психолог и потомок шаманов Алик — вызвало во мне волю к жизни. Я ее должника. Нет, не так. Я теперь отчасти и есть она. Ни Надежды, ни Лизы больше нет, есть новое «я» — Надя-Лиза.

— Ну, хорошо, с бойцовскими качествами у нас все в порядке, давай проверим, как обстоят дела с памятью. Как тебя зовут, сколько тебе лет?

— ... Лиза. Елизавета Рогалева, шестнадцать лет.

Доктор хмурится, и я пугаюсь, что ответ неправильный. Нет, исключено: я помню перекрученное тело на заднем сиденье, видела его мельком, когда была еще в нематериальном состоянии. Надя ожить не могла.

— Что-то долго ты думала. Пришлось вспоминать?

— Да. Нет. Не знаю. Голова болит.

— Еще бы ей не болеть! Ты помнишь, что с тобой произошло?

— Помню. Какой-то псих на КамАЗе налетел сзади на наше такси и сшиб с моста. Скажите, пожалуйста, шофер выжил?

— Выжил. Повезло ему, отделался парой сломанных ребер и небольшим сотрясением мозга. А вот даме... м-да... гхм. — Доктор сообразил, что известие о трупке попутчицы вряд ли улучшит состояние пациентки, и несколько суетливо закруглился: — Ну что же, я тобой доволен. Будешь хорошо себя вести, завтра переведу из реанимации в палату. Пойду, успокою твоих родителей. Второй день под дверью отделения дежурят, бедолаги.

«Раньше надо было уделять дочери внимание, глядишь, и не пришлось бы куковать под дверью реанимации», — думаю я с неожиданной злостью. А по-

том радуюсь, сообразив, что знаю о Лизе достаточно много, а значит, у меня не будет нужды изображать амнезию. Видимо, «танец пузырьков» — там, на мосту, — дал эффект сродни взаимоиндукции. Во всяком случае, у меня теперь есть воспоминания не только Нади, но и Лизы. Не настолько полные, чтобы описать ее жизнь в подробностях, но и не настолько куцые, чтобы таращиться недоуменно на ее близких, гадая, кто бы это мог быть.

Кстати, КамАЗ — Лизино воспоминание. Она, в отличие от Нади, услышала рев нагоняющей такси машины и успела обернуться. Мысленно воспроизведя эту сцену, я вдруг осознаю: а она ведь не шутила насчет задуманного убийства! Авария не была случайной. Водитель КамАЗа либо поджидал нас перед мостом где-нибудь в лесочке, либо ехал сзади на большом расстоянии, а потом резко набрал скорость, чтобы нагнать и протаранить такси именно на мосту — потому что падение машины уменьшало наши шансы выжить.

Несколько минут я пытаюсь переварить это ошеломляющее открытие, а потом пульсирующая боль в голове становится совсем уж невыносимой, и я сдаюсь, позволяя мыслям свернуть в более спокойное русло. Думаю о новом перерождении, в котором получила неожиданный бонус — память сразу о двух прошлых жизнях и маленьком кусочке третьей. Правда, одна из них не совсем прошлая и не то, чтобы моя, но кто сказал, что это плохо? У меня теперь юное тело и солидный жизненный опыт. Как там говорится? Если бы молодость знала, если бы старость могла?.. Я почти воплотила вековую мечту человечества. И заплатила совсем недорого: проломленной головой и потерей подруги Ксеньки — единственной привязанности погибшей Надежды. Ксенька, наверное, здорово расстроится, но у нее много друзей, дети... погрустит годик-другой и перестанет.

Жаль Лизу, но она сама не захотела остаться. Я ее должница, и долг постараюсь отдать — сделаю все возможное, чтобы эта моя — наша — жизнь была счастливой... Да, но у нее была еще одна просьба — найти убийцу. И с этого нужно начинать, потому что иначе моя новая жизнь может закончиться очень быстро. А как начинать, если я не знаю даже, кто был намеченной жертвой — Лиза, Надя, таксист? И вообще, что я могу сделать — одна, прикованная (надеюсь, временно) к постели? Мне нужна помощь, а обратиться не к кому. Ксеньке Лиза чужая, а открыть правду я не могу, если не хочу, чтобы меня до конца дней заперли в «доме скорби». Как же мне быть?

2. Ксения

Я кружу по квартире как неприкаянное привидение. Время от времени сурово напоминаю себе, что надо взять себя в руки и заняться делом — хоть

на кухне прибраться, если уж ни на что другое сейчас не гожусь. Но все без толку. Беру губку, чтобы помыть плиту, а потом обнаруживаю себя с этой губкой в прихожей перед зеркалом.

Нездорово бледная физиономия, припухшие веки, темные круги под глазами. «Ну и рожа у тебя, Шарапов!» Показать, что ли, кому-нибудь из знакомых без макияжа, сломать, к чертовой матери, реноме легкомысленной пташки, что «не знает ни забот и ни труда»? Фигушки, перебыются! Пускай друг друга жалеют, а я со своими душевными гематомами как-нибудь справлюсь сама.

Хотя, надо признать, судьба в последнее время что-то стала чересчур уж щедра на колотушки. Сначала развод (кто бы мог подумать, что он дастся мне так тяжело; казалось-то, что все давно перегорело). Потом война с детками-тинейджерами, перешедшая из привычной вялотекущей формы в острую. Ну, этого следовало ожидать: психологи постоянно твердят, что развод родителей для детей огромный стресс. А вот Надюшка — удар неожиданный и подлый. Надька-Надежда, как же ты так, а?..

Боль потери усиливается пронзительным чувством вины. Семейные разборки и борьба с внутренними демонами в последний год съедали у меня столько сил, что на поддержание связей со старыми друзьями почти ничего не оставалось. Я даже в Надькин день рождения к ней не поехала, поздравила по телефону. А ведь у нее кроме меня никого не было. Тело пролежало в морге три недели, потому что документов у нее при себе не оказалось, мобильник разбился вдребезги, а никто из знакомых просто не заметил ее исчезновения. Если бы не какой-то технический гений из полиции, который сумел-таки извлечь из памяти разбитого аппарата мой телефонный номер, так бы ее, в конце концов, и похоронили — как бомжа, в безымянной могиле.

Мысль о похоронах возвращает меня к неразрешимой дилемме: звонить или не звонить мадам Ткаченко? В полиции города Дмитрова, куда меня вызвали для опознания тела, я сказала, что Надежда много лет не поддерживала отношений с родственниками, и я понятия не имею, как связаться с ее матерью. Первое — истинная правда, второе — не то, чтобы совсем ложь, но, скажем так, лукавство. Где-то на антресолях, в коробке с конспектами и прочими бумажными сувенирами времен студенческой юности, лежит старая записная книжка с нужным телефонным номером. Конечно, номер мог сто раз поменяться, но это не проблема: один звонок в справочную, и мне сообщат новый.

Проблема в том, что я категорически не хочу, чтобы Надькина мать даже приближалась к телу дочери. Надюшка боялась родительницу пуще ядерной войны, почти четверть века скрывалась как беглая рабыня и жила в вечном страхе перед случайной встречей со знакомыми из детства... Ме-

ня передергивает при мысли, что эта истеричка, скандалистка, салтычиха и «актриса погорелого театра» в одном лице будет изображать из себя безутешную материнскую скорбь у гроба моей подруги, которой искалечила жизнь.

Если бы мне выдали тело, я бы похоронила Надежду сама и как можно скорее — пока полиция разыскивает ее мать по официальным каналам. Но служащий в морге проигнорировал мой прозрачный намек на взятку, и теперь похороны по ненавистному мне сценарию — неизбежность. Вопрос только в том, буду ли я там присутствовать.

С одной стороны, мне отвратительно участие в ожидаемом спектакле, с другой — как я, единственный близкий Надьке человек, могу не проводить ее до «калитки в ничто»? Но для того чтобы проводить, необходимо выяснить, где и когда ее будут хоронить, а для этого нужно не просто позвонить мадам Ткаченко, но и придумать байку, объясняющую, кто я такая и откуда знаю о Надюшкиной гибели. Непосильная для меня задача, по крайней мере, в нынешнем состоянии...

Я делаю еще один бессмысленный круг по квартире, потом решаю, что мне необходимо насильственно переключить мозги, и сажусь к компьютеру. В почте — письмо от неведомой мне Marychen999, тема не указана.

Здравствуйтесь, Ксения!

Возможно, Вы не та, кого я разыскиваю, но это единственный мейл, который я нашла через поисковики по запросу «Ксения Траубен». Меня зовут Лиза, три недели назад я попала в аварию, в которой погибла моя случайная попутчица. Ее последние слова: «Завещание на квартиру... Моей подруге Ксении Траубен... Скажите ей... дома, в словаре. Копия у нотариуса».

Я не знаю, как зовут погибшую. Авария произошла 29 мая в Дмитровском районе Московской области, неподалеку от станции ***.

Сожалею, что не могла написать раньше. Я пострадала в той же аварии, до сих пор лежу в нейрохирургическом отделении Дмитровской клинической больницы.

И извините, если написала не по адресу.

С уважением,

Елизавета Рогалева.

Я тупо перечитываю текст письма раза три или четыре. Потом сбрасываю халат, лихорадочно натягиваю на себя белье, бриджи и футболку. Ключи от последней Надькиной «конспиративной берлоги» у меня есть, будем надеяться, что полиция из славного города Дмитрова еще не успела связаться с московскими коллегами на предмет ее опечатывания, иначе придется обзванивать сотни контор, чтобы найти нужного нотариуса. Кварти-

ра, которая досталась Надежде от бабки, стоит немало, но дело вовсе не в том, что мне не терпится прибрать ее к рукам — мысль нажиться на смерти подруги кажется мне кощунственной. Тем не менее завещание я изыму. И с Надькиной матерью буду биться в суде до последнего. Все, что удастся отсудить, отдам потом на благотворительность, но квартиру, из-за которой Надюшка жила как затравленный звереныш, мадам Ткаченко не получит.

Так, ключи, паспорт, кошелек в сумке. Еще надо прихватить какую-нибудь книжку, так как сегодня у меня весь день пройдет в дороге. Сначала — на Надькину съемную квартиру, потом — в нейрохирургическое отделение Дмитровской клинической больницы.

3. Надя-Лиза

Я знала, что поступаю жестоко, посылая Ксении это письмо, но другого выхода, как ни искала, не нашла. Лиза была еще более одинока, чем Надя. По крайней мере, насколько я могу судить по тем ее воспоминаниям, которые просмотрела. Может быть, есть и другие, но я не знаю, как к ним пробиться: воспоминания всплывают сами по себе, отзываясь на разные образы, звуки, запахи, слова, мысли. На словах «надежный друг», «подруга», «человек, на которого можно положиться» ничего не всколыхнулось. В ответ на мысленный запрос о родне появляется калейдоскоп депрессивных картинок, диалогов и монологов.

Насколько я сумела их интерпретировать, Лиза родилась не ко времени и всю жизнь чувствовала себя никому не нужной. Мать, Виталина Аркадьевна, едва-едва успела вкусить первые радости юности и не собиралась отказываться от них из-за рождения незапланированного ребенка. Отец, Василий Николаевич, студент-третьекурсник, после женитьбы пошел работать, чтобы прокормить семью. Родители молодоженов с обеих сторон категорически возражали против этого брака, просить у них финансовой помощи гордый Василий не захотел, а потому ни времени, ни сил на занятия с малышкой у него не оставалось. Менее гордая Виталина пыталась раскрутить бабушек-дедушек на участие в жизни внучки, но те были непреклонны: «Мы в свое время никому детей не подбрасывали, вот и вы справляйтесь, как знаете. Сами родили, сами и растите».

В полтора Лизиных года изнемогая под тяжким родительским бременем мать сдала дочку в ясли. Потом были детский сад, школа с продленкой, летние лагеря. Привычная к тому, что всегда и всем мешает, Лиза держалась в сторонке. Иногда ее все-таки замечали, но заканчивалось это плохо. Даже тем немногим, кто пытался с ней подружиться, интересна была не Лиза, а возможность самоутвердиться за ее счет.

Процесс превращения из ребенка в подростка совпал по времени с бракоразводным процессом родителей. И в какой-то момент Лиза сорвалась с катушек. Именно в момент — неожиданно для себя и окружающих. Еще вчера тихая, незаметная девочка вдруг превратилась в оторву и хамку, которая на замечания отвечала оскорблениями, на приказной тон — грубым посылом, на попытку дать пощечину — актами вандализма в виде битья посуды и прочих хрупких предметов.

Прибавшись к «дурной компании», она практически перестала бывать дома и в школе, а заметно увеличившийся досуг заполнила традиционными для подростков развлечениями. К тому времени как классная руководительница забила тревогу, поставив на уши школу, детское отделение милиции и напуганных, но по-прежнему не склонных отвести дочери главное в своей жизни место родителей, было уже поздно — Лиза сидела на героине. Полугодовое лечение в частной клинике, беседы с психологом, усиленный надзор — все это, как водится, сработало плохо. Через месяц после выписки она, подобно Колобку, удрала от бабушки с дедушкой, которые по случаю выхода на пенсию согласились взять на себя функции надзирателей, и по дороге, зацепившись каблуком за выщерблинку в асфальте, упала прямо к ногам прекрасного принца. Принц, как и положено человеку благородному, помог ей подняться, доковылять до скамейки на ближайшей остановке, а убедившись, что боль в щиколотке не проходит, поймал машину и отвез пострадавшую в травмпункт.

Стоит ли говорить, что не избалованная вниманием и добрым к себе отношением Лиза смертельно влюбилась? Увы, влюбилась без взаимности: принц был взрослым, женатым и, главное, порядочным человеком. Но первая любовь — чувство настолько могучее, что способно творить чудеса и в безответном варианте. Лейтмотивом нового этапа Лизиной жизни стала старая забытая песенка Ады Якушевой:

*Ты — мое дыхание,
Утро мое ты раннее.
Ты и солнце жгучее
И дожди.
Всю себя измучаю,
Стану я самой лучшей,
По такому случаю
Ты подожди...*

Лиза верила, что сумеет стать достойной любви своего принца. Она порвала с «дурной компанией»; надеясь наверстать пропущенный год, засела за учебники, записалась в танцевальную студию — в секцию латиноамериканского танца, начала бегать по утрам, купила диски с классической

музыкой, скачала себе «Библиотеку мировой литературы». А когда одолевали черные мысли и сил на самосовершенствование не хватало, набирала заветный телефонный номер, чтобы себя поддержать. Ей нужно было совсем немного — убедиться, что Андрей помнит о ее существовании, услышать его голос, а еще лучше — смех в ответ на какую-нибудь незатейливую шутку. Она звонила редко, а принц был добрым, он никогда не давал Лизе понять, что ее звонки его напрягают. Зато жена у него оказалась куда менее снисходительной. Неизвестно, как она разыскала девушку, ведь Лиза к Андрею не приближалась, то есть, слежка за ним не могла привести ревнивую супругу к Лизину дому. Тем не менее однажды она там нарисовалась. Наградила Лизу десятком нелестных эпитетов, («малолетняя дрянь» — самый из них безобидный), обвинила во всех смертных грехах, упирая на нарушение десятой заповеди, швырялась невыполнимыми угрозами. Лиза даже отвечать не стала, настолько нелепо и жалко выглядела эта миниатюрная, взрослая — лет двадцати пяти — женщина, выверившаяся на шестнадцатилетнюю дылду.

Расстроилась Лиза позже, когда сообразила, что больше не должна звонить Андрею. Не из страха, что ей оторвут руки и переломают ноги, а потому что такая жена вполне способна закатывать сцены и ему тоже, а Лизе меньше всего хотелось быть для своего принца источником неприятностей.

Имея в качестве зацепки только имя принца и мимоходом упомянутое им название кафедры физтеха, которую он окончил, она провела настоящее виртуальное расследование и сумела раздобыть его электронный адрес. Раздобыв, написала короткое письмо, в котором сообщила, что звонить больше не будет (не называя причины), а если он захочет с ней связаться, то вот ее контакты. Андрей не ответил.

Через пару месяцев Лиза погрузилась в глубокую депрессию. А однажды она встретила даму-психолога, которая занималась с ней в клинике. Дама наметанным глазом оценила состояние пациентки, достала блокнот, записала имя и номер телефона, вырвала листок и протянула Лизе:

— Вот, возьми. Это мой коллега, по совместительству чудотворец. Он владеет несколькими оригинальными техниками, в том числе — техникой регрессивной терапии. Слышала о такой? Человека погружают в глубокий гипноз, под которым он вспоминает свою предыдущую жизнь. Не веришь? Я и сама, признаться, не очень-то, зато я видела результаты этой терапии. Уверяю тебя, иначе как чудом их не назовешь. В общем, если почувствуешь, что дошла до ручки, позвони ему. Чего ты теряешь? Правда, ехать к Алику далековато, он живет в области. Ну да, если припрет, и к черту на рога прокатишься. Не сдавайся, Лиза! Вспомни, через что тебе пришлось пройти. Неужели не жалко пустить все коту под хвост?

Лиза последовала доброму совету, из-за чего и очутилась в такси, последний рейс которого завершился падением с моста. И это, если не считать частностей, вся ее биография. Короткая несчастливая жизнь, до которой никому, по большому счету, не было никакого дела... Если только водитель КамАЗа пошел на таран не ради того, чтобы эту самую жизнь уничтожить. Но этот вариант кажется мне маловероятным. Трудно представить, что шестнадцатилетняя девчонка могла кому-то мешать настолько капитально. Во всяком случае, из ее воспоминаний я ничего такого не почерпнула.

Звонить своему принцу Лиза перестала, а если бы даже не перестала... Не полная же психопатка жена Андрея, чтобы нанимать убийцу для девицы, с которой ее муж виделся единственный раз в жизни — полгода назад! У родственников нет мотива. Конечно, душевными людьми их не назовешь, но родители и бабушки-дедушки Лизы психически нормальны. Об этом я сужу по личному впечатлению, потому что ее родня приезжает ко мне в больницу каждый день — почти как на работу.

Похоже, авария, едва не лишившая их дочери и внуки (на самом деле лишившая, но об этом они не знают), заставила их пересмотреть свое отношение к девочке. Если верить воспоминаниям, доставшимся мне от Лизы, никогда они не были так предупредительны, не смотрели на нее так искательно, не суетились так трогательно, бросаясь исполнять любое ее пожелание. Наверное, осознали, наконец, что виноваты перед ребенком.

А может быть, до них вдруг дошло, что она у них единственная: не станет ее, и некому будет в старости о них позаботиться. У маленького Лизино брата тяжелая форма ДЦП, его мать, вторая жена Лизино отца, целиком посвятила себя больному ребенку, ни душевных, ни физических сил, необходимых, чтобы родить и поднять других детей, у нее не остается. А у Виталины Аркадьевны со вторым браком не складывается, ее романы слишком скоротечны — не дотягивают до той стадии, когда встает вопрос о замужестве и продолжении рода.

Но по каким бы причинам Лизина родня ни переменялась в отношении к девочке, довериться этим людям и просить их о помощи я не могла. Во-первых, кто сказал, что эта перемена надолго? Это сейчас они напуганы, а потом привыкнут к мысли, что все обошлось, и снова потеряют к ребенку интерес. Во-вторых, не исключено, что мои рассуждения насчет отсутствия у родственников мотива ошибочны, и убийцу на КамАЗе все-таки нанял кто-то из них. Лиза просто могла не все знать.

А в помощи я нуждалась. Если цель убийцы — Лиза или таксист, то мне или ему по-прежнему угрожает опасность. Если же убить хотели меня, то мотив возможен единственный: недвижимость. Моя — Надина — мать отчаялась разыскать дочь с тем, чтобы заставить ее отказаться от бабушкиной квартиры в свою пользу, и решила, что проще будет получить желаемое

мое в наследство. Или так рассудил ее муж, отчим Надежды. Или брат. Как бы то ни было, отдавать им квартиру я не собираюсь.

По счастью (хотя слово «счастье» в данном случае вряд ли уместно), четыре месяца назад я, тогда еще намеревавшаяся покончить с собой, сходила к нотариусу и составила завещание в пользу Ксеньки. Кроме того, понимая, что просто так мать не сдастся, а суд может принять ее сторону, завила у того же нотариуса письмо, в котором изложила нашу семейную историю и привела список свидетелей, могущих мои показания подтвердить. Но все эти меры окажутся напрасными, если я не предупрежу о них Ксению.

Поэтому, как только врачи разрешили мне читать и писать, я попросила Лизиных (или уже моих?) родственников принести мне планшет. В процессе долгих мучительных раздумий сочинила это письмо и отправила, понимая, каким потрясением оно будет для Ксеньки, которая только-только узнала о гибели подруги. Но что мне оставалось, учитывая все вышесказанное?

Впрочем, если бы я знала, к чему приведет отправка письма, возможно, подумала бы еще раз. Я боялась причинить Ксении боль, боялась, что она может не ответить или ответит как-нибудь так, чтобы неведомая ей Лиза больше не решилась написать. Чего я не ожидала, так это того, что Ксенька примчится в больницу, и мне придется врать ей в лицо. В больное, осунувшееся лицо подруги, потерявшей близкого человека — меня.

4. Ксения

Мне всегда нравилось устройство собственных мозгов. В нормальном эмоциональном состоянии я прикидываю, оцениваю, ищу оптимальные пути решения, планирую, просчитываю варианты. В ненормальном (когда эмоции зашкаливают и мешают думать) меня ведет интуиция — лихо, но безошибочно, точно водитель-экстремал с многолетним стажем.

Если бы мне задали вопрос: зачем ты едешь в больницу к Елизавете Рогалевой, я, разумеется, смогла бы привести рациональные объяснения: хочу повидать человека, который был с моей подругой в последние минуты. Если повезет, выяснить, куда и зачем ехала Надька — чтобы закончить за нее земные дела. Может быть, заручиться поддержкой Елизаветы на случай, если ее свидетельские показания понадобятся мне в ходе судебной драки с мадам Ткаченко.

Все это, конечно, правда, но правда поверхностная. А суть заключается в том, что в больницу меня погнало интуитивное ощущение: за этим письмом кроется нечто, о чем мне непременно следует знать. И выяснить, что именно, можно только при личной встрече с автором письма.

Когда я увидела Лизу Рогалеву, полулежащую, полусидящую на больничной койке с поднятым изголовьем, меня заворожили сразу три вещи.

Во-первых, возраст: ее письмо совершенно не подготовило меня к тому, что она так юна. Во-вторых, цветовая гамма ее внешнего вида: белоснежная шапочка-повязка до бровей, а ниже — желто-лилово-зеленые разводы подживающих синяков. Такое впечатление, будто девчонку с обеих рук бил по лицу озверевший боксер. Но по-настоящему поразил меня ее испуг. Завидев в дверях незнакомую тетеньку вполне мирного вида, Елизавета воззрилась на меня так, словно я была тем самым боксером, который ее отметелил. Причем, судя по виноватому виду, отметелил за дело.

Отгоняя паранойю, я напомнила себе, что девчонка получила травму головы и на неадекватную реакцию имеет полное право. Приветливо поздоровалась, назвала себя. Легче не стало. Глаза Лиза опустила, но руки, терзающие пододеяльник, выдавали ее смятение ничуть не хуже взгляда. По ее приглашению, сделанному полусшепотом, я заняла стоящий около кровати стул и голосом добрейшей из тетенок спросила, как вышло, что она и моя подруга оказались в той злополучной машине.

Девушка еле слышно объяснила, что ехала в Иваньково, к известному психологу Алику. Думала добираться от железнодорожной станции на автобусе, но из разговора женщины, сошедшей с той же электрички, с водителем такси, поняла, что женщина тоже едет до Иваньково, и попросилась в машину. Испугалась, что автобуса придется долго ждать, и она опоздает к назначенному часу.

Далее следовал рассказ о внезапно возникшем позади КамАЗе и наезде. Меня немного отпустило: я получила объяснение заполошной реакции Лизы на свое появление. Девчонка не сомневалась, что водитель КамАЗа сшиб такси с моста намеренно — с целью убить либо одну из пассажирок, либо шофера, либо всех троих. При таком раскладе страх перед незнакомыми визитерами совершенно логичен. Особенно, если учесть, что в палате всего две пациентки, и вторая — подсоединенная к капельнице пожилая дама в роскошном воротнике шейного корсета — вряд ли способна прийти соседке на помощь.

Когда дело дошло до финальной сцены, смутные подозрения во мне снова ожили, но я была слишком подавлена и расстроена, думая об умирающей Надьке, чтобы прислушиваться к себе.

— Вы нашли завещание? — с сочувствием в голосе спросила девочка.

— Нашла, — ответила я рассеянно, потому что мысли мои неожиданно свернули в совершенно новое русло. Умышленный наезд — три вероятные жертвы — завещание... Уж не мадам ли Ткаченко организовала этот КамАЗ? Тогда выходит, что Надька как-то догадалась о мамашиних намерениях... Почему она ничего не сказала мне?! — Лиза, к вам приходили из полиции? Вы рассказывали им об аварии?

— Да. — Она подняла и тут же опустила глаза, а меня прострелило пронзительное чувство, которое я не успела ухватить и определить. — Мне показалось, что они не придали моим словам особого значения. Должно быть, подумали: «Чего только со страху не померещится».

Я пообещала устроить полицейским скептикам веселую жизнь, поблагодарила девочку за рассказ, пожелала ей скорейшего выздоровления и, попрощавшись, пошла к дверям. У порога интуитивно обернулась и сразу натолкнулась на полный тоски взгляд.

— Лиза, я могу вам помочь? Может быть, сделать что-нибудь, о чем вы не хотите или стесняетесь попросить родных? Бывает, что близким довериться труднее, чем незнакомому человеку...

Она немного поколебалась, а потом покачала головой.

«Ну что же, девочка, не стану пока на тебя давить. Но я еще вернусь», подумала я, а вслух произнесла:

— Если передумаете, у вас есть мой мейл.

Вышла из больничного корпуса, достала мобильник, просмотрела список вызовов. Вот он, неизвестный номер, с которого позавчера позвонил мне полицейский. Кажется, именно он вчера сопровождал меня в морг. Как же он представился?

— Здравствуйте. Я — Ксения Траубен, подруга погибшей в автокатастрофе Надежды Стоумовой.

— Да-да, Ксения, слушаю. Чем я могу вам помочь? — любезно спросил полицейский, чьего имени я так и не смогла вспомнить.

— Я только что навестила Елизавету Рогалеву, от которой узнала подробности этой аварии. У нее сложилось впечатление, будто ее показания не приняли всерьез. Это правда?

Заметно похолодевший голос в трубке заверил меня, что полиция предпринимает все усилия, дабы найти виновника аварии.

— Могу я уточнить, какие именно усилия? — Мой собственный голос сочился сарказмом. — Обзваниваете окрестные автобазы и спрашиваете, не числится ли у них недавно попавший в аварию КамАЗ? А как насчет проверки лиц, которым была бы выгодна смерть пострадавших в аварии?

На эту ехидную тираду мой заочный собеседник бесконечно терпеливо и устало начал объяснять, что как орудие преднамеренного убийства КамАЗ не выдерживает никакой критики. Если человек, заинтересованный в чьей-либо смерти, решит совершить убийство сам, он не выберет КамАЗ, потому что убийцу легко будет вычислить — хотя бы по наличию прав нужной категории. Не говоря уже о том, что садиться за руль КамАЗа, к которому имеешь доступ, глупо, а угонять случайно подвернувшийся — хлопотно и опасно. Нанятый же профессионал тем более не прибегнет к столь ненадежному и неэкономичному способу устранения жертвы.

Я подавила желание съязвить, что на самом деле преступник ничем не рисковал, поскольку полиция сразу же отбросила версию преднамеренного убийства. Зачем тратить попусту слова? Понятно, что Лиза Рогалева права, и на полицию надеяться глупо. Значит, найти и разоблачить убийцу придется мне самой. Потому что я не могу допустить, чтобы гадина, погубившая мою несчастную подругу, ушла от расплаты. А тем более — наслаждалась плодами своего злодейства...

Тут я поймала себя на мысли, что, кажется, уже определила в убийцы Надькину мамашу. А ведь не факт, что намеченной жертвой маньяка за рулем КамАЗа была именно Надюшка. Их было трое в том злополучном такси... Кстати, пострадавшего таксиста, наверное, привезли в эту же больницу. Не навестить ли мне и его, раз уж я здесь?

Прикинула, к кому бы лучше обратиться за информацией, где его искать. Господинна полицейского отбросила сразу, мадемуазель Рогалеву тоже — велика вероятность, что девушка не знает, куда положили ее товарища по несчастью. В итоге, дошла до идеи, которая любому другому пришла бы в голову первой.

Тетка из больничной справочной, даже не заглянув в свой кондуит, сообщила мне, что везунчика-таксиста выписали на следующий же день после аварии. Ну что же, значит, эту версию проверю позже. В любом случае начинать я собиралась с Надькиной матери. Во-первых, потому что погибла все-таки Надька. Во-вторых, потому что мадам Ткаченко я ненавижу. И, в-третьих, потому что у нее есть мотив — та самая квартира.

* * *

Дед Надежды, Федор Ипатьевич Стоумов, был засекреченным конструктором чего-то, связанного с авиацией. Бабушка, Ольга Варламовна, — школьным завучем и учителем химии. Тем самым педагогом, который, как кто-то ехидно подметил, не профессия, а диагноз. По степени железности эта дама вполне могла заткнуть за пояс самого Феликса Эдмундовича. С холодной головой и чистыми руками у нее тоже все было в порядке. До полного набора, требуемого чекистам, ей не хватало разве что горячего сердца.

Возможно, именно дефицит эмоционального тепла в семье стал причиной тому, что сын Стоумовых Игорь полюбил девушку Юлию, эмоции которой хлестали через край. К тому же, девушка была молода и красива — светлые кудри, синие глазищи, изящная фигурка. Словом, вылитый ангел.

Ольге Варламовне хватило двух часов в обществе избранницы сына, которую тот привел для знакомства с родителями, чтобы разобраться в характере «ангела» и внутренне похолодеть. За четверть века работы в школе ей довелось четырежды столкнуться с похожими личностями, и воспомина-

ния о каждой из четырех девочек преследовали ее в кошмарах, поэтому ошибиться в симптомах она не могла. Истерический темперамент — не самое страшное, в истеричках много милого и детского, с ними можно ладить, если знать, на какие кнопки нажимать. Но типуажу, к которому Ольга Варламовна без колебаний отнесла Юлию, была присуща крайне болезненная форма истерии, по сути — психопатия. Детский эгоцентризм трансформировался в этих девочках в чудовищный эгоизм, детские фантазии и склонность прихвастнуть — в способность врать в глаза, вопреки всякой очевидности, называя белое черным. Но главное — сталкиваясь с любым противодействием, такие девочки доводят себя до состояния, в котором могут сказать и сделать что угодно, и единственная управа на них — санитары со смирительной рубашкой.

Ольга Варламовна была женщиной умной, она понимала, что любая ее попытка открыть сыну глаза обречена на провал: в лучшем случае, он отмахнется, решив, что мать видит в девушке черта из-за обычной ревности, в худшем — озлобится и порвет отношения с родителями. Поэтому она ничего не сказала о своих наблюдениях и впечатлениях, а вместо этого предложила молодым людям несколько месяцев пожить своим домом, чтобы понять, подойдут ли они друг другу в качестве супругов.

— Любовь — это чудесно. Но самая сильная любовь — не гарантия того, что люди способны вместе жить. А проверить это без практики невозможно. Как вы относитесь к небольшой репетиции семейной жизни? Мы с Федором Ипатьевичем помогли бы вам снять квартиру.

Юлия подняла на будущую свекровь большие, полные немомого укора глаза и спросила со слезой в голосе:

— Вы не хотите пускать меня в свой дом? Думаете, я не подхожу вашему сыну?

— Что вы, Юля, я не настолько глупа, чтобы думать о вещах, которые меня не касаются. Мой сын — взрослый мальчик, он сам прекрасно способен разобраться, подходите вы друг другу или нет. Я всего лишь указала, что для этого требуется время. И место, где вам никто не будет мешать.

Если бы Ольга Варламовна не обошла дипломатичным молчанием первый вопрос, если бы ответила прямо, что не только не хочет, но и никогда не допустит, чтобы ангел Юленька жила в ее доме, все могло сложиться по-другому. Узнав, что ей не быть хозяйкой в этой роскошной квартире, не пользоваться благами и привилегиями, которые государство предоставляет маститому конструктору чего-то страшно секретного, Юленька вполне могла бы отцепиться от бедного аспиранта с неясными перспективами и начать охоту на более ценную дичь. Увы, на прямой ответ прозорливости Ольги Варламовны не хватило.

Месяц спустя Юлия забеременела, и они с Игорем подали заявление в загс. Родители Игоря немедленно занялись разменом, и к свадьбе молодожены получили просторную однокомнатную квартиру на севере Москвы. Такая же квартира (жилье Стоумовы разменивали, руководствуясь совестью, а не соображениями прав и заслуг), только на юго-западе, досталась Федору Ипатьевичу и Ольге Варламовне.

У Юлии с Игорем родилась дочь. К тому времени Игорь уже вполне понимал, что представляет из себя его супруга, но поменять что-либо был бессилен. Одолеть виртуозную скандалистку в словесных баталиях у него, интеллигента до мозга костей, не было ни единого шанса, о том, чтобы поднять руку на женщину, он не мог и помыслить, а спасительный выход в виде развода для него закрылся с рождением Надюшки. Советский суд при разводе супругов принимал решение оставить ребенка с отцом только в тех случаях, когда отцу удавалось доказать, что мать заслуживает лишения родительских прав. Юлия не была ни алкоголичкой, ни наркоманкой, а доказать ее психопатию не представлялось возможным, потому что свои психопатические номера она откалывала только в узком семейном кругу. Уйти же, оставив ребенка в заложниках у психопатки, Игорю не позволяли совесть, чувство долга и любовь к малышке. Хотя, по большому счету, его жертва была бессмысленной, потому что оградить дочь от безумных выходок жены он не мог.

Надюшка боялась матери до оцепенения. Дело даже не в том, что Юлия была с ней жестока — кричала, обзывала обидными словами, награждала пощечинами, лупцевала скакалкой, — а в том, что эта жестокость была абсолютно непредсказуемой. Один и тот же проступок (разбитая коленка, испачканная или порванная одежда, недоеденная каша, громкие вскрики во сне) в каких-то случаях карался оплеухой и словесными оскорблениями, в каких-то — изощренной экзекуцией. Порой игнорировался вовсе, а иной раз вдруг вызывал у матери приступ необъяснимого умиления, когда та обнимала или хватала перепуганного ребенка на руки, целовала, сюсюкала и нежничала с ним.

Но страшнее всего были сцены, которые мать закатывала отцу — в частности, когда он пытался заступиться за Надюшку. Начиная с упреков и обвинений, Юлия постепенно накручивала себя до потери человеческого облика. Оскалившись, как горгулья, с огнем безумия в глазах, она кидалась на мужа с кулаками, с пожеланиями сдохнуть, с угрозами, а под конец падала и с воем каталась по полу.

Этот террор продолжался шесть лет, а потом у Игоря не выдержало сердце. Во время одной из таких сцен он схватился за грудь, упал и умер. «Разрыв аорты» — так значилось в свидетельстве о смерти. Юлия упоенно играла роль раздавленной горем вдовы, используя несчастную Надюшку

для придания душераздирающим сценам особой трогательности. Полгода она собирала щедрую дань, таская за собой ребенка по знакомым, родственникам и коллегам покойного мужа; обнимая и обливая сироту слезами, без конца пересказывала, что пережила той ужасной ночью, и как пагубно отразился этот шок на ее нервах и здоровье.

Но человеческое сострадание и щедрость к обездоленным имеют свойство со временем иссякать, и через полгода Юлия обнаружила, что собираемые ею денежные пожертвования больше не покрывают ее нужд. Тогда она явилась к родителям Игоря (с которыми практически не поддерживала отношений, не простив им свою несбывшуюся мечту) и намекнула, что их единственная внучка терпит лишения, поскольку пенсия у девочки крошечная, а Юлия, с ее подорванным здоровьем, работать постоянно не в силах.

Но вместо ожидаемого предложения материальной помощи безутешная вдова получила совсем другое предложение.

— Мы с Федором Ипатьевичем готовы забрать у вас Надежду, — сухо сообщила ей Ольга Варламовна. — Пенсию за Игоря вы можете оставить себе, мы вырастим ребенка на собственные средства.

Юлия на миг онемела от такой наглости, а потом открыла рот, чтобы дать выход охватившей ее ярости, но Ольга Варламовна предупредила взрыв, сказав, что, если Юлия согласится, то они пропишут девочку к себе, в противном же случае квартира после их смерти отойдет государству.

А надо сказать, что это была уже не та квартира, в которую родители Игоря переехали в результате размена. В семьдесят седьмом году Федор Ипатьевич стал лауреатом Государственной премии, а в качестве довеска получил хоромы в только что выстроенном элитном доме в пяти минутах ходьбы от станции метро «Проспект мира». Формально квартира была двухкомнатной, но по метражу не уступала стандартной четырехкомнатной. Пятнадцатиметровая кухня, шестиметровая лоджия, холл, где можно было устраивать танцы, ванная, где помимо собственно ванны, раковины и биде поместились стиральная машина, сушильный шкаф, шкафчик для туалетных принадлежностей и туалетный столик со стулом.

Юлии отчаянно не хотелось лишаться главного козыря и средства давления на ненавистных свекра и свекровь, но еще больше ей не хотелось лишиться перспективы стать когда-нибудь хозяйкой этих хором, а в том, что Ольга Варламовна способна исполнить свою угрозу, она не сомневалась. Поэтому Надюшка переселилась к бабушке с дедушкой.

Нельзя сказать, что жилось ей там весело. Федор Ипатьевич пережил сына всего на год, а Ольга Варламовна была не из тех бабушек, которые балуют внушек. Она муштровала Надежду как новобранца какого-нибудь

образцово-показательного элитного полка, прививая ей аккуратность, исполнительность, усердие, прилежание и прочий перфекционизм. Но она, по крайней мере, была последовательна в своих требованиях, не говоря уже о том, что никогда не кричала и не поднимала на Надюшку руку.

В школе тихая, послушная, старательная и способная девочка стала круглой отличницей и отрадой учителей, но робость мешала ей обзавестись друзьями. Тем не менее одинокой себя Надюшка не чувствовала, друзей ей с успехом заменяли книги.

Тем временем ее маман вышла замуж за загадочного типа по фамилии Ткаченко. Работал он в производственном объединении с громким названием «Альтаир», но что это объединение производит, и кем, собственно, работает там гражданин Ткаченко, никто не ведал. Что до его характеристики, то был он сдержан и немногословен, но интеллигентскими заморочками, по-видимому, не страдал, потому что ему свои коронные сцены Юлия закатывать опасалась.

Некоторое время супруги Ткаченко жили вдвоем, а потом у них родился сын — младенец крикливый и беспокойный. И однажды после очередной трудной ночи Юлию осенило: а ведь у нее есть еще и дочь, которая вполне доросла до того, чтобы побыть братику нянькой. А главное, теперь ее можно забрать у бабушки практически безо всякого риска: Надя уже прописана в ТОЙ квартире, и, какой бы сволочью ни была Ольга Варламовна, хлопотать о выписке внучки, к которой наверняка уже привязалась, она не станет.

Новый этап в жизни Надежды длился три года, и о том, что ей за это время довелось пережить, она никогда не рассказывала — ни бабушке, ни мне. Но, судя по тому, как ее колотило от наших расспросов, от одного упоминания о матери или отчине, по тому, что из круглой отличницы она превратилась в троечницу и до конца жизни шарахалась от мужчин, супругов Ткаченко следовало отдать под суд.

Конец тем ее мучениям положило новое несчастье: когда Наде исполнилось пятнадцать, у Ольги Варламовны случился инсульт. Надюха узнала об этом по телефону — от своей бывшей учительницы и бабушкиной коллеги. Положив трубку, она ни слова никому не сказала, потихоньку сложила в школьный рюкзак самые необходимые пожитки, а наутро сунула в почтовый ящик записку для матери и уехала к бабушке.

Когда тем же вечером мадам Ткаченко ринулась на проспект Мира, чтобы вернуть беглянку домой, Надька ей просто не открыла дверь, а вышедшие на шум и крики соседи встали за Ольгу Варламовну и ее внучку стеной. В частности, в подробностях объяснили милиции, приехавшей по вызову Юлии, кто получал на девочку пенсию, кто ее вырастил, а также дали ясно понять, какое это свинство — бросать пожилого полупарализованного человека без помощи и ухода.

Мать кричала, что так этого не оставит, что непременно подаст на Ольгу Варламовну в суд. Но обошлось. То ли мадам Ткаченко поняла, что дела ей не выиграть, то ли вмешался ее господин и повелитель, запретив жене устраивать публичные разборки, но бабушку с внучкой оставили в покое. Надюшка была вне себя от радости, несмотря на то, что работать ей приходилось как каторжной. Даже наполовину парализованная Ольга Варламовна осталась тираном и «железной леди». Она наняла внучке репетиторов и заставляла Надюшку заниматься по десять-двенадцать часов в сутки. Если учесть, что на девочке были еще уход за больной и все домашнее хозяйство, то на сон и отдых ей оставались сущие крохи.

Но бабушкина тирания принесла хорошие плоды. Надежда сдала экстерном школьные экзамены и поступила в университет, на химфак. Там-то мы с ней и подружились. Хорошая Надюха как-то раз (в ответ на мою жалобу, что в общаге невозможно готовиться к экзаменам) пригласила меня пожить у нее, а я со свойственной провинциалам простотой приняла приглашение. Познакомилась с негибавшей Ольгой Варламовной, узнала историю семьи...

Я была рядом с Надеждой, когда Ольга Варламовна умерла. Одно из самых сильных впечатлений моей жизни — Надюшкино лицо, на котором выражение искреннего горя вдруг сменилось невыразимым ужасом. До бедной девочки внезапно дошло, что с бабушкиной смертью между ней и матерью с отчимом больше никто и ничто не стоит.

Это я приводила ее в чувство, а потом пыталась утешить и образумить, доказывая, что она уже взрослая, и эти сволочи больше не имеют над ней власти. Я же, поняв, что разумные доводы бессильны перед запредельным Надюшкиным страхом, придумала план, из-за которого Надежда всю жизнь провела в бегах, так и не набравшись мужества встретиться со своим кошмаром лицом к лицу. Зато с ее кошмаром встретилась я, и знакомство с мадам Ткаченко также относится к числу незабываемых впечатлений моей молодости...

Воспоминания о хищном оскале и скрюченных пальцах мадам Ткаченко, выверившейся на меня, когда я показала ей оформленную честь по чести генеральную доверенность от ее дочери и сообщила, что Надежда покинула столицу, запретив давать кому-либо сведения о ее новом месте жительства, вернули меня к вопросу о похоронах.

Теперь на чашу весов с доводами за участие в спектакле, который наверняка устроит из проводов Надюшки в последний путь ее мамаша, легло мое твердое намерение поквитаться с убийцей подруги. Я должна выяснить, не имеет ли выродок за рулем КамАЗа какого-либо отношения к семейству Ткаченко, и начать расследование удобнее всего на похоронах и поминках, где все трое — мать, отчим и брат Надежды наверняка будут присутствовать. О том, чтобы мадам Ткаченко меня не узнала, я могла позаботиться:

парик, очки-хамелеоны, макияж... Да и двадцать четыре года, минувшие с нашей последней встречи, играли на моей стороне. Но как я объясню этой психопатке, кто я Надюшке, откуда узнала об ее гибели и где раздобыла номер телефона Ткаченко? А главное, никакие соображения справедливости, никакая жажда возмездия не способны смягчить омерзение от мысли, что мне придется участвовать в непристойном фарсе над телом подруги, о которой рыдает моя душа. Черт, что же делать?..

Поняв, что меня снова зациклило, достала из сумки книжицу и прихватила в дорогу. С трудом сфокусировалась на названии и в который раз восхитилась собственной интуицией, часто выручающей меня: книжка называлась «Холистическое детективное агентство Дирка Джентли».

5. Надя-Лиза

Визит Ксении привел меня в такое смятение, что я своим видом напугала отца и бабушку Лизы, которые приехали навестить меня позже. Не получив внятного ответа на вопрос, почему я дрожу как осиновый лист, а глаза у меня на мокром месте, они побежали к медсестре, добились, чтобы та привела дежурного врача, в общем, подняли такой переполох, что мне стало совсем уж тошно. Еле дождалась «отбоя», когда закончились последние процедуры, все разошлись, и я, наконец-то, получила возможность выплакаться в подушку.

Почему людям не очевидно, что ближнего в тяжелом душевном состоянии нужно оставить в покое? Или я просто урод, у которого внутренние процессы идут по каким-то особым уродским законам? Впрочем, вопрос риторический, конечно же, я урод: разве нормальный человек обошелся бы так со своей лучшей, единственной подругой?

Ксенька — удивительный человек. На свете есть много людей, которым не нравится видеть в своем окружении печальные лица, но большинство предпочитает их просто не замечать. А Ксенька сближается с несчастными, «берет на абордаж», и — раз-два — вот уже и улыбка на лице. При этом ей и в голову не приходит считать себя благодетельницей. Она искренне полагает, что получает больше, чем дает. А позиционирует себя и вовсе этаким попрыгуньей-стрекозой.

Мои однокурсники после нескольких бесплодных попыток вовлечь диковатую девицу в свою внеучебную жизнь довольно быстро отступились, навесив на нее ярлык «зубрилки-отличницы», повернутой исключительно на учебе. Ксенька прочно обосновалась за моей партией и, как бы невзначай, вытянула из меня правду о бабушке-инвалиде, к которой я мчусь после занятий, после чего под надуманным предлогом попросилась пожить у

меня и незаметно взяла на себя половину моих обязанностей, освободив мне часть вечера для занятий, а ночи — для сна. Причем никто из сокурсников правды не узнал, с Ксенькиной подачи все полагали, будто она ловко решила за счет Стоумовой свою проблему с жильем.

Ксенька спасла мне рассудок, когда бабушка умерла. Почти в буквальном смысле прикрыла собой, заслонив от матери и отчима.

Она всю жизнь помогала мне — с работой, поисками жилья, переездами, решением бытовых проблем. Выслушивала, утешала, вытаскивала в свет, когда удавалось победить ее манию преследования... А я не только оставила ее наедине с ее горем, но и саданула по свежей ране, написав письмо от имени Лизы. А потом сидела, трусливо опустив глаза, чтобы не смотреть ей в лицо, и врала как сивый мерин о последних минутах ее умирающей подруги...

Перевернув намокшую подушку, я подумала, что надо бы умыться, и осторожно спустила ноги с кровати. Встала, держась за металлические перильца в изножье, сделала пару неуверенных шагов к дверному проему и остановилась отдохнуть, привалившись к косяку. Обе двери — в палату и в бокс — были распахнуты, в «предбаннике», где расположены общие на две палаты душ и туалет, горела слабенькая лампочка-ночник, а холл напротив палаты был погружен в темноту, едва-едва разбавленную светом из дальнего конца коридора, где находился сестринский пост. И вдруг я заметила светлое пятно на фоне темной спинки стоящего в холле кресла. Пока приглядываюсь к нему, пятно взмыло вверх, и до меня дошло, что это обмотанная бинтами голова вставшего с кресла человека. Обмотанная целиком, если не считать щелей, оставленных для глаз и рта.

Мое тело отреагировало прежде ушибленных мозгов. Сердце вдруг перешло на бешеный ритм, плечо оторвалось от косяка, рука захлопнула дверь, спина к ней прижалась, а ноги уперлись в пол. Я еще не понимала, чем так напугана (не забинтованной же головой — здесь, в отделении нейрохирургии!), а глаза уже лихорадочно обшаривали палату в поисках орудия защиты. Кровать, тумбочка, кружка, пакет с соком, стул... не подниму... штатив для капельницы за изголовьем моей соседки... Соседка вдруг открыла глаза, перехватила мой взгляд и испугалась... Нет, она мне не помощница, всего два дня как из реанимации, не встает... Господи, он же и ее убьет — как свидетеля!

Обострившимся до болезненности слухом я уловила звуки из-за двери... тихие, осторожные шаги... Закричать? Из перехваченного паникой горла вырвался лишь жалкий писк... Соседка с усилием подняла руку... Вызов медсестры! Умница! Где-то далеко зазвучал зуммер. Шаги замерли, и стало тихо. Медсестра ушла с поста?

Снова шаг... Больше я ничего не слышала, в ушах — грохот, голова-наковальня раскалывалась под молотом боли... Сейчас отрублюсь...

Дверь тихонько толкнула меня в спину. Глаза у соседки стали круглыми, сероватые губы разомкнулись... Давай, милая, кричи! Может, вспугнешь... Я почувствовала, как мое тело сползает по двери вниз. В глазах потемнело, и последнее, что я увидела, — вздетая рука соседки с зажатым в ней металлическим термосом. Бамс! ...

6. Ксения

Я проснулась на рассвете от старого знакомого кошмара. Начинаясь он с приятнейшего открытия: я куда-то бегу, отталкиваюсь, чтобы перепрыгнуть очередное препятствие, и вдруг обнаруживаю, что усилием воли могу удержать себя в воздухе. Какое-то время движение над поверхностью дается мне с трудом, а потом — щелк! — я вдруг вырываюсь из плена земного тяготения и воспаряю. Выше, выше — над деревьями, столбами, крышами, облаками... И там, в заоблачной выси, моя новообретенная способность внезапно мне отказывает. По счастью, размазаться по асфальту я не успеваю: всегда просыпаюсь за миг до столкновения — в холодном поту и с пульсом под двести.

В народе считается, что сны с полетами и падениями видят только дети — когда растут. Психологи как-то увязывают такие сны с творческими процессами. Я же давно вычислила, что мой кошмар — раздраженный вопль интуиции, которую я не услышала накануне. Что-то я вчера сделала не так. Или не заметила чего-то важного...

Перебирать события дня начала с конца. Когда я, полумертвая от усталости, добралась до постели и «поплыла», позвонили детки. Сначала Катька мямлила что-то маловразумительное, потом потерявший терпение Андрюха отобрал у нее трубку и решительно сказал: «Ма, прости, мы были неправы. Если ты не возражаешь, мы бы хотели вернуться». Ха, кто бы сомневался! При всей обиде на свинтусов, демонстративно принявших сторону отца, я ни минуты не переживала, что детки надолго оставят меня одну. Даже жалко, что прозрение у них наступило так скоро, как раз сейчас одиночество мне на руку... Но я, разумеется, не стала им об этом сообщать. Ответила, что извинения приняты и что против возвращения демонстрантов я не возражаю.

Перед тем как лечь, я тоже звонила по телефону одной своей приятельнице. Какой бы специалист вам ни понадобился: архитектор, ветеринар, дантист, дворецкий, парикмахер, переводчик на суахили, проктолог, садовник, сантехник, тамада — у нее всегда можно было раздобыть номер телефона самого лучшего. Вчера я, ловко увернувшись от объяснений, получи-

ла от нее номер частного детектива и созвонилась с ним. Павел Федорович Краевский произвел на меня впечатление человека толкового и некапризного. Деловой звонок поздним субботним вечером он воспринял как нечто само собой разумеющееся, внимательно выслушал мой рассказ про погибшую в аварии подругу, счел резонным мое желание проверить, не причастны ли к аварии Ткаченко, и пообещал завтра же приступить к сбору сведений о них. В ответ на мой вопрос об авансе и договоре предложил встретиться, когда и где мне будет удобно. Не желая злоупотреблять его доверием и терпением, я назначила встречу на сегодня, на двенадцать дня.

Потом стала размышлять, какую ошибку я могла допустить... Вроде бы ничего такого не было. Сначала дорога — электричка, метро. Я думала о Надьке и ее истории, пыталась решить, идти ли на похороны, читала книжку. Потом была тетушка в больничной справочной, информация о везунчике-таксисте, выписавшемся на следующий день после аварии, и мое решение заняться им позже. Может быть, ошибка в этом? Нет, интуиция молчит, не похоже. Телефонный разговор с полицейским, его терпеливый тон, которым он объясняет мне, почему не видит смысла в версии умышленного убийства? Нет, не то.

Изукрашенное сходящими синяками лицо Лизы Рогалевой под шапочкой из бинтов, ее испуганные, виноватые глаза? «Вот оно!» — екает печенка. Почему екает? Чем ей не нравится мое логичное объяснение, что девочка, убежденная в преднамеренном злодействе водителя КамАЗа, испугалась незнакомку, заподозрив во мне убийцу, которая явилась довести дело до конца?

Объясняет ли моя версия виноватый вид девчонки? Вполне. Разве хорошо подозревать в чем-то мирного человека, женщину, которая пришла расспросить о последних минутах своей погибшей подруги? Бац! В памяти всплывает образ проводившего вскрытие врача, с которым я разговаривала в морге той же больницы днем раньше. Большие темные глаза, тяжелые веки, унылый обвислый нос... Сочувственный взгляд, короткое прикосновение сухой ладони к моему предплечью. «Это была быстрая смерть. Вряд ли она успела ее осознать...»

И как теперь прикажете понимать рассказ Лизы о Надьке, умирающей со словами обо мне и завещании? Завещании, которое я действительно нашла в съемной квартире Надежды — в большом англо-русском словаре, стоящем на полке в ряду других таких же крупноформатных томов! Пато-логоанатом ошибся?

Я стала восстанавливать в памяти свою встречу с Лизой, кадр за кадром. Ее опущенные глаза, руки, сжимающие пододеяльник, еле слышный голос, явное смятение и — внимание! — правильная речь. Никаких слов-паразитов, подросткового сленга, большой словарный запас. И это перепуганная, взволнованная шестнадцатилетняя школьница?!

Едем дальше. Вот она заканчивает свой рассказ, и мы погружаемся в молчание. Я сражаюсь с колом в горле, Лиза сочувственно молчит. Потом спрашивает про завещание. Я отвечаю, мысленно переключаюсь на квартиру и Надькину мамашу, потом спрашиваю девчонку, известна ли ее версия аварии полиции. Она вскидывает и тут же опускает взгляд... Стоп!

Кажется, я сошла с ума. Вот эта манера — говорить, опустив глаза, а потом на мгновение поднимать их, окатывая собеседника взглядом, точно водой из ведра — характерная Надькина манера...

Я вскочила с постели, торопливо натянула одежду, потом посмотрела на будильник: четыре часа. Придется ехать на машине. Ничего, мне все равно нужно вернуться в Москву к двенадцати, успею проскочить до воскресных вечерних пробок. Деньги, ключи, документы, темные очки... Сумку на плечо и — на выход.

Верный «Жук» птицей помчался по пустым (о, чудо!) московским улицам. Я вела машину на автомате, размышляя о своем душевном здоровье. Кажется, сомнения в нем — свидетельство того, что все не так страшно — настоящие психи твердо верят, что с ними все в порядке. А со мной явно что-то не так. Не могу назвать себя упертой материалисткой, но мое естественно-научное образование вопиет, когда я слышу или читаю всякую спиритическую ересь. Бог — допускаю, посмертное существование — возможно. Но не здесь. В нашем материальном мире все подчиняется физическим законам, а они исключают материализацию духов и прочую подобную ерунду. И по этим физическим законам не может сознание одного человека вселиться в тело другого. Не может, и все тут! И не спрашивайте, зачем тогда меня несет в Дмитров!

До приемных часов еще очень далеко, а в не приемные в больницу пускают только по спецпропускам, но я вполне обошлась с помощью обыденных дензнаков. Охранник на въезде, медсестра в приемном покое, охранник внутри корпуса — все молча признавали пропускную способность цветных бумажек.

Дверь в нейрохирургическое отделение была закрыта, но окошко в верхней ее части позволило мне разглядеть орудующую шваброй санитарку, которая вчера любезно сопровождала меня до палаты, опустив в карман пару купюр номиналом поменьше. Повезло, что она здесь. Видимо, санитарки в этой больнице работают сутками через трое.

Я постучала по стеклу, привлекая к себе внимание. Бабуля воровато оглянулась и шустро засеменила к двери. Открыла замок, но меня не впустила, сама вышла на площадку со словами:

— Погоди чуток, к твоей щас нельзя, доктор у ней. Накуролесили они с соседкой по палате седни ночью...

— Что случилось? — нервно сглотнув, спросила я..

— Да померещилось чего-то им, по бошкам стукнутым. Какой-то мужик, чи не мужик, с замотанной рожей вроде ломился к ним в палату. Убить, де, хотел. Твоя вскочила, дверь подпирать кинулась, да и свалилась без чувств. А вторая — тертая вроде баба, в годах уже — схватила железяку и давай лупить по батарее. Все отделение подняла и себе навредила: сосуд у ней в мозгу лопнул. А с твоей-то вроде обошлось все. Капельницу ей поставили, психиатра позвали из другого отделения... Ты постой пока здесь, я впусти тебя, когда будет можно. Только ненадолго, нельзя ей теперь посетителей-то — чтоб не волновали.

Я стала ждать под нарастающее тревожное ощущение, что делать этого не стоит. Что вываливать сейчас на бедную девчонку своих «крокодилов» глупо и жестоко. Сейчас нужно звонить детективу, объяснять ему, что семейство Ткаченко безнадежно отстало в забеге на почетное звание убийцы, и что в первую очередь Павлу Федоровичу следует заняться окружением Лизы Роголевой. Нет, в первую очередь пусть посоветует, в какое агентство лучше обратиться за телохранителем для временного инвалида — девочки, лежащей в больнице.

И все-таки я стояла и ждала. Мне нужно было увидеть Лизу. Не для того, чтобы смущать ее безумными вопросами, нет, но я должна как-то дать ей понять, что верю в убийцу с забинтованной головой и играю на ее стороне.

Бабка-конспираторша снова появилась в дверях, сунула мне синюю блузу и штаны технического персонала, шепотом поторапливала, пока я переодевалась, и, приложив к губам узловатый палец, втащила, наконец, в коридор отделения. Здесь я получила ведро со шваброй и, сопровождаемая напутственным жестом, направилась мимо открытой процедурной и дежурного поста в сторону Лизиной палаты. У двери опустила швабру в ведро, отжала тряпку и вошла.

Девушка лежала под капельницей, спокойная и безучастная — видно, накачали чем-то сильнодействующим. Но, узнав в тетке со шваброй давешнюю посетительницу, она широко распахнула глаза.

— Лиза, я хочу, чтобы ты знала: я верю, что ночью к вам в палату рвался убийца. И позабочусь, чтобы больше он не смог к тебе подобраться. Сегодня же найду человека, который будет охранять тебя здесь, в больнице. Не беспокойся ни о чем, выздоравливай. Обещаю тебе: мы поймаем этого маньяка...

7. Надя-Лиза

Сегодня у меня своеобразный юбилей: уже месяц, как я в больнице. Теперь я единственная пациентка в палате, вторую койку занимает женщина-телохранитель, которую ко мне подселили восемь дней назад — под видом

платной сиделки. С тех пор процесс моего выздоровления пошел семимильными шагами. Лечащий врач сияет гордой улыбкой, а когда никто не видит, поглядывает на меня озадаченно. Видимо, пытается сообразить, в чем причина сказочных темпов исцеления.

Я могла бы ему подсказать, но делать этого не стану. Он не верит в охотящегося на меня убийцу и считает появление телохранителя в моей палате пустой блажью богатой дамочки, потакающей болезненным причудам его пациентки. А раз не верит, то и не поймет, почему эта блажь дает такой мощный терапевтический эффект.

Богатая дамочка — это про Ксению. Она всю жизнь ухитряется поддерживать имидж легкомысленной, беззаботной особы, чей единственный смысл в жизни — потакать собственным капризам. Как это ей удастся, ума не приложу, потому что на самом деле Ксенька — человек слова, редких деловых качеств и поразительной душевной широты. Но подать себя она умудряется так, что никому не приходит в голову задуматься, зачем, к примеру, богатой дамочке брать под покровительство стукнутую башкой девицу, вся особенность которой заключается в том, что ей не повезло оказаться в одной машине с погибшей подругой дамочки. А что тут думать? Такие вот у богатых бывают причуды. Спасибо, что дело ограничилось вселением в палату неприметной тетки, которая никому не мешает работать, а то ведь могли бы и кордебалет в больницу притащить...

Анна, моя «сиделка», и впрямь умеет быть невидимкой. Причина не только в том, что у нее заурядная внешность — русые волосы, неинтересная стрижка, невыразительные серые глаза, славянские скулы и нос, — но и в манере держаться. Она молчалива, способна часами оставаться неподвижной, а двигается так бесшумно и плавно, что, если не наблюдать за ней специально, ничем не заметишь. Иногда я даже забываю о том, что она рядом, хотя постоянно ощущаю благотворный эффект ее присутствия: с ней мне не страшно.

Кроме того, Анна — живое напоминание о Ксении, забота которой дает мне шанс не потерять подругу в моем новом воплощении. Лиза Рогалева, беспомощно ожидающая убийцу, в которого никто не верит, безгранично благодарна незнакомой женщине, обеспечившей ей защиту и моральную поддержку. Ксения не может этого не понимать, а значит, ее не удивят Лизины попытки сблизиться. Душевная же широта не позволит ей оттолкнуть девочку. А уж я постараюсь, чтобы мы подружились — вопреки датам рождения, которые проставлены у нас в паспортах. Ксенька никогда не придавала значения статусным фишкам. «Был бы человек хороший, а возраст, одежда, занимаемая должность и социальное положение — вопрос сто тринадцатый».

Я так надеялась, что она приедет в минувшие выходные... Но напрасно. В последний раз Ксения появилась в больнице в то злополучное воскресенье,

когда нас с Ириной Сергеевной, моей бывшей соседкой по палате, чуть не угробил зловещий призрак с забинтованной головой. Дай бог скорейшего выздоровления и всех благ Ирине Сергеевне, чья смекалка нас спасла, но, увы, дорого ей обошлась. Самое обидное, что в наше спасение, как и в призрака-убийцу, никто не поверил: все решили, что у нас случилась галлюцинация — одна на двоих. Все, кроме Ксении, мелькнувшей передо мной наутро мимолетным виденьем со шваброй. И пропавшей вот уже на девять дней.

Правда, меня дважды навестил нанятый ею сыщик — суровый парень лет тридцати пяти с внимательными глазами. В первый раз он посидел у меня совсем немного, зато долго блуждал по корпусу, искал следы забинтованного призрака. Безуспешно. Во второй раз приезжал уже прицельно — расспросить меня о жизни и знакомствах Лизы. Попытал битых два с половиной часа, но все равно ушел неудовлетворенным. Напоследок просил еще раз покопаться в памяти и подумать, у кого может быть мотив от меня (то есть от Лизы) избавиться.

Как будто без его советов я не догадалась бы подумать! Каждый день перебираю доставшиеся мне от Лизы воспоминания, ломаю и без того больную голову, гадая, кому помешала шестнадцатилетняя девчонка. Не богатая наследница, не роковая красавица, не шпионка, не шантажистка, не воровка. Матери?

Тридцатишестилетняя Виталина поглощена устройством личной жизни и последние три года видит дочь хорошо, если пару часов в неделю. Лизу поселили у бабушки с дедушкой, родителей отца, а до этого она два года жила с отцом и его новой семьей. Как я ни напрягаю фантазию, не могу придумать, зачем бы Виталине нанимать для дочери убийцу. Не из-за того же, что Лиза ей дерзила и разбила ее любимую вазочку три года назад?

Отцу?

Василий, видимо, наделал в прошлых жизнях кармических долгов, потому что в этой вкалывает с утра до ночи как проклятый, чтобы обеспечить семью. Врачи, массажисты, тренажеры, лекарства для сына-инвалида, помощница по хозяйству для жены, добровольно взявшей на себя функции круглосуточной сиделки при малыше, — все это требует денег, причем, немаленьких и постоянно. Не верю я, что человек, волокущий на себе такой воз ради сына и жены, вынашивает злодейские замыслы против дочери. Тем более что смерть Лизы в этом раскладе ничего не изменит.

Жене отца?

Все душевные и физические силы Оксаны сосредоточены на больном сынишке. Если бы смерть его единокровной сестры могла как-то способствовать выздоровлению мальчика, я бы не сомневалась, где искать убийцу. А так — не вижу мотива. Температура отношений Лизы и Оксаны близ-

ка к комнатной: не особенно греют, но и не требуют специальных усилий для существования.

Бабушкам-дедушкам?

Родители Виталины виделись с внучкой несколько раз в году — по праздникам и в дни рождения. Родители Василия после выхода на пенсию сами вызвались опекать Лизу: пригласили ее к себе пожить, заботились, пытались наладить отношения. Лиза, хоть и относилась к их внезапно проснувшейся родственной любви с настороженностью, эти усилия ценила, старалась не огорчать бабушку с дедушкой. В этой картинке тоже как будто нет места убийце...

Я почти завершила свою ежедневную умственную пробежку по кругу подозреваемых, когда мои традиционно бесплодные экзерсисы прервало появление Ксеньки. Она не вошла — влетела в палату, вся какая-то встрепанная и возбужденная. Кивнула моей сиделке-телохранительнице в ответ на «здравствуйте» и жестом остановила мое приветственно-благодарственное лепетание.

— Я тоже рада вас видеть, Лиза. Извините за эту бурю и натиск, обязательно выберу время навестить вас без неприличной спешки. Но сегодня я к вам за информацией. Скажите, вам говорит о чем-нибудь фамилия Водопьянов?

Я уже открыла рот, собираясь сказать, что Водопьянов — герой-летчик, спасавший героев-челюскинцев, но успела прикусить язык, сообразив, что вряд ли Ксения примчалась из другого города ко мне в больницу за сведениями, которые можно получить, набрав десять букв в строке любого поисковика. Это не вопрос на эрудицию, которой Лиза похвастать не могла, это справка о личном знакомстве девочки с кем-то, кто, возможно, причастен к покушениям. Стушевавшись под жадным, полным нетерпеливого ожидания, «терьерским» взглядом Ксеньки, я опустила глаза и мотнула головой.

— Сергей Игоревич Водопьянов. Подумайте, Лиза! — Ксения подлетела к стулу у моей кровати, плюхнулась на него, выхватила из сумки смартфон, пробежалась пальцами по экрану: — Вот, взгляните.

С фото смотрел куда-то в сторону нездорового вида мужик лет пятидесяти. Складчатое, точно морда шарпея, лицо, красные прожилки в глазах, на лысом черепе вмятина, как будто ему в младенчестве регулярно давили на темечко. Абсолютно незнакомая физиономия.

— Никогда прежде не видела этого человека, — твердо ответила я и вопросительно посмотрела на подругу.

Ксенька сдулась на глазах, как проткнутый воздушный шарик. Потерла виски, собралась с мыслями и с видимым усилием приступила к объяснениям:

— Вы ведь понимаете, Лиза, что распутывать наш клубок можно с двух

концов. Один путь — отталкиваться от, так сказать, материальных следов, оставленных тем или теми, кто подстроил аварию и пытался добраться до вас здесь, в больнице. Этот путь долгий и трудоемкий. Искать свидетелей, видевших КамАЗ, просмотреть тысячи снимков с дорожных видеокамер, обзвонить автосервисы, проверить здешний персонал, пациентов, их визитеров, отследить способы, которыми в ваш корпус мог проникнуть посторонний, — все это требует массы времени и армии сыщиков. А у Павла, детектива, которого я наняла, маленькое агентство с полудюжиной сотрудников. Поэтому он взялся за дело с другого конца — занялся вашим окружением. Плюс заплатил нескольким людям из больничного персонала, через которых убийца может получить доступ к вам или сведениям о вас, с тем, чтобы эти люди известили его оперативников, дежурящих у больницы, если кто-то будет вами интересоваться.

Я мысленно ахнула, прикинув, в какую сумму обходится Ксении это «удовольствие», и предприняла слабую попытку протестовать, но она снова оборвала мое бормотание решительным жестом.

— Лиза, извините за откровенность, но с моей стороны это не благотворительность. Я не допущу, чтобы эта сволочь, вообразившая себя Господом Богом и распорядившаяся как мусором жизнью моей подруги, осталась безнаказанной. Все, закрыли тему! Так вот, вчера тетушка из справочной сообщила оперативнику Павла, что кто-то звонил в больницу, интересовался состоянием Елизаветы Рогалевой и именем ее лечащего врача. Вчера же вечером вот этот господин — Ксения опять поколдовала над смартфоном и показала мне новое фото, на этот раз — узколицего мужчины лет сорока с породистой восточной внешностью, — занял пост у калитки, за которую выходит покурить народ из больницы, и подловил там медсестру из вашего отделения. К сожалению, оперативник застал лишь конец их разговора, поэтому услышал только взаимные слова благодарности. Зато он слышал другой разговор, который господин вел со своим боссом по телефону из машины. Вы знаете, что есть такие шпионские приспособления, которые позволяют считывать звук по колебаниям стекла?

Я отрицательно потрясла головой. Откуда мне знать? Ни Надежда, ни Лиза не увлекались шпионскими романами.

— Короче, этот тип отчитывался перед неким Сергеем Игоревичем. Сообщил, что вас планируют выписать на следующей неделе, пересказал слухи о ночном инциденте, когда ваша соседка подняла тревогу, подробнейшим образом описал Павла и его попытки найти «забинтованного». В свою очередь, Павел по номеру машины и снимку, переданному оперативником, установил личность господина Мовсесяна Овсепа Вардгесовича, доверенного помощника Сергея Игоревича Водопьянова. Может быть, вы все-таки знакомы с ним, Лиза? Попытайтесь вспомнить, это очень важно!

Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Вполне возможно, что Лиза была знакома с Водопьяновым, но воспоминаний об этом воспоминании мне не досталось.

— А кто он?

— «Богатенький Буратино». Не магнат, не высшая лига, но где-то на верху первой. Я, в сравнении с ним, — соплячка, играющая во дворе с резиновым мячиком, — вздохнула Ксения. — У него несколько пищевых предприятий — мясной комбинат, сыроваренный завод, консервный завод и тому подобное. Сеть продовольственных магазинов, завод по производству тары, автопарк... Ему не то, что КамАЗ, ему целую колонну раздобыть не проблема — вместе с десятком услужливых водителей, готовых раздавить любую не понравившуюся ему легковушку, и автослесарей, которые втихаря легко «подрихтуют» эти КамАЗы. Но главное, у него наверняка первоклассная служба безопасности, и незаметно к нему не подберешься. У нас с Павлом Федоровичем вся надежда была на тебя... Простите, Лиза, на вас. На то, что вы знаете что-нибудь, что помогло бы нам взять его за горло. Но самое скверное даже не то, что к нему невероятно трудно подобраться, самое скверное...

Она вдруг осеклась, но я без труда продолжила про себя ее невысказанную мысль. Самое скверное, что деятеля такого масштаба не остановишь. Если уж он задумал прихлопнуть какую-то ничтожную девчонку, неведомо чем ему помешавшую, он ее прихлопнет.

— Но за что? Что я ему сделала?

— Кто знает? — огорченно и несколько виновато посмотрела на меня Ксения.

— Может быть, и вовсе ничего. Может быть, он таким иезуитским образом мстит кому-то из ваших близких.

— Это вряд ли, — невесело усмехнулась я. — Я тут изнасиловала себе мозг, припоминая в подробностях свои взаимоотношения с близкими. И дело не в том, что этих подробностей так уж много, а в том, что отношений-то как таковых и не было. Сомневаюсь, что моя смерть станет для кого-нибудь трагедией.

В Ксенькиных глазах быстрой рябью пробежали отражения сочувствия, любопытства, печали, злости...

— Знаете что? — сказала она, разворачивая стул и устраиваясь на нем поудобнее. — А давайте вы мне вот так в подробностях все и расскажете.

8. Ксения

Я вышла из больницы разочарованная и злая. В последний момент с трудом удержалась, чтобы не пнуть с досады кошку, метнувшуюся мне под ноги у калитки с просительным «мявом».

— Извини, киса, сегодня у меня для тебя ничего нет, в другой раз припасу.

Закрывает за собой калитку, добрела до стоянки, отключила сигнализацию и залезла в машину. Надеюсь, вечером в сторону Москвы пробок не будет. Мне нужно успокоиться и подумать.

По большому счету, пинать мне следовало бы себя. Разлетелась на радостях, что мы вот-вот прижмем ублюдка, накинулась на девчонку с этой фоткой, а потом от расстройств, что она не признала Водопьянова, совсем перестала соображать, напугала бедняжку чуть не до слез, как будто ей без меня мало причин плакать...

Нет, ну какими же сволочами бывают люди! Зачем рожать детей, если вам на них наплевать? Я сама далеко не идеальная мамаша, но до тех пор, пока мои ежики не отрасли жесткие иголки и не начали на меня воинственно фыркать, я возилась с ними ежедневно: играла, читала, расспрашивала о делах, помогала делать домашние задания и разбираться с житейскими неурядицами...

Хотя я тоже хороша! Что бы мне раньше, в первый свой приезд, не поинтересоваться у Лизы, какие у нее отношения с родными? Хотя бы из соображений, что именно она — возможная цель уroda за рулем КамАЗа. Знала бы, что девчонка настолько одинока, выкроила бы время приехать к ней просто так — поболтать, поддержать...

Правда, это было бы совсем не просто: работа, которую я после известия о Надькиной гибели совсем забросила, вернувшись «ежики», жаждущие внимания и понимания, ежедневные телефонные переговоры с Павлом Краевским, проводы Надежды...

Павел по каким-то своим каналам узнал, какой ритуальной конторе мадам Ткаченко вверила тело дочери, и выяснил дату кремации. Если бы это были традиционные похороны, я бы туда не пошла, поплакала бы на Надькиной могилке днем позже. А в крематорий поехала. Явиться на церемонию прощания так себя и не уговорила, только заглянула в зал — бросить последний взгляд на Надюшкино лицо, но и этого хватило, чтобы совершенно расклеиться...

Вечером Павел позвонил мне с очередным отчетом и, поняв по голосу, в каком я состоянии, примчался утешать...

Похоже, он ко мне равнодушен. Эх, будь я на десять лет помоложе, да разведись на пару лет пораньше!.. Краевский относится к тому типу мужчин, которые мне всегда нравились. Спокойные, умные, надежные. И, что для меня немаловажно, привлекательные. У Павла тонкие черты лица, четкая, «волевая» линия подбородка, высокий лоб, внимательные карие глаза. Хорошая фигура — поджарая, сухощавая. Надька, с ее забавной при-

вычкой искать во всех собачьи черты, наверняка сравнила бы его с доберманом... Надька-Надюшка, как же я теперь без тебя?!

Как она любила собак! Наверное, не было ни одного пса, рядом с которым она при встрече не присела бы на корточки, чтобы почесать брюшко, которое ей с великой охотой подставляли даже самые свирепые волкодавы. Она наводнила бы дом собачьими найденышами, если бы не жила на съемных квартирах. И если бы не боялась, что в случае ее болезни или смерти они пропадут, как несчастный белый Бим. Так и жила одна, а свою неизбывную любовь к псыему племени выплескивала, волонтерствуя в приютах для бездомных животных. Лечила, выгуливала, мыла, вычесывала, играла... И, как я подозреваю, оставляла там почти все деньги, которые зарабатывала...

Ненавижу идею, будто Бог особенно щедр на испытания к тем, кого больше любит, но что-то в ней есть. Я не раз замечала, что обделенные нормальным человеческим счастьем люди находят смысл жизни и достоинство, помогая тем, кому приходится еще хуже. Хотя и не всегда. Озлобленных личностей среди «лишенцев» тоже хватает. Полагаю, разница между первыми и вторыми определяется выбором: брать на себя ответственность за собственную жизнь или считать себя жертвой...

Интересно, какой выбор сделает бедная Лиза? Загадочная девочка Лиза с удивительно правильной для шестнадцатилетнего подростка речью, виноватыми глазами и Надькиным взглядом...

Усилим воли я в очередной раз отогнала от себя шизофренические подозрения. Успею еще испытать свое душевное здоровье — когда разберусь с убийцей. Кстати, нужно бы позвонить Краевскому. Правда, ничего полезного я не выяснила, но отсутствие результата — тоже результат, а напрасные ожидания, возможно, мешают ему сосредоточиться на деле.

Съехав на обочину, я остановила машину и, позвонила Павлу, чтобы рассказать о своем визите в больницу... Он тяжело вздохнул, но мужественно попытался меня подбодрить:

— Не расстраивайтесь, Ксения, мы что-нибудь придумаем. Жаль, конечно, что девочка ничего не знает, но, честно говоря, шанс, что ее знания помогут нам найти управу на господина Водопьянова, был невелик. Крупную дичь с налета не завалишь, нужно долго и старательно копать яму-ловушку. Причем копать скрытно, чтобы дичь ничего не заподозрила.

— И много уже накопили? — шутливо поинтересовалась я.

Но Краевский, не поддержав шутливый тон, на полном серьезе доложил о том, что успел узнать о Водопьянове из открытых источников.

Водопьянов Сергей Игоревич родился в Липецке в шестьдесят девятом году. Единственный ребенок в семье инженера-металлурга и технолога-кондитера. В восемьдесят шестом году поступил в Московский технологи-

ческий институт пищевой промышленности, в восемьдесят восьмом женился на однокурснице Татьяне Кузнецовой, дочери партийного функционера. В восемьдесят девятом у молодых супругов родился сын Григорий. В девятносто первом Водопьянов-отец зарегистрировал свою первую фирму.

При дележе партийного пирога отцу его жены, Григорию Дмитриевичу Кузнецову, удалось урвать свой кусочек, но заняться предпринимательством лично он не пожелал, предпочел инвестировать деньги в чужие проекты. В частности, помог основать бизнес зятю, предоставив кредит и обеспечив нужные связи.

Брак Сергея и Татьяны распался вскоре после смерти Кузнецова, скончавшегося в две тысячи четвертом году от последствий диабета. В две тысячи пятом Водопьянов женился вторично — на гражданке Чехии Ирине Порецкой, бывшей нашей соотечественнице. После женитьбы поселился в Праге, практически порвав отношения с сыном, который воспринял уход отца в новую семью крайне враждебно.

Во втором браке своих детей у Водопьянова не было, но он удочерил ребенка жены, Злату Порецкую и дал девочке свою фамилию.

В две тысячи десятом году Водопьянов развелся и со второй женой, после чего вернулся в Москву. По возвращении снова активно занялся бизнесом, от управления которым устранился, пока жил в Чехии, восстановил отношения с сыном. Григорий Водопьянов к тому времени окончил РЭУ (Плешку), и отец подарил ему одну из своих торговых фирм.

В две тысячи тринадцатом Водопьянов вновь отошел от дел, передоверив их своим управляющим, а обретенный досуг посвятил туризму. Часто бывает в Швейцарии, Германии, Израиле, Испании, где сейчас проживают его родители. Занимается благотворительностью, не афишируя этого. В частности, финансирует детский дом для сирот-инвалидов и некоторые медицинские исследования. В светской жизни практически не участвует.

— Это пока все, — завершил отчет Павел. — Сейчас мы ищем частные источники, из которых можно почерпнуть информацию, не привлекая внимания службы безопасности Водопьянова.

— А такие существуют? — с сомнением спросила я.

— Конечно. Социальные сети, блоги сотрудников и приближенных лиц, бывшие работники из obsługi — любители поболтать. По-настоящему секретные сведения из них не выжмешь, но скрытые течения иногда угадываются по движению шелухи на поверхности.

Мы попрощались, и я снова отправилась в путь, размышляя теперь уже о Водопьянове. Удалившийся на покой богатый делец, похоже, не особенно удачлив в личной жизни. Путешественник и благодетель сирот-инвалидов. Где, в какой момент могла перейти ему дорогу девочка, живущая, по сути,

в другом мире — одиноком мире неприкаянного подростка со всеми входящими, включая безнадежно безответную любовь и равнодушие близких? Насколько я помнила отчеты Павла, вероятность даже чисто случайной встречи Лизы с Водопьяновым слишком мала. Родственники Лизы — люди среднего достатка, если они и посещают границы, то наверняка не самые фешенебельные места. Недорогие экскурсионные туры, трехзвездочные отели и рестораны, скромные лавочки и магазины... Держу пари, воротила пищевого бизнеса на покое отдыхает и развлекается совершенно иначе.

Может быть, кто-нибудь из родственников Елизаветы сблизился с Водопьяновым в демократичные советские времена? Тогда они могут поддерживать отношения до сих пор: разница в уровне благосостояния иногда не мешает старой дружбе, тем более — старой вражде.

Я снова остановила машину и взяла смартфон. На этот раз полезла в почту, просматривая письма Краевского. Ага, вот он, прикрепленный файл, который мне нужен: Родственники Елизаветы Рогалевой.

«Мать: Виталина Аркадьевна Рогалева (в девич. — Кошкина), 1980 г.р., место рожд. Москва, образование — неполн. высшее (3 курса ФА), операционист в частном банке «Европромторг»;

Дед (отец Виталины): Аркадий Михайлович Кошкин, 1952 г.р., г. Клин Моск. обл., обр. высш. (МФИ), начальник отдела инвестиций в том же банке;

Бабушка (мать Виталины): Инна Леонидовна Кошкина (в девич. — Штерн), 1955 г.р., г. Винница, обр. высш. (МСХА им. Тимирязева), заведующая ателье по пошиву меховой одежды;

Отец: Василий Николаевич Рогалев, 1979 г.р., Москва, обр. высшее (МТУСИ), руководитель инженерной группы компании «ОВС-05» (прокладка оптоволоконного кабеля);

Дед (отец отца): Николай Васильевич Рогалев, 1950 г.р., Москва, обр. высш. (МАДИ), пенсионер, бывший зам. нач. дорожно-строит. треста;

Бабушка (мать отца): Алевтина Георгиевна Рогалева (в девич. — Кузьмина), 1953 г.р., г. Ивантеевка (Моск. обл.), обр. высш. (МЭСИ), пенсионерка, бывший бухгалтер колледжа «Метрострой»;

Брат по отцу: Евгений Васильевич Рогалев, 2012 г.р., Москва, инвалид детства (ДЦП);

Мачеха (жена отца): Оксана Алексеевна Рогалева (в девич. — Трофимова), 1984 г.р., г. Иваново, обр. высш. (Текстильная академ.), домохозяйка, бывший менеджер рекламного агентства «Лингра»;

Отец мачехи: Алексей Петрович Трофимов, 1960 г.р., место рожд. г. Муром Влад. обл., обр. ср.-техн. (Влад. эл-тех. техникум), наладчик оборуд. на Ивановском текстильн. комб-те, проживает в Иваново;

Мать мачехи: Марина Андреевна Трофимова (в девич. — Любимова), 1964 г.р., г. Иваново, обр. средн., ткачиха Ивановского текстильн. комб-та».

Итак, что у нас получается, если перевести с казенного на человеческий язык? Мать Лизы на одиннадцать лет моложе Водопьянова, училась (и не доучилась) в финансовой академии, к пищевой промышленности отношения не имеет, по работе с Сергеем Игоревичем наверняка не пересекалась. Если Водопьянов и имел дела с банком, в котором она работает, то принимал его кто-нибудь из банковского руководства, уж никак не простая операционистка. Случайное знакомство, переросшее в амурную интрижку? Вряд ли. Надо будет еще разок взглянуть на список настоящих и бывших бойфрендов Виталины (кажется, он валяется где-то дома), но, насколько я помнила, фамилия Водопьянов там не фигурирует.

Отцу Виталины шестьдесят три года, для друга юности сорокашестилетнего Водопьянова староват. Деловые контакты — уже вероятнее: статус начальника отдела инвестиций позволяет вести переговоры с богатыми клиентами банка. Но едва ли этот статус дает возможность насолить богатому клиенту так, чтобы тот начал вендетту, открыв охоту на внуку банковского менеджера.

Бабушке Инне шестьдесят один, родилась на Украине, училась в Тимирязевке, заведует меховым ателье. Для подруги молодости или любовницы Водопьянова опять-таки старовата, пересечение деловых интересов крайне маловероятно.

Папа Вася на десять лет моложе Сергея Игоревича, учился в Институте связи, работает по специальности. Для старого друга или врага слишком молод, для всего остального — слишком далек.

Его родители-пенсионеры на роль жертвы возмездия тоже не годятся — ни по возрасту, ни по месту рождения и учебы, ни по профессии... Так что малыша-инвалида и семейство из текстильной столицы нашей родины можно не рассматривать: им убийством Лизы Рогалевой не отомстишь.

Похоже, мотив опосредованной мести не проходит. Или мне просто не хватает данных, чтобы его разглядеть? Хоть режьте меня, не могу придумать, зачем еще богатому сорокашестилетнему дяде убивать шестнадцатилетнюю школьницу, с которой он даже не знаком! Или Лиза меня обманула? Да нет, ерунда — зачем? И потом, у меня достаточный опыт общения с подростками, чтобы чувствовать, когда они лгут. Нет, скорее всего, у убийцы просто другой мотив, который я не могу вычислить из-за недостатка информации.

Иногда целое можно восстановить по нескольким фрагментам, но для этого фрагменты должны быть ключевыми, «говорящими». У меня же куча сведений, из которых можно сложить довольно полную картину жизни Лизы и ее семьи, и несколько фактов, позволяющих представить в общих чертах жизнь господина Водопьянова, но нет ни одного «узлового» фрагмента, который позволил бы соединить их истории. А значит, нет смысла и строить версии, нужно подождать, пока Павел чего-нибудь накопает.

Придя к этому разумному выводу, я собралась выйти из почты, отложить смартфон и возобновить путь, но тут заметила во входящих новое письмо — от Marychen999. (Почему Марихен, если она — Лиза?)

Ксения, мне только что сняли повязку. Голова обрита, в зеркале можно рассмотреть форму черепа. Боюсь подумать, что может означать такое совпадение, но у меня на темени ямка такой же формы, как у Водопьянова на том фото, которое Вы мне показывали.

Л.

Я свернула окно, тыкнула в иконку «Сообщения», нашла MMS, переданное через Павла его агентом-оперативником. Так и есть. На темени Водопьянова — вмятина, как будто скульптор, лепивший его голову, в какой-то момент забылся и оперся на только что законченный череп основанием ладони.

Вот он, «говорящий» фрагмент, позволяющий связать две разнородные картины! На своем веку я повидала достаточно лысых и бритых черепов, чтобы с уверенностью утверждать: эта вмятина — особенность, не более распространенная, чем родимое пятно какой-нибудь характерной сложной формы. Два человека с такой особой приметой почти стопроцентно связаны родственными узами...

Лиза — дочь Водопьянова? У него все-таки была случайная (или несчастная) интрижка с Виталиной? Хорошо, допустим. Виталина забеременела и, поняв, что от «мажорной» жены Водопьянов не уйдет, «прикрыла грех», быстренько окрутив Василия Рогалева. Или просто сообщила мужу, что он скоро станет отцом — если они уже были женаты. Ну и что? Зачем Водопьянову после стольких лет понадобилось избавляться от непризнанной дочери? Виталина решила его шантажировать? Но чего — или кого — бояться богатому мужику, давно разведенному с женщиной, которой он когда-то изменил? Не мести же со стороны инженера-связиста!

Может быть, Лиза не дочь, а младшая сестра Водопьянова? То есть Виталина путалась не с Сергеем, а с его отцом? Тоже ерунда! Если бы состояние в семье нажил Водопьянов-старший, то у младшего был бы мотив для убийства сестры — наследство. Но деньги в семье принадлежат Сергею, а «братская» ревность или обида за мать в данном случае на мотив не тянут: ведь папаша не потрудился даже взглянуть на внебрачного ребенка. Или потрудился, но издали, и на этом счел свой отцовский долг полностью исполненным.

Что-то у меня опять не складывается. Не могу придумать, зачем богатому, независимому, ушедшему на покой бизнесмену устранять младшую близкую родственницу, если это родство не признано официально...

Стоп! А почему мы с Павлом решили, что Водопьянов убийца? Только потому, что сигнальную сеть, расставленную на случай нового появления

убийцы в больнице, зацепил водопьяновский личный помощник и доложил шефу о том, что творится вокруг Лизы? Но господин Мовсесян приехал только вчера — после того, как кто-то позвонил в справочную и поинтересовался, что с Лизой, и кто ее лечащий врач. Если этим звонившим был Мовсесян или сам Водопьянов, получается, они только недавно узнали о том, что Лиза попала в больницу. А человек с забинтованной головой ломился к ней в палату десять дней назад. К тому же, Водопьянов с его возможностями вряд ли нанял бы киллера-дилетанта, который дважды провалил дело. И не стал бы марать руки лично.

Но если убийца не от Водопьянова... Боже мой, это же все решает! У нас есть четыре кандидата с солидным мотивом, но только у одного из них имелась несомненная возможность. И, что особенно приятно, его можно сдать родным властям, не опасаясь, что он уйдет от наказания. Потому что, если я правильно понимаю, Водопьянов в этой игре либо примет нашу сторону, либо самоустранится...

Я снова позвонила Краевскому.

— Павел, как вы считаете: владелец одной-единственной торговой фирмы — достаточно мелкая дичь, чтобы попытаться завалить ее сходу?

9. Надя-Лиза

Ночью я долго не могла уснуть. В конце концов Анна решила, что при переломе черепа бессонница не полезна, и вызвала дежурную медсестру, а та дала мне снотворное. Но спала я все равно плохо. Утром во время обхода лечащий врач, увидев, в каком я состоянии, отправил меня на ЭЭГ, а потом устроил разнос. Кричал, что стресс мне противопоказан, что я доведу себя до эпилепсии, требовал, чтобы я прекратила воображать всякие ужасы и себя накручивать. Чудак-человек! Можно подумать, теперь, после его выволочки и угрозы отложить выписку еще на неделю, я волшебным образом успокоюсь.

И Анна туда же... Нет, она еще круче. Доктор хоть не знает, что привело меня в такое состояние и думает, будто я сама себя взвинчиваю глупыми фантазиями. Анна же была рядом во время вчерашнего визита Ксении, слышала ее рассказ про Водопьянова, успокаивала меня после того, как я разглядела в зеркале вмятину под коротким ежиком отросших на темечке волос и объяснила ей, что видела такую же на фото.

— Бывает. — флегматично пожала плечами моя «сиделка». — Не бери близко к сердцу. Знаешь, сколько народу сильно удивилось бы, если бы ввели обязательный тест на отцовство?

Наверное, она прекрасный телохранитель, но в задушевные подружки я ее определенно не выбрала бы. Надо быть крайне бесчувственной особой, что-

бы сказать такое девочке, которая только что узнала, что всю жизнь считала отцом чужого дядю, а биологический отец пытается ее уничтожить. Даже думать не хочу, как это открытие подействовало бы на настоящую Лизу...

К слову, о подругах. Ксенька ответила на мое письмо очень эмоциональным, но совершенно невразумительным посланием:

Лиза, ты умничка!

Теперь я обо всем догадалась и уверена, что все будет хорошо. Убийца до тебя не доберется и сядет как миленький. Сейчас нет времени на объяснения, приеду завтра вечером или послезавтра утром, расскажу. Ты, главное, не волнуйся и ничего не бойся!

Ксения.

Добрая душа, она, видимо, полагает, будто меня успокоила. А на самом деле ее послание только усилило мандраж, из-за которого я не нахожу себе места. Визит Лизиного отца (точнее, человека, которого она считала отцом) благотворного влияния на мои расшатанные нервы не оказал. Мы оба испытываем неловкость в присутствии друг друга и не знаем, о чем говорить после того, как стандартные вопросы и ответы (о здоровье и новостях) иссякают. Василий не привык общаться с дочерью и, видимо, чувствует себя виноватым перед ней. Я же помимо чувства вины испытываю острую жалость к этому замотанному, замученному жизнью парню, выкраивающему время, чтобы через день ездить за город, навещать девочку, которая, как выясняется, вовсе ему не дочь. Что с ним будет, когда он об этом узнает?

На этот раз наша взаимная неловкость была настолько мучительна, что Василий попрощался уже через полчаса. Когда он ушел, мне стало немного легче, но волнение, вызванное ожиданием Ксеньки, опять захлестнуло меня по самую макушку. Я пыталась читать, решать sudoku, теребила Анну, расспрашивая ее о прошлых клиентах — ничего не помогало. При мысли о том, что Ксения может приехать не сегодня, а завтра, меня начинало потряхивать, и Анна грозилась снова вызвать медсестру.

Но Ксенька все-таки пришла.

— Привет! Сгораешь от нетерпения? — Она выглядела оживленной и даже веселой, но я слишком хорошо ее знаю, чтобы не почувствовать в этом оживлении некоторый напряг. Чем-то она смущена или расстроена.

— Сейчас я тебе все расскажу, но сначала открой мне тайну: почему все-таки Марихен? — спросила Ксенька.

Я улыбнулась. Меня тоже, помню, удивил Лизин мейл, но позже я нашла в ее воспоминаниях объяснение.

— Вы знаете песенку «Мой Лизочек так уж мал»? Ее слова — отредактированная Чайковским версия стихотворения Аксакова.

— И в оригинале крошку зовут Марихен? — мгновенно догадалась умная Ксенька, получив подсказку. — Забавно. Ну что же, теперь я готова выполнить свою часть обязательств. Тебе как, рассказывать по порядку или сначала ответить на вопросы?

— Сначала на вопросы. Водопьянов — мой отец?

— Да.

— И он пытается меня убить?

— Нет. Извини, что заставила тебя так думать, напугала... Ума не приложу, что на меня нашло, как я могла не заметить очевидного неправдоподобия этой версии? Еще вопросы имеются?

— Имеются, но с ними я потерплю до конца вашего рассказа.

— Ага, ну что ж... Все началось с того, что Сергей Водопьянов, единственный сын технолога и инженера-металлурга из Липецка, поступил в московский пищевой институт. Шел восемьдесят шестой год, Горбачев уже был Генсеком, свистопляска с развалом СССР и победой дикого капитализма еще не началась, но веяния уже были. Водопьянову повезло (или не повезло, это как посмотреть) попасть в одну группу с дочерью большого партийного геноссе и вызвать в ней нежные чувства. Девушка настояла, чтобы Большой Папа дал согласие на ее мезальянс с простым парнем из провинции.

Таким образом, в девяностом году, когда пошла вакханалия с разграблением народного добра и переделом собственности, юноша получил начальный капитал и полезные связи, позволившие ему заложить фундамент будущего благосостояния. Но вместе с бочкой меда ему досталась неизбежная ложка дегтя: ящер-тесть открытым текстом пообещал неприятную смерть близким парня и ему самому, если он позволит себе обидеть жену. Причем под обидой подразумевалась не измена как таковая, а серьезные отношения, которые могли угрожать браку.

Десять лет изрядно напуганный Сергей был примерным мужем и отцом, а потом природа сказала свое веское слово, и парень влюбился до безумия.

— В Виталину? — недоверчиво спросила я, окинув мысленным взором хорошенькую, но пустенькую мать Лизы.

— Нет, — понимающе усмехнулась Ксения. — Не настолько у твоего папеньки плохо с головой. Твою настоящую мать зовут Ириной.

— Но... Как же Рогалевы? Они знали?..

— В том-то и дело, что нет, — вздохнула Ксюха. — Ума не приложу, как теперь разгрести все, что наворотил с перепуга твой отец, чтобы никто не подвинулся рассудком. Я бы точно подвинулась, если бы узнала, что мои дети на самом деле не мои, а моих воспитывают совершенно чужие дядя и тетя. Не могу выразить, до какой степени я тебе сочувствую, Лиза!

— Спасибо, — прошептала я и опустила глаза. По совести, нужно бы утешить Ксеньку, дать ей понять, что мой рассудок ее новость не сокру-

шит, но как это сделать, не признаваясь, что я не совсем Лиза? — Я не очень... Вы же знаете, мы с родителями никогда не были близки.

— И теперь этому находится объяснение, — сухо проговорила она. Я съежилась, но тут же поняла, что ее неодобрение относится не ко мне, а она продолжала: — Хотя, вообще-то, эта история слишком драматична, чтобы судить ее участников по стандартным нравственным меркам. Сама понятия не имею, как поступила бы на месте твоего отца. Ирина была на сносях, когда он, возвращаясь от нее как-то вечером, обнаружил за собой слежку. Нужно сказать, что он уже имел возможность убедиться — не на собственном, правда, примере, — что слов на ветер его тесть не бросает. Ирине, ее ребенку, родителям Сергея и ему самому действительно грозила смертельная опасность. Твой отец к тому времени был уже достаточно состоятелен, но возможности тестя превосходили его собственные на порядок. Сергей решил, что единственный, не самый верный, но все же шанс защитить дорогих ему людей — покончить с собой.

И тут в игру вступает господин Мовсесян, доверенное лицо, которому твой отец поручил приобрести для него пистолет. Овсеп Вардгесович был на десять лет моложе Сергея, при этом тонкость ума и прочие превосходные качества лучших сынов древнего народа позволили ему к двадцати годам не только стремительно взлететь по карьерной лестнице, но и завоевать сердечное расположение, практически дружбу босса. Сопоставив поручение с бледным цветом лица патрона, Мовсесян пришел к правильным выводам и убедил Сергея полностью ему довериться. Он же был автором и исполнителем идеи, благодаря которой ты стала Елизаветой Роголевой. По его совету Сергей полностью прекратил общение с Ириной, доверив ее судьбу и судьбу своего ребенка Овсепу, который организовал подмену детей в роддоме, подкупив кого-то из персонала, а позже — эмиграцию Ирины с младенцем в Чехию.

До две тысячи четвертого года Сергей честно держал данное помощнику слово и не пытался связаться с Ириной и навести справки о родной дочери. А потом ящер-тесть преставился. Выждав полгода, Водопьянов развелся с женой, переехал в Чехию, женился на Ирине и удочерил девочку, которую она считала их общей дочерью. Но счастливая жизнь у них не сложилась: твой отец, как ни старался, не смог по-настоящему привязаться к чужому ребенку. Ирина интуитивно чувствовала его равнодушие, оно обижало ее, а объясниться с ней начистоту Сергей не посмел — слишком велика была его вина. В десятом году они тихо — по взаимному согласию — развелись, Сергей вернулся в Москву и попытался как-то обустроиться в руинах, в которые превратил собственную жизнь.

Первым делом он помирился с сыном от первого брака. Григорий громгласно отрекся от отца, когда тот развелся с его матерью и женился на

Ирине, заклеил его предателем и отказался от общения в любой форме. Но тогда ему было пятнадцать, а к моменту возвращения Сергея исполнился двадцать один год. Мальчик немного поумнел — не только из-за того, что стал старше, но и потому, что его мать, которой Водопьянов при разводе честно оставил половину имущества, вышла замуж за молодого человека тридцати с хвостиком лет и полностью доверила свои финансовые дела новому мужу. А когда Григорий попробовал протестовать, сообщила сыну, что он уже совершеннолетний, следовательно, на ее деньги не имеет никакого права, и распоряжаться ими она будет так, как сочтет нужным. Словом, возвращение блудного отца, готового подставить обиженному мальчику плечо и карман, пришлось Григорию как нельзя кстати.

Помириться-то они помирились, только вот душевным теплом в их отношениях не пахло. Не нравились они друг другу — чисто по-человечески, и с этим ничего нельзя было поделать. М-да... Словом, Сергей все чаще стал обращаться мыслями к дочери, которая его волей считала родителями чужих людей.

Он не собирался являться к Рогалевым с повинной и ломать жизнь — им и тебе. Но Мовсесян по его просьбе слеживал за вами и держал патрона в курсе. Так Сергей узнал про развод Рогалевых, про твой подростковый бунт. Это благодаря его скрытому вмешательству в школе подняли тревогу, а тебя положили в клинику, которую он тайком и оплатил процентов на восемьдесят.

— Андрея тоже он ко мне пристроил? — спросила я с неожиданной для себя горечью.

— Ну... в общем, да, — не без смущения признала Ксенька. И, разозлившись, добавила: — Демиург хренов! Нанял психологов, просчитал варианты, состряпал сценарий...

— Но ведь помогло же, — криво усмехнулась я. — Что, и безумная жена Андрея была частью сценария?

— Нет, это у них накладка вышла. Андрею запретили рассказывать про сценарий, а жена у него действительно бешено ревнивая: сканирует все его контакты — звонки, переписку. Вот и вычислила тебя. После учиненного ею скандала он в их играх участвовать отказался, да они и сами поняли, что с этой сюжетной линией пора закругляться.

— Понятно. А до запуска новой подослали ко мне Ирину Анатольевну, которая отправила меня к чудо-творцу. И на каком же этапе к производству этого кино подключился убийца?

— Вот как раз после скандала, который устроила тебе «Отела», и подключился. За это тебе тоже нужно благодарить Мовсесяна. Может, ты ему чем-нибудь насолила в прошлой жизни? Что-то подозрительно роковую

роль он играет в этой... — пошутила Ксекнька, а я в ответ натянуто улыбнулась.

Она заметила мою неловкость, но трактовала ее неверно.

— Устала? Собственно, я почти закончила. Хитроумному Овсепу изменила его мудрость, и он влюбился в юную девицу, которая работает у Водопьянова в секретариате. Девица же нацелилась на молодого Водопьянова, который, используя ситуацию, подбил барышню на шпионаж. Я так думаю, молодой человек почувствовал прохладное отношение со стороны папы и испугался за наследство: у Сергея, если помнишь, есть еще приемная дочь. В общем, что бы ни руководило Водопьяновым-младшим, он уговорил девицу влезть к Мовсесяну в доверие и таким образом узнал страшную тайну отца. Дальше, я думаю, понятно. Родная дочь, не приемная, а папенька, к тому же, активно участвует в ее судьбе. Нужно было срочно что-то делать, иначе наследство растает в туманной дали...

— Он сознался?

— Еще нет, но никуда не денется, сознается. Люди Павла нашли недавно отремонтированный КамАЗ в гараже его фирмы и выяснили, что в конце мая эта машина фантастическим образом исчезла с охраняемой территории, а вернулась уже в отремонтированном виде. Охранник, в дежурство которого пропал КамАЗ, уволился, но Павел его отыщет и показания вытрясет, не сомневайся. Не исключено, конечно, что сынок поручил это деликатное дело кому-то еще, но я сильно сомневаюсь. Не те у него доходы и не то влияние. А права категории Цэ у него есть.

— А здесь, в больнице тоже был он?

— Нет, это была та самая девица из секретариата. Павел нашел ее фамилию в списке платных пациентов неврологического отделения — в этом же корпусе, только на четвертом этаже. Думаю, они подобрали ключ от двери на запасную лестницу — она в двух шагах от вашей палаты. После того как погасили свет, девица прокралась в ваш холл и устроилась в засаде. Ждала, пока все уснут, а дежурная сестра уйдет в комнату отдыха. А потом ты ее засекла и она, видимо, с досады решила действовать напролом. А когда твоя соседка подняла шум, испугалась, шмыгнула на лестницу и поскакала в свое отделение. Вот ее нам, боюсь, не прищучить — свидетелей нет. Но Сергей Игоревич, будь уверена, позаботится, чтобы она пожалела о своей аванюре.

— Вы с ним виделись?

— Разумеется. А откуда же, по-твоему, мне известны подробности вашей семейной драмы? Нет, я, конечно, редкая умница: как только получила твое письмо, сразу догадалась, кто убийца. Хотя это было несложно. Мотив-то есть у четверых: у родителей Сергея, сына и приемной дочери.

Но все кроме сына живут за границей и вряд ли стали бы засылать сюда шпионов, а потому о тебе никто кроме Григория выведать не мог. Кроме того, у Григория торговая фирма, а значит, он может заниматься и грузоперевозками — вот тебе и КамАЗ. В общем, любой бы догадался. А вот до того, что ты — подмененный ребенок, мне бы ни в жизнь не додуматься. Я тоже на Виталину грешила.

— А... как вы его нашли?

Я спрашивала о впечатлении, которое на Ксению произвел Водопьянов, но она поняла вопрос в прямом смысле.

— Через Мовсесяна. Когда прочитала твое письмо, сначала позвонила Павлу, он тут же отрядил своих людей на поиски КамАЗа и свидетелей, а я подумала, что нужно бы проверить, как отнесется к этому господин Водопьянов. Вдруг встанет на дыбы — сын все-таки. Позвонила Мовсесяну — его номер телефона был в отчете, который мне позавчера прислал Павел. Сказала, что хочу встретиться с Сергеем Игоревичем по поводу Лизы Рогалевой. Мовсесян пробормотал что-то неопределенное, типа «я выясню и вам перезвоню», а через пять минут позвонил его патрон и пригласил к себе, у него загородный дом на Новой Риге, здесь неподалеку.

— Как же вы не испугались? А если бы Водопьянов все-таки встал на дыбы?

— Вот и Павел устроил мне головомойку на ту же тему, — вздохнула Ксения. — Не испугалась вот. У меня интуиция хорошо работает. И вообще, победителей не судят. Зато теперь мы точно знаем, что Водопьянов не прикопает где-нибудь по-тихому наших людей и вообще не будет вставлять нам палки в колеса. Кроме того, прояснился момент с девицей: Мовсесян покаялся. А так Павел потратил бы еще прорву времени, пытаюсь найти следы Григория в больнице. И потом — вот. — Ксения вытащила из сумки конверт и протянула мне. — Это тебе. От отца. Мне выйти?

Я отрицательно качнула головой и вскрыла конверт.

Дорогая Лиза!

«Нет на свете греха горшего, чем трусость». Наверное, я как никто другой понимаю правоту Булгакова. За последние десять лет не было, кажется, ни единого дня, когда бы я, подобно его Пилату, не казнил себя за принятое однажды решение.

Не вижу смысла оправдываться и просить прощения; вина моя перед тобой безмерна, мне нет ни извинений, ни оправданий. Но, хотим мы того или нет, мы — продолжение своих родителей, и, возможно, когда-нибудь, пережив свою обиду и гнев, ты задашься вопросом, что за человек был твой отец — помимо того, что он был трусом. Сохрани мое письмо на этот случай.

Мне было восемнадцать лет, когда я сделал выбор, определивший мою жизнь. Все решения, принятые впоследствии, уже нельзя назвать свободными: я превратился в подхваченную потоком козявку, трепыхания которой никак не влияют на основное направление движения и ничего не меняют по сути. В свои восемнадцать я был глупым, самонадеянным, жадным до удовольствий и безответственным. Но не расчетливым и не циничным. Татьяна привлекла меня своей яркостью, стильностью, непривычной для провинциала раскованностью, но не перспективами, которые открывал брак с дочерью партийного бонзы. О браке я, честно говоря, не помышлял, потому, вероятно, она и выбрала меня из толпы поклонников.

Развилка, на которой я в последний раз выбирал дорогу, будучи свободным человеком, обозначилась, когда Татьяна заявила, что собирается выйти за меня замуж. Если бы я тогда сказал ей «нет», все сложилось бы иначе. Я дождался бы женщину, предназначенную мне Богом, женился бы на ней, и все мы — ты, я, твоя мама — были бы счастливы. Но испуг, жалкий, ничтожный испуг перед неприятностями, которые могла устроить мне разгневанная «золотая» девочка и ее всемогущий папа, оказался сильнее смутного внутреннего протеста.

Обиднее всего сознавать, что тот испуг был напрасным. Отец Татьяны не стал бы мстить одному из бойфрендов дочери только потому, что тот отказался жениться; такой зять, как я, был ему даром не нужен. А со стороны самой Татьяны ничего кроме мелких неприятностей можно было не опасаться, основательно испортить мне жизнь было не в ее власти.

Но, так или иначе, свой выбор я сделал, и дальнейшее от меня уже не зависело. Я не мог отказаться от Ирины, твоей матери, даже зная, чем нам это грозит. С первой же встречи нас повлекло друг к другу с силой, которой бесполезно было сопротивляться. Я пробовал, поверь. Взывал к своему и ее рассудку, к инстинкту самосохранения, к Богу. Пытался укрепить себя примерами других людей, отказавшихся от любви из чувства долга. Все тщетно. То, что в нас проснулось, было абсолютно глухо к страхам, нравственным установкам, доводам рассудка. И неизмеримо их могущественнее.

Отрезвление наступило, когда мы поняли, что у нас будет ребенок. Страх за тебя превозмог наше стремление быть вместе, а вслед за этим обрел силу страх за свою жизнь, за жизнь родных. Узнай отец Татьяны о нас с Ириной и о тебе, он уничтожил нас всех без всяких колебаний. Этот человек для меня всегда олицетворял «барство дикое». Оголтелый помещик-самодур, царь и бог в своей вотчине, без раздумий отдающий приказ за сечь до смерти провинившегося холопа.

Я сознаю, что по собственной вине лишился любимой женщины и родной дочери, что, подкинув тебя чужим людям, сделал тебя несчастной и

едва не навлек на тебя гибель. Но даже теперь, зная обо всех последствиях, не могу придумать другой выход. У меня не было уверенности, что люди моего тестя не проследили меня до дома Ирины, что он не свяжет ее беременность со мной и не сделает генетический тест на отцовство. Спасая тех, кто мне дорог, я обязан был исходить из худших предположений.

Ты можешь винить меня в малодушии, в слабости, в трусости, но, пожалуйста, не считай меня мерзавцем. Я отказался от тебя, потому что не видел иного способа тебя спасти. Возможно, мне следовало бы признаться во всем, когда тесть умер, и угроза миновала, но это было все равно, что ломать по живому неправильно сросшийся перелом: больно будет точно, а срастется ли потом правильно — неизвестно.

И самое главное: решение о подмене принимал я один, Ирина ни о чем не догадывалась. Твоя мама — лучшая в мире женщина, я не знал и не знаю человека прекраснее. Я так и не отважился открыть ей правду, оставляю это решение тебе.

И последнее. Я до конца не знал, напишу ли об этом, не будет ли это с моей стороны недостойной попыткой пробудить в тебе жалость. Но, не зная всей правды, ты можешь сделать выбор, о котором позже будешь жалеть, а я не хочу причинять тебе больше страданий, чем уже причинил. Я серьезно болен, врачи оставляют мне полгода, в лучшем случае, год. Буду счастлив, если ты меня наведишь. Но, понимая, чего тебе это будет стоить, не смею надеяться и тем более настаивать. На случай, если мы не увидимся, хочу сказать тебе: я ничего не желал бы сильнее, чем вернуться к началу и прожить эту жизнь вместе с тобой и твоей мамой. Вкладываю в конверт ее фото.

Твой несостоявшийся отец.

Я вынула из конверта фотографию и стала разглядывать лицо запечатленной на ней женщины — черноволосой и белокожей, с ясными голубыми глазами. Потом задумчиво проговорила:

— Красивая... На хаски похожа... — И прихлопнула себе рот ладонью, наткнувшись на пронзительный Ксенькин взгляд.

— Какая же ты свинюка, Надька, — прошептала она, закрывая лицо руками и заходясь в беззвучном рыдании.

Эпилог

Вторая половина сентября в этом году выдалась на диво погожей. Москвичи, еще не отгулявшие отпуск, потянулись за город — в походы, на дачи, в пансионаты. Их менее счастливые собратья, успевшие отдохнуть

летом, дружно ринулись к островкам природы, уцелевшим в перенаселенном мегаполисе.

В тот солнечный сентябрьский день жители столицы, выбравшие для прогулки Тимирязевский парк, точнее — тропу вдоль речки Жабенка и Большого Садового пруда, имели возможность повстречать любопытную пару, сопровождаемую хвостатым рыжим торнадо. В первую очередь внимание прохожих привлекал, естественно, торнадо — длиннолапый щенок ирландского сеттера с лихо развевающимися флажками ушей, которого смешно заносило на особенно крутых виражах.

Полюбовавшись на это чудо, умиленные граждане переводили взгляд на двух бредущих по тропе женщин, вокруг которых «чудо» нарезало круги. Некоторые взгляды безучастно скользили дальше, а некоторые задерживались, привлеченные контрастностью пары. Красивая зрелая дама с улыбчивым, судя по мимическим морщинкам, лицом, с осанкой и походкой танцовщицы, словно нарочно выбрала себе в спутницы угловатую, сутулую девушку-подростка с трагичным изломом бровей и печальными глазами. Если не считать общих расовых и гендерных черт, ни один, даже самый внимательный наблюдатель, не нашел бы между ними сходства.

Дама была загорелой кареглазой шатенкой с длинными, до середины лопаток, волнистыми волосами, девушка — до прозрачности белокожей сероглазой брюнеткой с предельно короткой стрижкой. Дама ростом и фигурой вполне могла поспорить с Венерой Таврической, девушка, пройди она соответствующую выучку, ничем не выделялась бы среди современных моделей подиума — долговязых и анорексичных. Дама обладала выразительной мимикой и, разговаривая, оживленно жестикулировала, девушка была до крайности скупа на внешние проявления чувств.

Прохожие, занятые собственными мыслями или разговорами, мимоходом задавались вопросом, что может связывать двух столь несхожих особ, и шли себе дальше, тут же позабыв о встрече. Прогуливающиеся одиночки, настроенные на восприятие окружающего, заслышав пару фраз из диалога дамы и девушки, придерживали шаг и долго потом еще гадали: «Кто они? Кем друг другу приходятся?» Но ответа не находили, а те, кто находил, оказывались весьма далеки от истины.

— ... бледная, как спирохета. Неужто за два с половиной месяца не могла выкроить недельку, чтобы поваляться на солнышке?

— Не нуди, Ксень, такая мне досталась кожа — не загорает, хоть тресни. Меланина не хватает. А со временем вообще беда. Знаешь, сколько всего пришлось перечитать и запомнить, чтобы сдать экзамены за десятый?

— Заливаешь! Ни в жизнь не поверю, будто тебе пришлось чего-то там учить. Ты не то, что за десятый класс, за весь курс универа сдала бы экзамены, не напрягаясь.

— А вот и фигурки. Мы совсем по другой программе учились. Особенно по гуманитарным предметам, чтоб их...

— Что, не пойдешь в экономисты? И в политики не хочешь? Ахахах!— притворно ужаснулась дама. — А куда? Опять на химфак?

— Нет, химфак я тогда в угоду бабушке Оле выбрала, сама-то понятия не имела, куда податься, — проигнорировав подначку спутницы, серьезно ответила девушка. — Все-таки семнадцать лет — не возраст для выбора профессии. Зато теперь я твердо знаю, чего хочу: в ветеринарную академию.

— Я могла бы догадаться, — усмехнулась дама, покосившись на лохматую рыжую кляксу, пролетевшую мимо. — Что ж, академия — это славно, тут тебе химия и пригодится. А как к твоему выбору отнеслись Лизины родичи?

— По-моему, им все равно. Виталине по жизни на дочь наплевать, для Василия главное, чтобы девочка была здорова, а бабушка с дедушкой счастливы до безумия, что внучка взялась за ум, они, наверное, и цирковому училищу были бы рады.

— Повезло тебе с Лизиными стариками.

— Не говори. Всем бы внучкам таких бабушек с дедушками — понимающих, деликатных, отзывчивых. — Девушка нагнулась, чтобы потрепать ткнувшегося ей в ноги щенка. — Кто бы мог подумать, что чувство вины тоже бывает полезным для отношений?

— Только если оно обоюдное, в противном случае, одна сторона просто сожрет другую. — Дама вздохнула и спросила: — А как... Сергей?

— Плохо. Только на морфии и держится. Хотя старается не показывать виду, говорит, что счастлив, что скорая смерть — не повод убивать радость, которая в кои-то веки появилась в его жизни. Но, по-моему, ему страшно. Я хочу привезти к нему Алика, его метод должен быть исключительно действенным против страха смерти.

— Да уж! Бояться того, чего нет, как-то глупо, а Сергей Игоревич не производит впечатления дурака. Хотя, конечно... Ладно, все мы не без греха. Ты мне вот что скажи: как он в результате распорядился наследством? Насколько я понимаю, упомянуть тебя, то бишь Лизу, в завещании он не может — иначе у Ирины и Лизиных родственников появятся вопросы?

— Ну да. Лизину часть он завещал Овсепу — с тем, чтобы тот передал Лизе, когда она, то есть я... Короче, когда мы достигнем совершеннолетия. А всего частей шесть. Две — родителям Сергея, одна — Ирине, одна — Злате, и одна — на благотворительность. Григория он из завещания выкинул. Кстати, о Григории... Ты поддерживаешь связь с Павлом Федоровичем? Он следит за процессом?

Дама помрачнела.

— Следит-то он следит, да что толку? Не притянут младшего Водопьянова по сто пятой, это и к гадалке не ходи. Раз вы с Сергеем категорически

против обнародования вашего родства, у сукиного сына нет мотива. А без мотива его любой плохонький адвокат отмажет от обвинения в убийстве. Так что осудят, скорее всего, по сто девятой: причинение смерти по неосторожности. Но осудят железно. Павел нашел охранника, который выпустил КамАЗ с Водопьяновым за рулем с территории гаража, автосервис, где тягач ремонтировали, а главное — таксиста. Представляешь, этот дядька опознал гада из пяти парней одного типа внешности. Видел какую-то долю секунды в машинном зеркале, а запомнил, по его собственным словам, на всю жизнь. Эх, такая доказательная база пропадает! По сто девятой максимальный срок — два года.

— Не переживай, Ксень, два года для избалованного буржуйчика — тоже не сахар. Если бы его укатали лет на десять, Сергей, наверное, страдал бы еще и из-за него. Сын, как ни крути... Как бы то ни было, мы с тобой знаем, что от справедливого воздаяния не уйдешь: не в этой жизни, так в следующей оно убийцу настигнет.

— В следующей жизни он не будет иметь понятия, за что ему воздается, — проворчала Ксения. — Какой смысл в наказании, если наказуемый не знает за собой вины? Нет, мое чувство справедливости посмертной расплатой не утолишь. Здесь нагадил, здесь и разгребай. Только с нашими законами справедливости фиг добьешься! Кстати, ты была права: твоя мамашка, естественно, ринулась в суд оттяпывать свою «обязательную долю». И оттяпала бы наверняка, если бы не твое письмо. Мой адвокат нашел всех, кого ты там упомянула: ваших соседей, твоих учителей, друзей, коллег твоего отца и Ольги Варламовны — из тех, что помоложе... Все готовы, более того, рвутся дать показания. По прикидкам моего адвоката, шансы на признание мадам Ткаченко «недостойной наследницей» где-то шестьдесят из ста. Но я откушу ему голову, если он не выиграет это дело.

— Какая ты кровожадная, — улыбнулась девушка. — Да пускай подавится своей «обязательной долей». Нам с тобой и тех денег, которые оставляет дочери Сергей, не истратить до конца жизни.

— Я кровожадная?! — возмутилась Ксения. — Да я просто образец милосердия! За то, что эти сволочи с тобой сотворили, их следовало бы замуровать заживо в каком-нибудь сыром подzemелье, а я всего лишь хочу не дать им нажиться на смерти бедняжки, которую они превратили в затравленную дичь. Кстати, теперь-то ты можешь мне сказать: чем они тебя так запугали, что ты четверть века пряталась по конспиративным квартирам?

— И охота тебе в этом копать, Ксенька? — поморщилась девушка. — Ничего запредельного там не было. Обычное насилие. Не сексуальное — физическое и психологическое. А что до моей запуганности,

ты же знаешь: травмы детства способны покалечить психику до полной неадекватности. Мои фобии — еще цветочки.

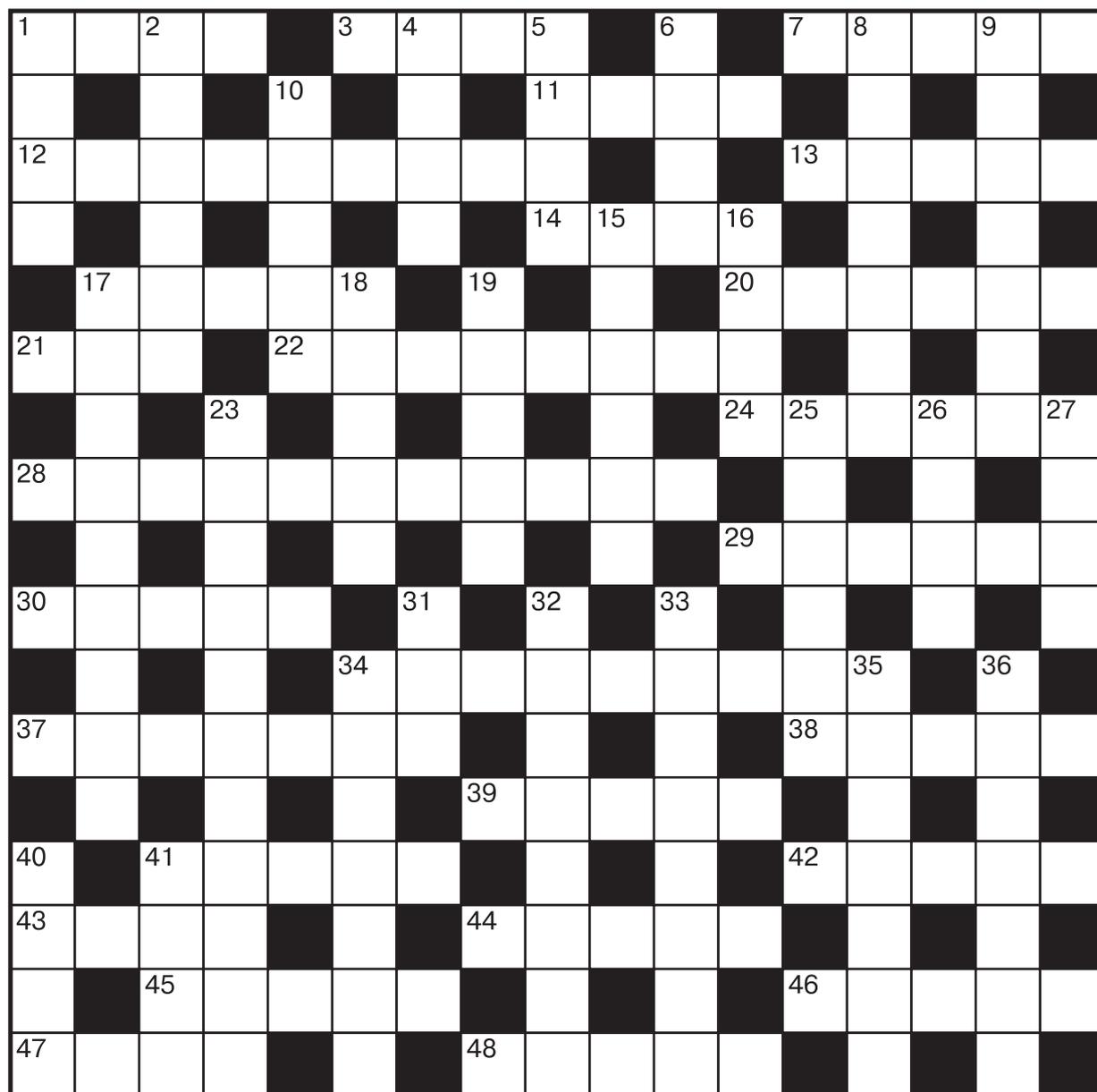
— Рассказывай! Если там не было сексуального насилия, чего же ты всю жизнь от парней шарахалась? С лица бледнела, когда они, всего-навсего, садились рядом или даже просто на тебя смотрели?

— Отчим тоже просто смотрел. Ничего больше, честное слово. А что я под его взглядом чувствовала себя голой и распятой, так это были только мои проблемы, верно? Взгляды к вещдокам не приобщишь и к делу не подошьешь. Тем более что таким специфическим образом он смотрел на меня, только когда мы были вдвоем. Хотя мать, кажется, все равно что-то такое чувствовала. Во всяком случае, после моих тринадцати лет она лупила и унижала меня с особым остервенением. Вытравливала любые проявления женственности — вплоть до обкарнывания портновскими ножницами. Слушай, хватит об этом, а? Теперь-то это точно дело прошлое...

— Прошлое, — вздохнула дама, — если только ты не потащишь свои страхи за собой. Если станешь свободной и счастливой, будешь влюбляться, крутить романы, выйдешь замуж... В общем, если проживешь полноценную во всех отношениях жизнь, которую задолжала Лизе. И Надежде. Да и мне, если уж на то пошло.

— Ксенька, ты такая умная и необыкновенная, а тоже мыслишь штампами! — шутливо возмутилась девушка. — По-твоему, полноценная во всех отношениях жизнь обязательно подразумевает романы и замужество? К твоему сведению, кама, чувственная любовь, частенько свидетельствует об отягощенной карме, а я, судя по видению у Алика, большую часть своих кармических долгов отдала. Та любовь, которая нужна для счастья и свободы, совсем не обязательно подразумевает влюбленности, брака, детей, внуков. А со страхами, как мне кажется, я распрощалась. Так что моей свободной, счастливой, полноценной жизни больше ничего не угрожает, и этот свой долг я выплачу — и тебе, и Надежде, и Лизе... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Классик французской литературы с негритянским темпераментом. **3.** «Липучка» муравьеда. **7.** Что проще инфузории? **11.** Ароматизатор газировки. **12.** Континентальный «кенгурятник». **13.** Реклама события. **14.** «Выходка» из казана. **17.** Дядюшка из сказок аме-

риканца Джоэля Харриса. **20.** Кто делит людей на белых и прочих? **21.** Конопушки бублика. **22.** От чего избавляет логопед? **24.** Карточный оборотень. **28.** Какая картина позволяет сэкономить на натурщиках? **29.** Какие волны облизывают берег? **30.** Кумир романтиков. **34.** Еда меж-

ду булок. **37.** Мэтр детективного жанра, собиравший телефонные справочники. **38.** Сарафанное. **39.** Японская красotka, чтобы скрашивать досуг. **41.** Финансовое одолжение. **42.** Ловелас в кивере. **43.** «Щупальце» клубники. **44.** Какая ягода обладает ярко выраженными противовирусными свойствами? **45.** «Лазутчик среди растений». **46.** «Донный тормоз». **47.** Граница бездны. **48.** Кто из мэтров советского кино в разное время был женат на актрисах Розе Макагоновой, Наталье Фатеевой и Валентине Титовой?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что вдохновляло Леонида Утесова? **2.** «Туше-раздирающая» профессия. **4.** Выстрел хором. **5.** «Затычка гласности». **6.** Китайская закуска «Столетнее ...». **8.** Деньги, ставшие украшением. **9.** Кого сыграл Леонид Каневский в мушкетерском телефильме? **10.** Дивиденд с бахчи. **15.** Чем хирург Николай Пирогов пациентов резал? **16.** Воля и цель зла. **17.** Поис-

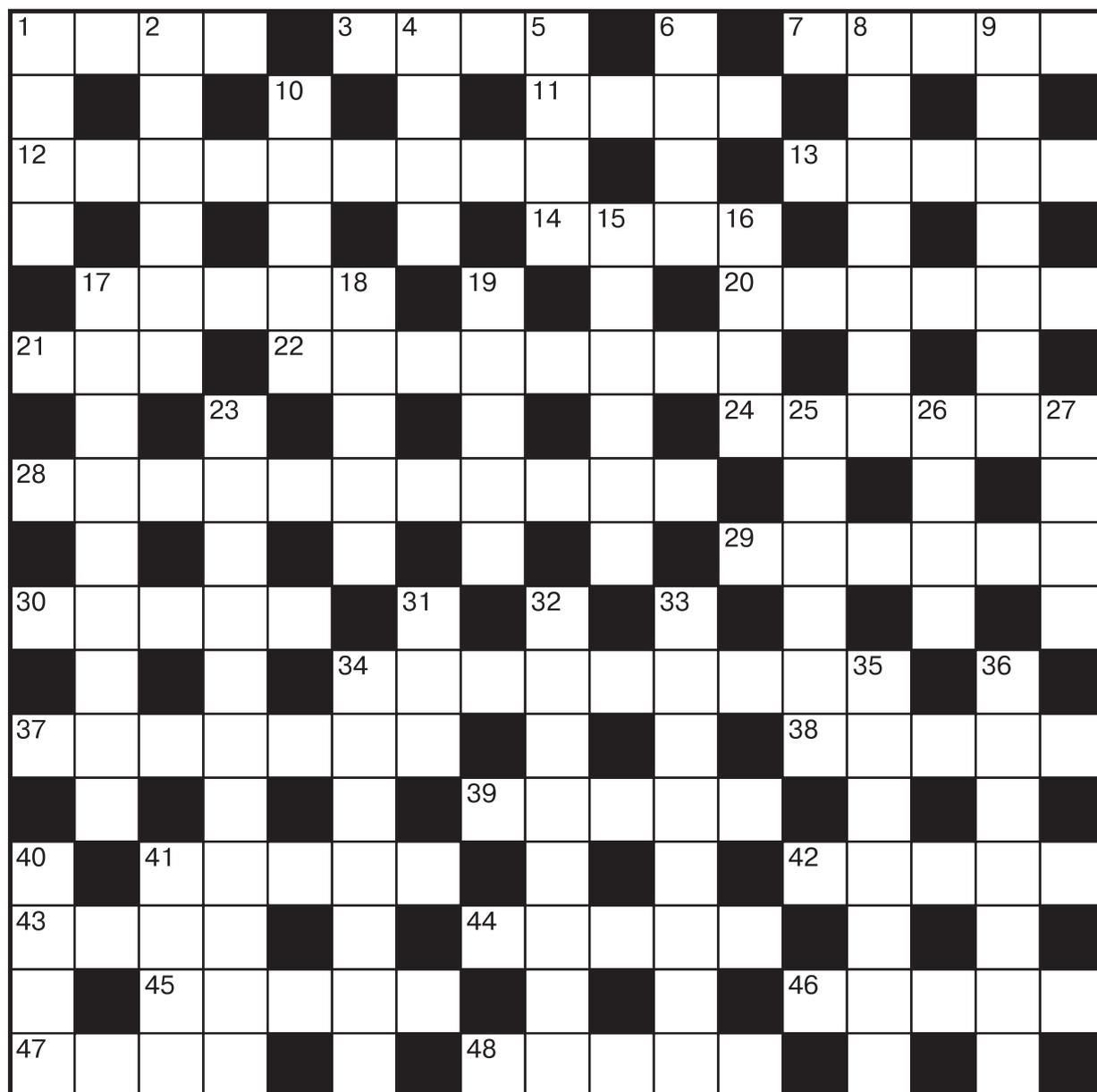
ковик военных тайн. **18.** «Склад рыбака». **19.** Кого из классиков окрестили «последним рыцарем Шотландии»? **23.** Кто положил «конец монополии» «Евклидовой геометрии»? **25.** Героиня Алисы Фрейндлих из мелодрамы «Старомодная комедия». **26.** Остров с Варадеро. **27.** Главнейшая судоходная река Германии. **31.** Чин у церковников. **32.** Какая ягода стала первым средством для лечения жертв Чернобыльской катастрофы? **33.** Передвижник в звании генерал-майора. **34.** «Все всегда оказываются не такими, как от них ждешь» (нобелевский лауреат). **35.** Что стало в средние века символом пилигримов? Кстати сказать, во время паломничества они использовали это вместо дорожной посуды, а возвратясь домой, заделывали в стену своего дома. **36.** Самка барабана. **40.** «Действо» после обратного отсчета. **41.** Что Самсон черпал в волосах?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Устав. **9.** Газон. **10.** Водопад. **11.** Захаров. **12.** Бальзам. **13.** Волхв. **14.** Бердяев. **15.** Ренегат. **18.** Слухи. **19.** Опыт. **21.** Мидия. **23.** Урок. **25.** Ипподром. **26.** Жесть. **27.** Виет. **29.** Багет. **32.** Мальчик. **34.** Валет. **36.** «Марат». **37.** Блокнот. **38.** Клест. **39.** Успех. **40.** Красота. **41.** Вишня. **42.** Вальс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Батарея. **2.** «Большевик». **4.** Спам. **5.** Азazelло. **6.** Зов. **7.** Попов. **8.** Пасха. **10.** Воздухоплаватель. **11.** Заразительность. **13.** Вес. **16.** Спорт. **17.** Штамп. **20.** Буква. **21.** Модем. **22.** Конев. **24.** Отчим. **28.** Танкист. **30.** Таблоид. **31.** Персона. **33.** Каисса. **35.** Флора.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Корона замужества» в Древней Руси. **3.** Шеренга византийского боевого построения. **7.** Гаитянский ром. **11.** Опускающая решетка крепостных ворот. **12.** Что ремонтирует вместе с отцом герой фэнтези «Хранитель времени»? **13.** Овчина «шелковой» выделки. **14.** Бес из сви-

ты яростной богини Кали. **17.** Белый морской окунь. **20.** Весь сморщенный гриб. **21.** Спланированная импровизация. **22.** Кольцо, вставляемое в губу. **24.** Судно викингов. **28.** Скопление микробов **29.** Японский кинжал. **30.** Шаман у кельтов. **34.** Индонезийский военный танец. **37.** Правитель,

с владычеством которого связывают появление виноделия в Персии. **38.** «Ядовитая буря» в пустыне. **39.** Знахарь с Филиппин. **41.** Порода английских скакунов. **42.** Дугообразный извив. **43.** Кто придумал школу для юных магов Тибидохс? **44.** Лошадиный «грузовик». **45.** Какой Джими заменял Ринго Старра во время части всемирного турне The Beatles? **46.** Какую собаку нельзя стричь даже летом? **47.** Мавританская валюта. **48.** Каким виски изначально оспу лечили?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Армянская лира. **2.** Застольная игра с вином у древних греков. **4.** Цитра гейши. **5.** Невинная жертва на церковно-славянском. **6.** Кто получил Нобелевскую премию за открытие пчелиного языка? **8.** Мера емкости, попавшая в роман Мигеля де Сервантеса о Дон-Кихоте. **9.** Старинный иконописец. **10.** Юноша «виноградной лозы». **15.** Любимая

жена Уильяма Блейка. **16.** Чудовище, пожирающее душу человека, в якутских мифах. **17.** Морская черепаха. **18.** «Город греха» из рассказа «Молодой Браун» американца Натаниэля Готорна. **19.** Папа Римский, объявивший первый «крестовый поход». **23.** Премияльное время, присуждаемое велогонщику. **25.** Гора высотой 6666 метров. **26.** Модель Toyota. **27.** Художник, ставший чуть ли не единственным, за кого очаровательная Коко Шанель «собиралась замуж на полном серьезе». **31.** Колокольный мертвец в русских поверьях. **32.** Убийца взглядом. **33.** Фламандская карамель. **34.** Как сердолик иначе называют? **35.** Какой ремень прежде привязывали к рогам обоим запряженных волов, чтобы легче ими управлять? **36.** «Чертово захоlustье». **40.** Кто вдохновил Агату Кристи на написание детективных романов? **41.** Олимпийская чемпионка из фильма «Серенада Солнечной долины».

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Азкар. **9.** Дедка. **10.** Лексема. **11.** Кальмет. **12.** Рогозов. **13.** Хабуб. **14.** Геликон. **5.** Аксирис. **18.** «Игрок». **19.** Гулд. **21.** Манси. **23.** Баил. **25.** Атриклин. **26.** Урбан. **27.** Гуам. **29.** Арбир. **32.** Перелог. **34.** Тусон. **36.** Крафт. **37.** Келейст. **38.** Пещур. **39.** Алчба. **40.** Авеллан. **41.** Юката. **42.** Троян.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Щекотка. **2.** Акмонитал. **4.** Зуав. **5.** Альберго. **6.** Сет. **7.** Аслан. **8.** Ямчуг. **10.** Лепидоптерофобия. **11.** Комиссаржевская. **13.** Хой. **16.** Вулли. **17.** Юдина. **20.** Ябага. **21.** Митап. **22.** Чигит. **24.** Балок. **28.** Медеола. **30.** Руденко. **31.** Локуста. **33.** Гролар. **35.** Нейва.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1 полугодие 2026 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 330 рублей 00 копеек
За полугодие — 1980 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ С 1-ГО ПОЛУГОДИЯ 2026 ГОДА НЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: <https://t.me/smenamagazine>

Вся пресса в одном месте!

! ВНИМАНИЕ! Анонс на №12-2025

ISSN 0131-6656

СМЕНА

« Старшая из сестер Гончаровых Екатерина была, наконец, определена фрейлиной ко двору. О ней говорили: «Не красавица, но с изюминкой». Вскоре за ней начал ухаживать блестящий офицер и повеса Жорж Дантес. Через какое-то время он сделал Катеньке предложение руки и сердца. Свет был поражен: «Как? Жорж женится на старшей Гончаровой, бедной сестре поэтической красавицы?!» Как бы то ни было, свадьба все-таки состоялась, и Катрин была счастлива. Но долго ли длилось это счастье?..

Светлана Марлинская **«Заложница любви»**

« Жизненный путь поэта Якова Полонского сложился непросто. Заслуженное признание и почет пришли к нему только в конце жизни, хотя литературное наследие его было велико: сборники стихотворений, огромное количество поэм, рассказов и романов. А его романс «Песня цыганки», более известный как «Мой костер в тумане светит», живет и по сей день и стал поистине народным.

Владимир Братченко **«Трудный путь к признанию»**

« В Москве, по адресу Кривоарбатский переулок, 10 находится дом, который называют домом Мельникова. Это едва ли не единственный дом, выстроенный им для себя по собственному проекту и на свои средства. Он не любил вписываться в рамки, но старался быть всегда впереди — в авангарде.

Евгения Гордиенко **«Константин Мельников. Человек, архитектор и дом»**

« Жизнь французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери была полна авантюры и опасных приключений, а смерть автора «Маленького принца» стала одной из неразрешимых загадок XX века. Небо стало для Экзюпери любовью на всю жизнь. До конца своих дней он не изменял выбранному им пути, каждый день рискуя жизнью, даже когда стал знаменитым писателем.

Юрий Осипов **«Рыцарь планеты людей»**

Исторический детектив Натальи Рожковой **««Расследования поручика Прошина»**

№11 ноябрь 2025